

МИЛИЦИЯ ПЛАЧЕТ

АЛЕКСАНДР ШИШОВ

Александр Георгиевич Шишов

Милиция плачет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70023955

SelfPub; 2023

Аннотация

Третья книга из серии «Розовый нафталин». В предыдущей книге «День варенья» прозвучало волшебное слово "КГБ", решившее одну насущную проблему, но породившее другие, непредсказуемые. Заканчивается 1976 год. Но не заканчиваются приключения одесситов-студентов как в Харькове, так и в Одессе, куда они вернулись на встречу Нового года. Этот период их жизни тесно связан с представителями власти, которые самым неожиданным образом проявляются то в виде скрытой угрозы, то справедливым вершителем судеб, то молящим о помощи милиционером. Возникшие детские воспоминания о милиции дополняют картину взаимоотношений, а весёлые школьные и студенческие истории привносят истинно одесский колорит. И, конечно же, приключения, подвиг и триумф, как всегда, следуют друг за другом цепочкой увлекательных эпизодов и ярких впечатлений.

Содержание

1. Красная суббота	6
2. Время собирать камни	14
3. Обратная сторона медали «За боевые заслуги»	26
4. Веломания. 1963 год	39
4.1. Три копейки	39
4.2. Велосипедный номер	59
4.3. Шпионы, шпионы, везде одни шпионы	68
5. О мусоре и не только. 1964 год	83
5.1. Бульвар, Грот	83
5.2. Мосик	96
5.3. Брат Ньюма	100
5.4. Новый мир старого Бульвара	107
5.5. Дурной пример заразителен	114
5.6. Коммунальные лабиринты	120
5.7. Покурим?	131
5.8. Изостудия	139
5.9. Мусор	147
6. Долгий путь домой	160
6.1. Руководитель практики, или Силы трения	160
6.2. Авантюра, или Два великих специалиста	169
6.3. Настоящий мужчина, или Двойной успех	181
6.4. Поехали! Случайные встречи, или Скорые расставания	201

6.5. Have you business? 1971 год	209
6.5.1. Эстафета, или Ложный финиш	210
6.5.2. Бит-группа без названия, или ГОЛОС	219
6.5.3. Фарцовка, или Жизнь учит	233
7. Ёлки и палки	254
8. Новогодний праздник – инструкция по применению	280
8.1. С Новым 1977 годом от Рождества Христова!	280
8.2. Всё по плану	300
8.3. С Новым 1944 годом от Смерти Иисуса Христа	317
9. Вперед, обратно в Харьков	322
9.1. За вами приходили...	322
9.2. Военный совет	335
9.3. Свиток мести	341
9.4. Так что же всё-таки произошло?	351
9.5. Сладость холодного мщения	363

Александр Шишов

Милиция плачет

– ...милиция по ним плачет...

«Не милиция, а тюрьма», – хотел было их поправить. Но, сделав вид, что они нам безмерно безразличны, не оборачиваясь, пошёл дальше.

Ну, что ж, «Милиция плачет» – прекрасное название для следующего репортажа из харьковского общежития.

Александр Шишов, «День варенья»

1. Красная суббота

Замечательный день – советская суббота. По аналогии с романом Мари-Анри Бейля, известного под псевдонимом Стендаль, субботы делились на красные и чёрные. Красные для отдыха граждан, а чёрные для их работы. Идеологи построения коммунизма одну субботу в месяц помечали чёрным числом календаря, называя её при этом «рабочей», и обязывали относиться к ней как к обыкновенному буднему дню, оплаченному по ставке или по выработке. Не путать с субботниками. Субботник, это тоже работа по субботам, но даром. Ничего сложного, до 1967 года и таких суббот не было – сплошная шестидневка, шесть дней работаешь, один день отдыхаешь. Иногда по воскресеньям, на усмотрение райкома и по требованию «трудящихся масс», назначался праздничный «субботник» под названием «воскресник».

Разноцветные субботы семидесятых вносили пикантное разнообразие в череду сменяющихся рабочих и выходных дней, ломали устоявшийся порядок миграции трудовых и учащих масс к привычным местам приложения сил и способностей. По большей части физических и по остаточному принципу – умственных.

Если в календаре суббота помечена красным цветом, то пути благодарных трудящихся и недовольных учащих расходились диаметрально противоположно. Первые отдыха-

ли, вкушая плоды успехов развитого социализма. А вторые, можно было бы сказать, учились, если бы они своей учёбой не заставляли работать научно-педагогическую интеллигенцию, вызвавшуюся их обучать, исподволь привлекая к трудовой субботней повинности неинтеллигентных завхозов, техничек, гардеробщиц, буфетчиц и других видимых и невидимых субъектов системы образования, без которых некому даже дверь отпереть в храм науки и учебного процесса.

27 февраля 1977 года – «Чёрная» суббота.

А вот если в календаре суббота помечена как-то по-особенному– значит, это день солидарности, равенства и братства. «Чёрная» суббота. Все работают, остальные учатся. Трудовой народ добропорядочно, выцеживая сквозь зубы горечь радости и гнев воодушевления, отрабатывает по семь-

восемь часов, без которых, наверняка, рухнула бы вся стройная система повышения производительности труда и резко уменьшились показатели в социалистическом соревновании. Студенты в этот день как учились, так и продолжают учиться, не понимая по простоте душевной, почему в трамвае так много раздражённых и недовольных пассажиров.

Суббота после пятничного «дня варенья» была красной. Научные институты, где у нас проходила практика, отдыхали, а учебные, естественно, работали. И это разительно, в наших же глазах, отличало нас, без пяти минут инженеров, от всей остальной студенческой братии, прижившейся в многоэтажном улье на Московском проспекте. Благодаря красным субботам мы невольно, по-взрослому, получая законный выходной, точно и дозированно соприкасались с радостями будущих производственных будней.

Обитатели нашей комнаты проснулись, но принципиально не вставали с кроватей, пока не уляжется в коридоре шум от утренней суеты замороченных студентов. Ещё минут десять и последний студент, хлопнув громко дверь, пробежит по коридору, его удаляющиеся шаги затихнут, и настанет долгожданная тишина.

Ровно неделю тому назад, в субботу, тоже красную, нерабочую, нам, тогда ещё обитателям аспирантской бытовки, удалось чуть-чуть поглумиться над самым вредным аспирантом, поддерживая тем самым высокий градус взаимной нелюбви на фоне буфетов, расставленных в нашей комнате,

и всех вытекающих отсюда проблем и неприязней.

В тот день мы не спеша поднялись, умылись, позавтракали и, радуясь непривычной гулкой тишине общежития, решили немножко почитать. Улеглись на кровати одетыми поверх одеял с книжками и журналами в предвкушении нескольких спокойных часов в приятном обществе грамотно расставленных букв в умных и толковых предложениях.

Тишину нарушили шаги, они возникли где-то в глубине коридора и быстро приближались к нашему тупику. Дверь резко, с противным визгом распахнулась, в комнату влетел аспирант и по-хозяйски, никого не замечая, принялся выворачивать содержимое одного их буфетов. Он сосредоточенно копался в нижнем центральном отсеке, с головой скрывшись в его чреве, и было очевидно, что по какой-то только ему ведомой озабоченности он нас не заметил.

Безмятежность библиотечной идиллии, чередуясь, нарушили: противный скрежет снующих пустых кастрюль, глухой металлический перезвон сковородок, цоканье банок с домашними консервами и назойливое, бесконечное шуршание оберточной бумаги. Кто-то из наших ребят продолжал читать, относясь к визиту аспиранта, как к неизбежному назойливому летнему комару, а некоторые, заложив пальцем страницу книги, внимательно наблюдали за его странными действиями.

Первым не выдержал Манюня:

– Воруем? – заботливо прозвучал в тишине его голос.

Бедный аспирант. Он дернулся, хотел обернуться, но буфет с геометрической последовательностью всех сторон фанерно-деревянного куба своего нутра решил проучить его за неурочный визит гулками ударами. Это, безусловно, была месть буфета. Внешне могло показаться, что аспирант, выбираясь наружу, педантично бьется головой обо все стенки нижнего отсека, чтобы в завершении, ударившись затылком о верхнюю перегородку, с мелодичным звоном встряхнуть содержимое выдвижного ящика, заваленного вилками, ножами и ложками. На коленях, задом вперед он всё-таки выбрался из западни, развернулся на четвереньках и по-собачьи замер, приподняв лапу, то есть руку, недоуменно вперив в нас взгляд с плавающим, нечётким фокусом.

– Это мой буфет, – просипел он, вставая с колен, и тут же перешёл в наступление:

– А вы почему не на учёбе?

По тону вопроса и апломбу могло показаться, что этот аспирант страдал манией величия. Но мы уже немного разобрались в повадках институтской элиты и могли однозначно предположить, что он находился на особом положении, так сказать, был приближен к узкому кругу власти. Или к комитету комсомола, или профкому, или, не дай Бог, к парткому, а может, и к деканату иностранных студентов. Белая кость. Не совсем белая, но уже не серая.

Объяснять очевидное не хотелось, так бы и промолчали, брезгливо пропустив вопрос мимо ушей. Но не все. Миха, он

же Марк по паспорту, а по жизни Мишка Костецкий, имел свой специфический взгляд на взаимоотношения с непрошеными гостями. Проживая в типичном одесском, вымощенном серой базальтовой плиткой, дворике с деревянными верандами по второму этажу, акацией, краном посередине двора и белеющим туалетом за углом, он почерпнул от одного из соседей, скрытого ортодоксального еврея, немного иудейской мудрости. Миха не мог себе отказать в демонстрации тайных знаний, тем более что у него, в отличие от нас, настроение было до крамольного игривым:

– Сегодня суббота – шаббат по-нашему. Нам ни учиться, ни работать нельзя. Запрещено.

– Кому запрещено?

– Нам. Православным иудеям, – с достоинством ответил Миха, обведя рукой наши удивлённые славянские физиономии, и доверительно добавил, – нам сегодня только тору читать можно, священную книгу.

Аспирант недоуменно уставился на журнал в Михиной руке и, радостно изобличая, ткнул пальцем:

– Ха. А журналчик-то «Наука и жизнь».

– Это для маскировки, – серьезно, готовый вот-вот рассмеяться, продолжил Миха и хитро прищурил для снятия веселящего напряжения правый глаз, – обложка от «Науки и жизнь», а внутри все написано как надо, справа налево, на иврите.

– Можно посмотреть? – не унимался аспирант.

– Чужим нельзя. Сделаешь обрезание, приходи, обязательно покажем, – и, не сдержав раздирающих внутренних сил собственного юмора, громко и жизнерадостно рассмеялся.

– В следующий раз на входе снимешь штаны, предъявишь свой «еврейский паспорт» и милости просим, – подхватил Мурчик всеобщий хохот.

– *Цедрейтер*, – громко вспомнил я первое пришедшее в голову слово на идиш.

– А что ты ему сказал? – Шура удивлённо посмотрел в мою сторону.

– Понятия не имею. Или «будь здоров», или «сумасшедший» – я их всегда путаю.

Аспирант ничего не ответил, запихнул продукты обратно в буфет и, неприятно кося злыми глазами, молча вышел из комнаты. Мне почему-то показалось, что количество врагов среди аспирантов не убавилось, разве что одним антисемитом стало больше.

2.Время собирать камни

Сегодня долгожданная суббота. После вчерашней бурной пятницы в качестве незваных гостей на «дне варенья» хотелось немного покоя.

Ожидание долгожданной тишины субботней харьковской общаги, казалось, тянется дольше обычного. Нет, мы не проснулись раньше времени, наоборот, даже выспались после вчерашнего кипучего вечера, но шаги по коридору всё никак не стихали – шаркали, стучали каблуками, суетливо сновали туда-сюда. Гремела посуда, на кухне свистел чайник. Разве что не было обычных поутру криков и громких разговоров, только приглушенный шёпот, сдавленные смешки и немногословные тихие обрывки предложений. Спать уже не хотелось, но и вставать было бессмысленно, пока все не разойдутся и не освободят места общественного пользования, включая кухню и умывальник.

Вчера вечером мы ещё долго не ложились спать, вспоминая перипетии «томного вечера», нервно ржали в эйфории победы, ещё и ещё раз смакуя реакцию чернявенького на тихие, задушевные и глубоко проникновенные слова Шуры. Долго не могли заснуть, выходили курить, пили чай, бродили в туалет, потом опять чай и опять курили. Болтали обо всём и ни о чём. Разговор из шутливого и легковесного, по мере наката усталости, переползал в серьёзный и обстоятельный,

чтобы разрядиться смехом на внезапную, но своевременную шутку. Так и заснули, вымотанные впечатлениями долгого вечера, с ломотой в скулах от постоянного непроходящего смеха.

Теперь, утром, лёжа с открытыми глазами, можно подытожить всё сказанное и пересказанное вечером и ночью. Попробую, отложив в сторону прозвучавшие шутки и подколки, сделать выжимку из многочасовой беседы.

Странные нас окружают люди, вернее сказать, непривычные для нас в общении. Иногда кажется, что для беседы с ними на общем для нас русском языке нужен переводчик. Вроде бы и слова складываются правильно и предложения стройные, а со смыслом что-то не в порядке. Везде – как в наших харьковских институтах, научных или в этом учебном, так и в общаге – одно и то же. Удручающе некомфортно.

Шутки наши они категорически не воспринимают. Или чувство юмора у нас разное, или уж очень они серьёзно относятся к жизни, особенно здесь, в общежитии. А почему бы и нет. Вот мы, жизнерадостные домашние одесские дети, ходим в институт из дома, где тепло и сытно, где всегда подкинут пару копеек на лишние личные расходы, мы одеты, обуты, а с проблемами пропитания и выживания, кроме как на практиках в других городах, никогда не сталкиваемся. Замечено, именно на выездных практиках и военных сборах у нас и проявляются особенные черты характера, которые в тепличных условиях не востребованы и до поры до времени

дремлют в домашнем уюте.

Другое дело они – ребята из общежития. Приехали в чужой большой город, поступили в институт, получили койко-место, на стипендию не прожить, окончишь институт – пинком под зад и по распределению опять в глушь. А как хочется зацепиться, получить в Харькове работу, встать в очередь на квартиру и вырасти из детских штанишек своего села или провинциального городка.

Особенно зубасты иногородние аспиранты. Эти акулы свои пять лет прожили не зря, знали, ради чего грызли гранит науки, тащили воз общественных нагрузок и глотали пыль комсомольских мероприятий. У них впереди такой шанс в жизни, как ни у кого. Защита диссертации, место на кафедре и, опять же, харьковская прописка, а там доцент, профессор или по административной линии – декан-проректор-ректор. Дух захватывает. Молодые старички-прагматики, целеустремленные, бескомпромиссные – ну откуда у них взяться чувству юмора. Как зачаток, конечно же, существует, иначе не смогут посмеяться над шуткой научного руководителя, а вот своего развития в процессе эволюции организма не произошло – рудимент.

Нам-то их жалко, их ограниченность очевидна, вот и подшучиваем как над скудоумными, а они, видимо, не до конца дебилы, что-то чувствуют, обижаются, иногда даже кажется, что серьёзно подозревают нас в неблагонадежности. Мы, конечно, такие же советские люди, как и они, ну не совсем та-

кие, но советские. Но они однозначно видят в нас идеологических врагов – то замечают происки сионизма, то признаки капитализма, то остатки волюнтаризма, то проявления конформизма с космополитизмом или ещё какого-нибудь чуждого закордонного «-изма».

На ночном собрании и на сытый желудок мы единодушно решили – надо срочно менять стиль общения с категорией подобных неблагодарных слушателей. Не ровен час, отравят нам те несколько оставшихся недель до полного освобождения от ярма преддипломной практики.

Ведь прямо на глазах, из ничего, лёгкая неприязнь аспирантов переросла в затаённую обиду и ненависть, а там недолго и до открытой конфронтации. Нет сомнения, что обиженные, разочарованные и униженные студенты вчерашнего «дня варенья» – их добровольные помощники, боевые руки чистоплотных аспирантов. Только спрашивается, за что воюем? Что вам, ребята, надо?

Ой неспроста так быстро и в таком количестве было собрано столько людей в коридоре. Спонтанно, без организованной помощи такого не добиться. И аспиранты были среди них тоже неспроста.

Единогласно мы сошлись во мнении – без аспирантских торчащих ушей не обошлось. Конечно, обида студентов нам понятна. Молодцы, подняли народ, собрали в одном месте, и накал агрессии был соответствующим, и степень негодования, но сложилось впечатление, что не их это заслуга. Тут

были замешаны более влиятельные силы, радуясь возможности больно накостылять нам, варягам, чужими руками и указать место, чтобы сидели тихо где-то в уголочке, не высывались и не раздражали своими «одэскими» шуточками.

Проучить нас не удалось. «Сын лейтенанта Шмидта» в лице «сына полковника КГБ» их озадачил – не ожидали такого оборота. Но не надо расслабляться. Когда мы попробовали себя поставить на их место и подумать их обиженным умом – выяснилось, что расклад не в нашу пользу. Аспиранты призадумаются, затихнут, затаятся, чтобы при первой же нашей оплошности поквитаться весьма жёстко и обязательно с самыми серьезными последствиями, как с врагами народа. Им нужно дождаться нашего проступка, а оступиться в раю общежитиевского быта можно элементарно. Например, какой-то самый безобидный сабантуй. Побежали, заложили – и всё. Припишут (свидетелей все четыре этажа) регулярные пьянки, бесконечные дебоши и драки. Прощай, институт, не только в виде харьковской общаги, но и в виде одесской альма-матер. Тут уже не до шуток. Нет, с ними следует ухо держать остро, расслабляться нельзя. Нужно успокоиться, быть паиньками и ждать ответного хода.

После этого исторического решения мы наконец-то выключили свет и улеглись спать.

Финальная шутка с «сыном полковника КГБ» для меня лично имела неприятное послевкусие. Собственные ощущения можно сравнить с состоянием борца классического сти-

ля, которого, нарушая правила, подножкой отправили в партер, и он, прижатый противником к ковру, чтобы избежать неминуемого туше, кусает его незаметно от судьи за ухо и спасает проигранную схватку. Запрещенный приёмчик – объективно оправданный с точки зрения возмездия и высшей справедливости.

Сама идея всеу поминать всемогущий орган меня не вдохновляла, хотя, чего греха таить, это был уже не первый случай, когда три магические буквы «конторы глубокого бурения» спасали мой внешний вид от побоев.

«Don't trouble trouble until trouble troubles you», говорят в таких случаях англичане, что можно перевести, как *«Не чинай лихо, доки воно тихо»* (укр.).

Предчувствия, как ни странно, не обманули. Возникшая импровизация на тему «сын полковника КГБ» только на первый взгляд была спасательным кругом в море враждебных и агрессивных эмоций.

Вынужденно брошенный в экстремальной для нас ситуации умозрительный спасательный круг в реальности оказался неуклюжим и угловатым булыжником, всколыхнувшим поверхность даже не тихой заводи, где водятся тривиальные черти, а застоявшегося вонючего болота, покрытого острой осокой ненависти, сосудистым хвощом пересудов, качающимся рогозом домыслов, камышовым шумом сплетен и разноцветными мхами доносов.

Круги болотной жижи, неторопливо расходящиеся от ме-

ста падения оружия пролетариата, вопреки законам бытия не гасли, а наоборот, росли и набирали силу, подпитываясь новыми подробностями в пересказах очевидцев, которые если вчера что-то и видели, но ничего толком не слышали.

Пока мы спали, зловонная волна сплетен подросла, налилась, окрепла и к нашему безмятежному пробуждению уже шквалом прошла по всем этажам общежития.

В пересказе «очевидцев» мы прошли путь от сектантов-сионистов, склонявших молодежь к групповому обрезанию крайней плоти, до засекреченных агентов госбезопасности, внедренных в общежитие для выявления шпионского кубла. Мнений было много, но в одном все сошлись – мы не те, за кого себя выдаем. «Кто вы, доктор Зорге?» – вопрос оставался без ответа.

Не хватало исчерпывающей информации – мы спали и, естественно, молчали, а главные потерпевшие, участники негромкого разговора в коридоре, и они же бесславно поверженные заводили бучи, отсутствовали со вчерашнего вечера по уважительной причине.

Исчезновение чернявенького и Бэшена в хорошо известном направлении и их долгая отлучка никого из местных не удивили. Все знали, что по субботам «стучится» дольше, и до тех пор, пока они не застанут нужного человека и не доложат ему суть вопроса, они здесь не появятся.

Наконец, мы встали, привели себя в порядок и решили позавтракать. Только сели за стол, разлили чай, размешали

сахар, разобрали вчерашние бутерброды – стук в дверь. Вошла наша новая знакомая по дню рождения, симпатичная девчушка, поделившаяся со мной обидами на своих мальчиков.

В общежитии есть неписанные законы – если мальчики стучатся в дверь к девочкам, то без разрешения не входят, а если наоборот, то и наоборот. Застала она нас, можно сказать, на месте поглощения. Мы так и застыли с чашками чая в одной руке и трофейными бутербродами в другой, не зная, что с ними делать.

Вовремя нашелся Мурчик, он, как бы не замечая её прихода, развернулся к Профессору, приговаривая:

– Профессор, доктор сказал надо – значит, надо. За маму... – и протянул ко рту оторопевшего Профессора бутерброд с докторской колбасой.

Профессор, пряча за спину надкусанный сэндвич с сыром, что-то в ответ промычал, и, не разжимая губ набитого рта, отрицательно замотал головой.

– Не может, – печально сказал Мурчик девушке, – очень горло болит. Подождем.

Мы синхронно, с сожалением, сложили недоеденные бутерброды на общую тарелку.

– Ой, мальчики. Я такое расскажу, – затараторила она. – Вчера, вы вышли покурить, а вас всё нет и нет, мы забеспокоились. Хотим выйти посмотреть, а дверь закрыта, мы толкаем, толкаем, а она ни в какую, наверное, кто-то нас на ключ

закрыл...

– Никто не закрывал, – больше объясняя, чем оправдываясь, спокойно сказал Манюня, – это я плечом облокотился. Чувствую, толкают, пока я отодвинулся, уже и перестали.

– Так вот, – продолжила утренняя гостья, – слышим в коридоре шум, возгласы, ничего не можем понять, потом тишина, попробовали дверь – открыта, а в коридоре никого, ни вас, ни наших мальчиков. Мы посидели ещё немного, поболтали и разошлись. Так чего я пришла пораньше? Чтобы узнать, всё ли у вас в порядке.

Те, кто не успел прожевать, кивком головы подтвердили наше прекрасное самочувствие, остальные отделались одобрительными междометиями.

– И ещё, – продолжила бойкая девушка, – у нас еды осталось много, так мы хотим вас на завтрак пригласить, сейчас картошечку разогреем, рулет есть, капусточка, вино тоже осталось, много, – добавила она, как весомый аргумент.

Мы согласны были идти в гости сразу, и без вина, с первой же буквы слова «завтрак», но вскочить и бросить на столе надкусанные бутерброды было бы вопиющим нарушением наших новых принципов, возникших вместе с пережитым голодом, по отношению к продуктам питания.

Девушка неправильно поняла нашу реакцию и как последний довод, интригуяюще понизив голос, добавила:

– У нас ещё сладкое есть, за окном торт всю ночь на морозе простоял. Мы потом его с чаем поедим, в двенадцать.

Тома должна прийти, – последнее было сказано лично мне.

Вскоре мы начали ощущать свою популярность. Явные перемены в глаза ещё не бросались, но признаки изменений, назойливо витающие в воздухе, услужливо подсказывали грядущие метаморфозы.

Возникали приятные, неожиданные и невероятные ситуации. С утра, в умывальнике, с нами поздоровались – это было приятно и неожиданно. В кухне уступили очередь на общественный чайник, который уже закипел, и вместе с чужим бурлящим кипятком нам предложили его забрать. Вот это было невероятным.

Приятно чувствовать, что жизнь налаживается.

Раньше, до вчерашнего вечера, наше дефиле по коридору было только нашим личным делом. Сегодня же интерес, вызванный непонятым событием на третьем этаже, заставлял некоторых, особо любопытных, откровенно выворачивать себе шеи, глядя в нашу сторону. Другие при нашем появлении замирали и, скосив глаза, пристально всматривались в нашу группу, надеясь либо кого-то высмотреть, либо в отсвете ореола тайны уловить ответ на мучавшие всех вопросы. Третьи глядели рассеянным взглядом сквозь и поверх нас, превратившись в одно большое ухо, надеясь подхватить обрывки наших разговоров.

Что правда, то правда. Интрига существовала. Никто толком не расслышал, что же Шура сказал чернявенькому, исчезнувшему вместе Бэшеном. Но поведение комсомольского

вожака и его подпевалы разогрело ещё больший интерес к случившемуся, многократно обсуждалось и продолжало обрастать невероятными гипотезами.

А ближе к вечеру сработала теория кучности «дней варенья» – и уже нас пригласили в гости, где мы чувствовали себя почти что именинниками, разве что подарков нам не дарили.

Магический ореол «детей лейтенанта Шмидта» каким-то непостижимым образом, спустя пятьдесят лет, продолжал действовать на пытливые, неокрепшие и доверчивые мозги юных студентов. Мы чувствовали, подставляя с ехидным превосходством стаканы под струи дешевого вина, что хотят они спросить, но робеют, не решаются, мнутя, вот-вот зададут вопрос, но стесняются. Мы же держались стойко, от угощений не отказываясь, пьянели в меру, на вопросы отвечали уклончиво, поддерживая имидж простых, доступных в общении весёлых ребят, с загадочной недосказанностью и только им известной тайной.

Посетили (опять же, по приглашению) ещё несколько гуляющих компаний, снисходительно чокались, улыбались, сдержанно шутили и... В конце концов, потеряв бдительность, окончили субботу в нашей комнате в кругу случайной, но очень тёплой компании, с трудом выпроводив под утро особенно рьяных наших почитателей.

На воскресный вечер мы получили приглашение на вечеринку, а на понедельник извещение на почту получить первый почтовый перевод. Жизнь менялась на глазах, и каза-

лось, в лучшую сторону, но тут пришёл комендант.

3. Обратная сторона медали «За боевые заслуги»

Воскресное утро, нерабочий день, вкрадчивый стук в дверь. У нас на столе слегка не прибрано – пустые бутылки, остатки еды. В воздухе тоже не альпийские луга – накурено и застоявшаяся вонь из переполненной окурками консервной банки.

Как обычно, не дожидаясь приглашения, дверь открылась. В проёме показалась физиономия коменданта, мы приготовились к худшему – воплям, разносу, нотациям и прочим проявлениям власти. Но что это? Что-то странное и необъяснимое происходило у нас прямо на глазах. Он сделал вид, что ничего не замечает и, вежливо поздоровавшись, попросил разрешения войти.

– Решил, вот, зайти узнать, как устроились на новом месте, нет ли жалоб. Может, пожелания имеются?

Это напоминало сцену из «Ревизора» в постановке театра абсурда. Некоторые из нас уже сидели за столом, кто-то ещё лежал, а все вместе мы составляли единый нетленный образ растерянного, застигнутого врасплох, перепуганного, задолжавшего трактирщику Хлестакова, а стоящий в середине комнаты комендант, был и Городничий, и Земляника, и Добчинский с Бобчинским в одном потерявшем человеке.

ский облик лице. В голове не укладывалось, что этот хамоватый начальничек способен на такую вежливость и трепетную нежность в голосе. Его елейный голосок жил отдельной жизнью от всего тела. Глаза бегали короткими рывками и нырками, цепко ощупывая каждого из нас с ног до головы. Он даже умудрялся отважно, коротко, с испугом, заглядывать в глаза, надеясь уловить наше настроение и, главное, наше к нему отношение. А вопрос: «Так кто же из вас, сукиных сынов, всё-таки тот самый сын?» был во всем его облике. В вопросительном абрисе его заискивающей фигуры, в изломе бровей, в широко раскрытых бесцветных глазах, в суете потных от волнения, сжимающих собственные пальцы, рук, в нервном вытирании их о брюки, в приглаживании сальных блестящих волос.

– На Новый год вы, конечно, домой все поедете? – прозвучал вопрос, который поставил нас в тупик.

Ещё несколько дней тому назад он же нас и предупреждал, если мы уедем на Новый год, то можем не возвращаться. Места будет заняты, а вещи сданы в камеру хранения.

«Это провокация. Он хочет поскорее от нас избавиться. Подстава», – на свой лад, но в правильном направлении мелькнуло у каждого из нас в голове.

Все, кто лежал, приподняли головы, чтобы не пропустить ни единого слова.

– Мы уезжать не собираемся, – рассудительно ответил за всех мудрый Профессор, – планируем сразу же второго вый-

ти на практику.

– А второе воскресенье, – радостно объявил комендант, – так что можете спокойно уезжать, ваши места никто не займет.

– Мы должны обсудить это с нашим руководителем, – сказал Мурчик, и по лицу коменданта пронеслась чёрная тень испуга.

– Каким руководителем? – непонимающим взглядом обводя комнату, как бы ища вдруг откуда-то проявившегося руководителя, спросил он.

– Практики. Руководителем практики. Он приехал позавчера и живет у своих родственников. В понедельник мы с ним встречаемся и всё обсудим.

Было заметно, с каким облегчением он выслушал Шуру и удовлетворенно закивал головой. Приободрившись, подчеркнуто не замечая беспорядок в комнате, он добавил:

– Отдыхайте, не буду мешать. Будете уезжать, обязательно предупредите.

Тенью выскользнул в коридор и тихо прикрыл за собой дверь. И всё, тишина, никаких шагов. То, что он подслушивает, было более вероятным исходом его визита, чем тихий беззвучный уход.

– Я не понял. *Шо за геволт?* Что это было... – начал было Миха и осёкся.

Шура поднес указательный палец к губам и глазами показал на дверь. Мы неторопливо поднялись и молча принялись

собирать со стола.

Конечно же, мы все хотели на недельку прервать харьковскую жизнь и тайно готовились к кратковременному броску в Одессу. По месту прохождения практики у всех было договорено. Между собой мы уже обсудили и выстроили строгую смену караула, гарантирующую постоянную занятость наших комнат.

А тут такое заманчивое, но уж очень провокационное предложение. Не говоря ни слова, очистили стол, выбросили окурки, тихо подмели, вынесли грязную посуду, и только тогда, убедившись, что коменданта уже нет в коридоре, приступили к обсуждению создавшейся ситуации.

Было решено: первое – предложение «начальника общаги» взять за основу, второе – в понедельник руководителя практики, не вводя в нюансы изменения политики, познакомиться с комендантом. Цель их рандеву – руководитель напишет, а комендант подпишет заявление на наш отъезд с обязательным сохранением мест в общежитии. Одно дело мы, а другое – доцент. Довольные собой и своей сообразительностью, мы обстоятельно, плотно поели.

Комендант ушел от нас часов в одиннадцать, а около часу нас, полусонных, разморенных, завалившихся с книжечками и журналчиками на койки, опять растормошил стук в дверь, но другой, совсем другой. Властный. Не дожидаясь ответа, дверь распахнулась, в комнату решительным шагом вошёл незнакомый человек.

– Иван Иванович, – представился он, – член парткома.

Обычный советский служащий, в тёмном костюме и немодном узком галстуке, без пальто и шапки, улыбается, зубы красивые, свежо подстрижен, пахнет парикмахерской. В руках белая новая картонная папочка на завязках, на обложке кроме слова «Дело» никаких надписей.

– Так, кто здесь у нас? – по-деловому продолжил он, сел за стол, достал из папки единственный листик и стал его неторопливо просматривать. Это был список с нашими фамилиями.

Мы по очереди представились, он поставил закорючки напротив фамилий, положил список поверх папочки, откинулся на спинку стула, закинул ногу за ногу, и молча, с вежливой улыбочкой, принялся нас рассматривать, переводя взгляд с одного на другого.

Нас почему-то на разговор не тянуло. Ожидая его дальнейших действий, всем своим молчаливым видом подчеркивали внимание и уважение. Внешне вели себя независимо, стараясь предугадать, чем для нас плохим может окончиться визит представителя всемогущего парткома, трепет перед которым, как инфекционное заболевание, вирусом трусости передается из поколения в поколение, и мы, как ни прискорбно, – не исключение из правил.

Пауза явно затягивалась, у нас к нему вопросов не было, кроме одного, когда он отсюда свалит, зато в глазах светилась нежная доброжелательность и полная готовность к со-

трудничеству. Где-то в подсознании созревало чувство вины.

Наконец, он перестал улыбаться, серьёзно обвел нас глазами и негромко заговорил о связях между нашими институтами, о том, что мы полномочные представители Одессы, что по нам судят и о нашем институте, и о нашем городе. На протяжении его выступления мы активно кивали головами, соглашаясь со всеми тезисами. Затем Иван Иванович перешёл к вопросам:

– Дипломники? Хорошо. Пятый курс? Хорошо. А кто по специальности? Криогенная техника! Хорошо, нужная профессия.

Не знаю, о чем думают кролики, замерев перед удавом, но если мы и испытывали в данный момент схожие ощущения, то к ним добавилось жгучее подсознательное желание оправдываться. В данной ситуации даже произнесенное романтическое название нашей редкой холодильной специальности казалось до обидного мелким и невыразительным.

Было понятно – ещё пара общих вопросов, и вся эта прелюдия кончится. Он и так уже много сказал, подводя, как мне казалось, к главной теме разговора. С противным ощущением горечи во рту я неотвратимо ожидал неприятного разговора с абсолютно непредсказуемыми выводами и последствиями.

Но не тут-то было. Он замолчал, вложил, предварительно пробежав глазами, листик в белую папочку, неторопливо за-

взял тесемочки, и спросил:

– А где ваши коллеги проживают?

Мы с радостным облегчением начали объяснять, на каком этаже и как найти, но он поднятой ладонью остановил наши порывы и обратился прямо ко мне:

– Пойдем, проведёшь. Покажешь, где живут ваши товарищи.

Такого оборота я не предвидел, от неожиданности (а я уже успел самодовольно расслабиться) у меня пропал голос и только растерянным кивком головы я смог подтвердить его приглашение. И приглашение ли это?

Пока я выбирался из-за стола, стараясь попасть ногой в один сапог, теряя второй, застегивал на них змейки и засовывал вылезшую рубашку за пояс брюк, мозг лихорадочно работал.

«Если спросит в лоб по поводу папы полковника, скажу, что да, полковник, но авиации, Шура перепутал. А вот если будет ходить вокруг да около, буду отвечать нейтрально. Работать под умного дурака. А может, ему ничего и спрашивать не надо, он и так знает по секретным спискам, что там нет фамилии моего отца. Что тогда? Собственно говоря, ни я, ни Шура закон не нарушали. Пошутили, а нам поверили. Если у него есть специальные списки, скажу, что я на маминской фамилии, а папина не разглашается из соображений совершенной секретности. Разведчик в тылу врага».

Путаница в голове приняла хаотический характер, мысли

скакали кузнечиками, пахивало ранним маразмом.

В коридоре, поддерживая мою уверенность, что мы оба прекрасно знаем, о чём идет речь, Иван Иванович меня непринужденно спросил:

– Отец какого года рождения.

– Двадцатого, – сказал я чистую правду.

– Значит воевал. Сейчас служит?

– На пенсии, – опять чистую правду сказал я.

– И не работает?

– Работает, – не соврал я.

– По специальности? – в вопросе прозвучал неподдельный интерес.

– В пароходстве, – опять же правду и только правду.

– Да, я и забыл, у вас же портовый город. Нужно, нужно...

– что-то ещё он хотел добавить, но мы уже успели дойти до искомой комнаты.

Быстренько, не теряя драгоценные секунды на стук и прочие культурные нежности, я резко открыл дверь и в лучших традициях военно-морской подготовки рявкнул:

– Товарищи офицеры!

И после того, как убедился, что в комнате хоть кто-то есть, добавил, обращаясь к члену парткома, заполняя возникшую тишину патриотической трескотней:

– Мы все офицеры. Лейтенанты Военно-морского флота запаса. Минно-торпедная служба. БЧ-3. Прошли сборы в Севастополе на БПК «Сметливый», там же приняли присягу

на верность своему народу, советской родине и советскому правительству.

После этого, как мне казалось, неопровержимого подтверждения лояльности и преданности советской власти я, как сдувшийся воздушный шарик, на последнем выдохе представил:

– Иван Иванович, член парткома.

Отойдя в сторону, вежливо пропустил его вперед и, стараясь не шуметь, быстро выскользнул в коридор, аккуратнейшим образом прикрыл за собой дверь и быстрым неслышным шагом, с пятки на носок, переходящим в спортивную ходьбу, рванул обратно.

В общежитии топили хорошо, но меня бил мелкий озноб, горели щёки и подташнивало.

Страшно тянуло закурить, в коридоре маячить не хотелось, на улице мороз, а вот в умывальнике – в самый раз. Под струей холодной воды долго держал лицо, подставляя то правую щёку, то левую, лоб, опять щёки. Стало легче, обтер лицо руками, руки об джинсы и, вытащив двумя ещё влажными пальцами из заднего кармана мятую пачку, постучал по доньшку и подхватил губами выскочившую сигарету.

«Противно, унизительно и всё-таки непонятно. Что это было? И что, собственно говоря, произошло? Ровным счётом ничего. Пришёл вежливый мужик, поулыбался, задал несколько вопросов, без претензий, без нажима. Может, работа у него такая, по воскресеньям в общежитии приезжих

навещать? Может, и не специально он после злополучной пятницы у нас в комнате появился? По плану – стечение обстоятельств.

Ой, не верится в случайную встречу, ой, не верится... Так зачем он приходил? Давление авторитетом? Но кроме того, что он член какого-то парткома, мы ничего о нём не знаем. И вёл он себя весьма корректно, не давил, не угрожал, разговаривал мягко, с заинтересованностью. Вот именно, мягко. Даже слишком. Но что в этом плохого? А что хорошего? Непонятно... Прямо-таки контакт с инопланетной цивилизацией – говорим на одном языке, употребляя нормальные, полные положительного смысла слова, а они действуют хуже площадной брани, вызывая абсолютно неадекватную реакцию организма вопреки их естественному содержанию. Всё это очень странно. И реакция на его визит какая-то непонятная, с мутным осадком. Унизительным, мелочным, даже трусливым. Так гадко на душе...

А как насчет неписаных законов? Слышим официально одно, отвечаем лозунгами второе, обсуждаем в узком кругу третье, думаем своими мыслями четвертое, а потом приходит такой Иван Иванович, и тебе стыдно за каждый твой шаг. Понимаешь, что верховодят те, у кого есть свои, особенные, пятое, шестое, седьмое и так далее, и плевать хотевшие на наши с первого по четвертое. Вот они как раз и попирают официальные, писанные законы силой реальной власти с неограниченными полномочиями.

А если это генетический страх? Откуда? От верблюда... Но не от того, который не пройдет через игольное ушко, это нам не грозит, а от верблюда-раба, с бессмысленными выпученными глазами тянущего хозяйскую поклажу по раскаленным пескам, получая в награду возможность обглодать куст саксаула и право на мечту в тупую голову – напиться чистой сладкой воды в недостижимом прозрачном озере призрачного миража».

Было тоскливо, неуютно, безысходно и противно. Медаль «За боевые заслуги» показала свой реверс. Два волшебных заклинания «партком» и «сын полковника КГБ», безусловно, сослужившие нам добрую службу, каким-то немислимым образом материализовались, стали осязаемыми и конкретными. Каждый вариант их применения по отдельности решал наши проблемы, но, воссоединившись, они стали гремучей смесью – могучей силой, способной создать уже нам самим проблемы, о существовании которых никто из нас не имеет никакого представления.

«Дети, не играйте с огнем», «Прячьте спички от детей», «При пожаре звонить 01», «Не буди лихо...», «Don't trouble trouble...»

Власть. Пришла тихо, корректно, уверенно и очень своевременно. Нет, не наказать. Подсказать. Указать на недостаток. Поставить на путь истинный. Казнить не нужно, Боже упаси, тем более, что официально Бога нет. У них другая цель – вырастить себе подобных членов общества, покорных

и преданных. Да, преданных, и чтобы боялись – тогда у власти будет реальная сила.

«А кто это был? Заурядный, ординарный, серенький, средненький её представитель, тихонечко напомнивший заигравшимся детям, что есть игры, в которых после жёлтой карточки показывают красную и удаляют с поля. И это не футбол. Загадочный Иван Иванович даже карточку не вынимал, просто напомнил правила игры, и всё, ни упрёка, ни замечания. И, к сожалению, это не буйство перепуганной фантазии. Реальный член партийного комитета правящей Коммунистической партии Советского Союза предупредил нас о своём существовании.

Можно считать, что первый контакт с представителями власти произошёл.

Обоюдное понимание достигнуто. Стороны удовлетворены двухсторонними переговорами, прошедшими в тёплой и дружественной обстановке. Но вот осадочек...»

К слову, а был ли у меня это первый контакт с красно-книжечными «слугами народа»? Прожил двадцать один год и нечего вспомнить? Думаю, что нет. В смысле, есть, что вспомнить. Оставлю-ка ненадолго 1976 год с его занимательными проблемами и обращусь к ранним детским впечатлениям о представителях власти, которые все как один почему-то носили милицейскую форму. Возникают схожие ассоциации. Только очень-очень детские, слабой концентрации и наивно естественные, как дневное летнее солнце сквозь

осколок зелёного стекла, – посмотрел и чуть не ослеп. Больше не буду. Эх, милиция, милиция... Напоминаю, «Телефон милиции 02» – звоните, обращайтесь.

4. Веломания. 1963 год

4.1. Три копейки

Велосипеды стояли по росту. Самый маленький бежевый – «Школьник». Два повыше – зелёный «Орлёнок» для мальчиков и синий «Ласточка» для девочек. Последним возвышался большой, чёрный велосипед «Украина». Казалось, что магазин «Динамо» на Советской Армии был далековато от нашего дома. Однако, в пределах негласных временных рамок, минут двадцать, отведенных на покупку хлеба, пробежаться шустрому второкласснику по Дерибасовской до Советской Армии и обратно на Пушкинскую было плёвым делом, и занимало не более десяти минут. Тут главное не забыть хлеб купить.

Если повезет, можно подъехать на первом троллейбусе – остановка напротив дома. Зоркое детское зрение за три квартала выхватывало неторопливый, похожий на новые пузатые холодильники, синий с желтой закругленной крышей троллейбус, с тупым обрезанным носом и маленькими окнами, которые можно было поднимать, опускать и защелкивать на разной высоте. Пустой, малолюдный троллейбус я пропускал и быстро бежал по Дерибасовской вверх, принципиально пытаясь опередить его на пути до следующей остановки.

Другое дело, когда троллейбус переполнен и плотно забит людьми. Тогда кондуктору, нетерпеливо ёрзающему на своем месте возле задней двери и нервно зывающему к пассажирам оплатить проезд, путь к передней площадке надежно перекрыт. Грозная надпись над далекой от кондуктора передней дверью «Входа нет» – это приглашение, чтобы в приятной толчее и сутолоке проехать «зайцем» одну остановку до «Синтетики», а еще лучше – две до Соборки.

Десять минут дорога туда и обратно, пять минут на покупку хлеба и целых пять минут на любование велосипедами. Не тратя попусту время, «Школьник» я пропускал – уже перерос, «Ласточка» – для девчонок, тоже мимо. А вот «Орлёнок» – это особенный велосипед. Мне обещали его купить, осталось совсем немного подождать до дня рождения, и тогда у меня появится надежный друг. Ещё издали разглядев его зелёную раму, я неторопливо подходил, пристально, похозяйски, рассматривал и, взявшись за руль, представлял себя в седле.

Я всегда представлял одну и ту же картину, особенно засыпая, завернувшись любимым «конвертиком» в одеяло: мчусь я ранним-ранним, ещё сиренево-серым утром по Приморскому бульвару и белую, почему-то именно белую, растёгнутую на несколько верхних пуговиц рубашку огромным пузырем надувает встречный ветер. Я лечу по пустынной центральной аллее и громко пою, а наверное, всё-таки ору: «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер...». Развернув-

шись возле Дворца пионеров, быстро набираю скорость и, распевая «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца...», качусь обратно и вижу, как над морем восходит солнце. Радугой расцветиваются струи воды, бьющие то тут, то там из чёрных резиновых шлангов, зажатых в руках у неторопливых дворников. Делаю кружок вокруг Дюка и пулей лечу к Пушкину.

Следующим стоял взрослый велосипед «Украина». Он мне не нравился категорически. Массивный, тяжёлый, чёрного цвета, руль прямой, одна скорость, да ещё с багажником – велосипед для села, так я его окрестил, и, не теряя ни секунды на его разглядывание, переходил к другой группе велосипедов у противоположной стены.

Там стояли настоящие красавцы с гоночными изогнутыми рулями. Ярко-синий «Спутник» на рифленых чёрных шинах и красный «Чемпион» на тонких чёрно-жёлтых трубках. Это была мечта из разряда недостижимых. Из пяти минут, отведённых внутренним таймером времени, одну минуту я выделял «Орлёнку», и четыре минуты уходили на восхищённый осмотр спортивных силуэтов гоночных шедевров: на ощупывание спущенных, бездыханных, остро пахнущих новой резиной, шин и трубок, на поглаживание глянцевої кожи сёдел. И если за это непродолжительное время кто-то из продавцов меня не окрикнул и не прервёт священнодействие, то можно успеть быстро провести пальцем по тугим спицам и услышать ответный гул – голос велосипедов, высокий и звонкий у «Чемпиона» и низкий, басовитый у «Спутника».

Плаванием на стадионе СКА мы с сестрой занимались у одного тренера и ездили на тренировки вместе, это пока я был первоклассником. Во втором классе у нас школьные смены разошлись, родители и бабушка работали, дедушка из Костромы первые две недели поводил меня в бассейн, терпеливо высиживая на трибуне, а потом и он уехал домой, к бабушке Марусе. И как-то само собой, без лишних в таких случаях трепетных охов и ахов, мне разрешили ездить на тренировки без сопровождающих. Как-никак второй класс – взрослый человек.

Одесса. Бассейн на стадионе СКА.

Плавать мне нравилось, особенно зимой – сказочное, волшебное впечатление. Над открытой водой бассейна стоит облако пара, а ты плывешь себе в тёплой воде, а на деревьях и трибунах лежит снег. Тренер в тулупе и шапке семенит мелкими шажками в валенках вдоль бортика, покрикивает и смешно показывает руками в толстых варежках, как должен выглядеть гребок.

Брызги воды, взлетающие над бассейном от множества без усталости молотящих рук и ног, лёгким ветерком уносятся за искрящийся голубой бортик и оседают на асфальтовой дорожке толстым волнистым ледяным панцирем.

Близко к бассейну никто не подходит – боятся поскользнуться. Только тренер, ругаясь, что опять не посыпали дорожку песком, осторожно скользит вдоль бортика, кричит и подсказывает, развернув к пловцам циферблат секундомера, трудно различимый сквозь клубы обволакивающего пара.

Высоко на фасаде жёлтого домика висели круглые часы. В домике мы раздевались и мылись в душе, после которого через мелкий «лягушатник», поднырнув сквозь подводный проход, попадали в бассейн. Чёрные стрелки часов разделяли тренировку на две неравные части – когда скучно, но надо, и когда интересно, но мало.

Тренировки начинались с обязательных проплывов с досками, сперва руки на доске – работают ноги, затем доска зажата между коленями прямых расслабленных ног – работа-

ют руки.

Скукота смертная. Сделал разворот у дальнего бортика, плывёшь обратно и смотришь красными от хлорки глазами на застывшую минутную стрелку часов, радостными брызгами отмечая её короткий резкий скачок вперёд, и, извиваясь всем телом в воде, помогаешь ей быстрее проползти отведенные на мучения первые сорок минут. Нудные занятия с досками сменяют сотни метров тоскливых заплывов разными стилями.

И вот долгожданные последние двадцать минут, детская радость – иногда мини-соревнования, а чаще игра в догонялки, правильнее сказать в доплывалки, в донырjalки или, попросту, в «сало на воде».

Я больше всего любил быстрый кроль, предпочитая его брассу. Зимний кроль в бассейне особенный и неповторимый. Поворот головы налево, вдох – правая рука выходит в холод, а левая глубоко в тёплой воде; выдох в воду и уже левая рука в холоде, а правая в тепле. И так холод – тепло, холод – тепло. Ноги, поднимая фонтан брызг, работают, как два заведённых моторчика. Зимой тренировки в бассейне были самыми весёлыми, но недолгими – до первой простуды.

На тренировки я ездил на 23-м трамвае. И остановка совсем близко от дома – «улица Пушкинская» на углу Карла Либкнехта, возле банка. Всего одну улицу перешёл, сел и поехал. На Куликовом поле конечная остановка, а оттуда два

шага до стадиона СКА.

Обратно, ещё проще – доехал до круглой с короной наверху тёмно-серой трансформаторной будки, вышел из трамвая, даже дорогу переходить не надо, полквартала и уже дома. У массивной круглой трансформаторной будки есть секрет – если хорошо упереться в большую скобу ручки, то будка легко проворачивается вокруг своей оси, и тогда наклеенные на неё афиши меняются местами. Вот такая у нас трансформаторная будка, с изюминкой.

Был у нас ещё один секретик, но он с технологическим уклоном. Если на рельс аккуратно положить большой гвоздь шляпкой вперед, то колёса трамвая его расплющат и превратят в отличный маленький игрушечный меч. До полного сходства с настоящим клинком нужно плотно обмотать цветной телефонной проволокой небольшую ручку и вставить поперечину. И тогда миролюбивый деревянный «чилдрик» Буратино преобразуется в грозного длинноносого благородного рыцаря.

Новогодне-карнавальное отступление из мира любимых литературных героев: если прицепить длинный нос, то ты Буратино, если добавить шляпу с плюмажем и шпагу, то Сирано де Бержерак. Если нос снять, вылитый Д'Артаньян. Сделал переход от Буратино до Сирано де Бержерака – «дело в шляпе», забыл укоротить «шнобель» и возомнил себя Д'Артаньяном – «остался с носом». Смешно...

Однажды, поздней осенью, чувствуя себя совсем взрос-

лым, я не поехал после тренировки сразу домой, а, поддавшись уговорам такого же, как и я, малолетнего пловца, пошёл посмотреть соревнования на стадионе «Спартак».

Одесса. Стадион «Спартак».

Это там же, на Куликовом поле, где конечная остановка. Одним глазком посмотрю, решил я, и быстренько на трамвай. Смотреть соревнования, стоя на одном месте возле ворот стадиона, было неудобно, и мы пошли вдоль беговой дорожки, огибая стадион, пока не приблизились к другому сектору, где прыгали в высоту и длину. Заборчик вдоль беговой

дорожки был не высокий, но всё равно видно было плохо, далеко, да и сами спортсмены, окружившие ямы с песком, загораживали самое интересное. Кто разминался в ожидании своей очереди, кто стоял столбом и следил за результатами других прыгунов.

Немного поглазев, я повернул было обратно, но мой новый товарищ с жаром стал меня убеждать, что он может показать такое, что я никогда не видел, и, конечно же, заинтригованного и поддавшегося уговорам, он увлёк меня за собой к дальней стене стадиона. Через дыру в заборе мы перебрались на велотрек, примыкавший вплотную к стадиону «Спартак».

Я увидел это чудо и обомлел. Передо мной открылась овальная бетонная разновысотная чаша, по которой стремительно мчались велосипедисты. И все на «Чемпионах».

Одесса. Велотрек.

Некоторые, нутужно давя на педали и приподнимаясь в седле, мощно забирались наверх, чтобы оттуда, казалось, замерев на мгновение, с нарастающей скоростью сорваться вниз, разогнать велосипед на горизонтальном участке и молнией взлететь к высшей точке бетонной полосы на противоположном конце трека, чтобы хищной птицей бросится обратно вниз.

Другие ехали без взлётов и спусков, одинаково быстро, вжимаясь в руль на ровных участках трека и отважно наклоняя велосипед под опасным углом на виражах.

Третьи ехали парами, друг за другом, буквально касаясь

колесами. Сделав круг, первый резко уходил наверх, пропускал вперед преследующего его велосипедиста, и быстро занимал его место. На следующем круге всё повторялось, и они опять менялись местами.

Время оказалось неподконтрольным, секунды, минуты, часы перестали существовать. Зачарованный красотой припавших к рулю напряженных молчаливых фигур, на фоне чарующих звуков поскрипывающих туклипсов и седел, громкого шелеста хорошо смазанных цепей и чётких щелчков переключения скоростей проносящихся близко велосипедов, я и не заметил, как исчез мой спутник. Быстро начало темнеть.

Одесса. Остановка трамваев №5 и №28 на улице Белинского возле велотрека.

Очнувшись от завораживающего зрелища, я стремглав выскочил с велотрека и, к своему удивлению, сразу же, выйдя из ворот, оказался на площади возле остановки трамвая. Видимо, сумерки как-то исказили пространство, всё вокруг было похоже и не похоже на мою конечную остановку на Куликовом поле. Те же трамвайные пути, так же далеко до противоположной стороны улицы, такие же деревянные будки с газированной водой и зелёные на гнутых ножках скамейки, но всё не на своих местах, как-то наоборот, непривычно, пе-

ревернуто.

Из-за угла скрипя, медленно выворачивал трамвай, табличка с плохо различимым номером на мгновение мелькнула в сумерках знакомым очертанием цифр, больше похожими на двадцать три, чем на восемнадцать – трамвая до Большого Фонтана, у которого здесь тоже конечная остановка.

Трамвай неожиданно затормозил и остановился. Кряхтя и гремя о булыжную мостовую металлическим ломом, вышел вагоновожатый и, недовольно бурча, перевел стрелки. Я быстро проскочил за его спиной в открытую переднюю дверь и прошмыгнул в салон трамвая мимо высокого пустующего водительского кресла, за которым блестела бронзовым набалдашником большая загнутая ручка управления. Уставшая от постоянных трамвайных склок кондуктор тяжело на меня посмотрела, обдумывая, выгонять или не выгонять на улицу ещё одного нарушителя правил пользования трамваем, но тут трамвай тронулся, она успокоилась, уселась на свое место и произнесла бесцветным механическим голосом:

– Оплачиваем проезд.

Замешательство от нереальной обстановки на площади не покидало, я протянул три копейки, мельком оценил, что билет несчастливый, и, преодолевая сильное смущение, набравшись мужества, спросил:

– Он на Пушкинскую едет?

Получив утвердительный ответ, подсел к окошку на

скользкие отполированные доски сидения и углубился в рассмотрение улицы и домов. Трамвай ехал как обычно медленно, звонками предупреждая зазевавшихся пешеходов о своем приближении. В пустом салоне в такт движению из стороны в сторону раскачивались свисающие на брезентовых ремешках ручки. Я пристально всматривался в окно и ничего не узнавал.

Трамвай, скрипя подъехал к остановке, открылись двери. Я опять подошёл к кондуктору и, паникуя, срывающимся голосом, спросил:

– Это не двадцать третий?

– Это двадцать восьмой, – устало произнесла кондуктор и отвернулась.

– А как же Пушкинская? – еле выдавил я из себя.

– Пушкинская на следующей, – через толстый слой ваты услышал я в ответ.

«Как на следующей, – с ужасом подумал я. Мне до дома ехать восемь остановок, а выйти на следующей – это всего две».

Сознание отказывалось понимать происходящее, паника ещё не успела парализовать мозг, когда меня осенило:

«Я-то вышел не со стадиона, а с велотрека, и пошёл совсем в другую сторону. Значит, площадь была другая, чем-то похожая, но другая, и трамвай там проходит похожий, но другой, двадцать восьмой, и самое главное, остановка этого другого трамвая намного ближе к дому. Так что всё в поряд-

ке. Это вполне нормально – проехать на нём не восемь остановок, а только две, вон, сколько я прошёл пешком вдоль стадиона и велодрома».

На такой жизнеутверждающей, радостной ноте я закончил своё умозаключение, завершив в детской наивной головке процесс сказочно-топографического искривления пространства, и приготовился к выходу, высматривая через пыльное стекло знакомую круглую трансформаторную будку с коронной.

Трамвай остановился.

– Остановка железнодорожный вокзал, – безжизненно объявила кондуктор, и, посмотрев на меня, добавила:

– Кто спрашивал Пушкинскую, на выход.

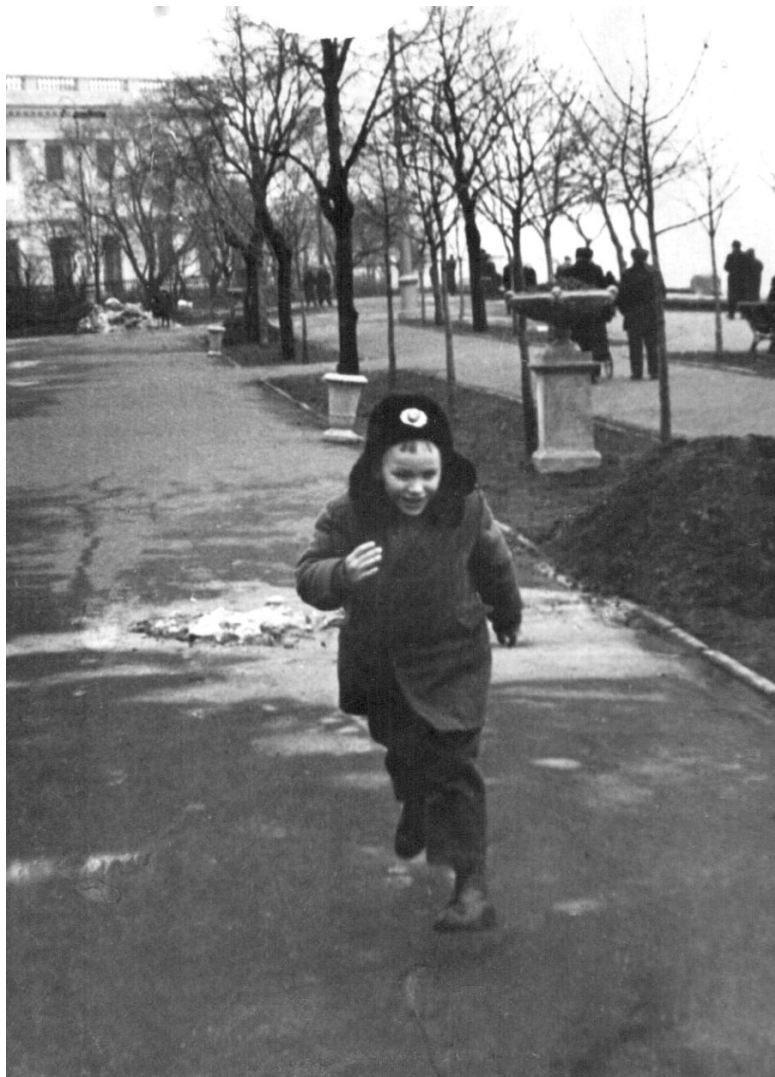
Выйдя из трамвая, я разуверился в чудесах и в защитной магии детского непонимания – никакой круглой трансформаторной будки не было и в помине. Это была не моя остановка. Я осмотрелся. Ранние сумерки уплотнились, вдали над вокзалом небо ещё было светлым, подкрашенное вялыми красноватыми остатками солнечного света. Уходящий день из последних сил сопротивлялся надвигающейся со стороны моря ночной мгле. В окнах домов уже кое-где горел свет, один за другим зажигались уличные фонари.

Вдали тёмной тенью угадывался шпиль вокзала – я узнал Привокзальную площадь. Расстроенный своим незадачливым путешествием, я всё же нашёл конечную остановку первого троллейбуса, где сине-жёлтый приземистый троллей-

бус приветливо распахнул обе двери и требовательно урчал, ожидая своего выезда по расписанию. Он с легкостью, мигом, довёз бы меня домой по гладкому булыжнику Пушкинской, если не одно существенное «но».

У меня не было четырех копеек на проезд, у меня вообще не было никаких денег, даже «двушки», чтобы набрать пятизначный номер 2-48-52, позвонить домой и предупредить о том, что трамвай поломался или что-то ещё. А то, что «сумерки сгущались» не только на улице, но и в недрах нашей огромной квартиры – это явственно ощущалось противным покалыванием в районе копчика.

В тот осенний вечер случайные пешеходы вряд ли обратили внимание на маленького восьмилетку, быстро бегущего по Пушкинской. С шапкой в руке, в расстегнутом зимнем пальто, жадно хватая холодный воздух, останавливаясь лишь на пешеходных переходах, чтобы пропустить машины, он упрямо бежал, размахивая маленьким фибровым чемоданчиком.

Маленький бегун. 1962 год. *Саша Шишов*

Стайерская дистанция включала череду медленно тянувшихся домов, начиная от углового семьдесят восьмого, с окнами на Привокзальную площадь, до финишного восьмого; десять перекрестков с семафорами и без; пять троллейбусных остановок, два прошедших мимо троллейбуса и одну оторванную пуговицу от пальто.

Перед домом я отдышался, достал из чемоданчика мокрое после душа полотенце и тщательно вытер вспотевшее лицо. Застегнул все оставшиеся пуговицы, завязал шапку под подбородком на бантик, вошёл в подъезд, отодвинул камень тайника и достал из него припрятанные на чёрный день три копейки. Торопливым шагом, вприпрыжку, перепрыгивая через одну ступеньку, поспешил навверх по чёрной металлической лестнице, как всегда предательски громыхнув предпоследней первого пролета.

Дверь открыла взволнованная бабушка, но я ей даже слова не дал сказать:

– Бабушка, бабушка, – радостным голосом заливался я, – смотри, что у меня есть.

И гордо поднял над головой три копейки.

– Бабушка, я сэкономил три копейки, я пришел пешком, – торжественно объявил я, надеясь, что наказание, скрашенное честно заработанными тремя копейками, будет мягче по

сравнению с тем, что могло последовать за мои реальные прегрешения.

Даже не наказали. Взяли слово, что я так больше делать не буду, и пригрозили – если я ещё раз сэкономлю, то на плавание больше ходить не буду. На этот раз честно слово, как никогда, я дал с огромным облегчением.

Намного позже я услышал анекдот, в котором узнал себя, а точнее, придуманное мной оправдание:

– Золотце, я сегодня бежал за трамваем и выгадал три копейки.

– Идиёт, ты бы лучше бежал за такси и выгадал рубль.

В эту ночь мне снились «Чемпионы» – красные, синие, жёлтые, зелёные, очень много. Мчатся сами по себе, обгоняют друг друга, круто взлетая на виражах велотрека. Яркое слепящее солнце отражается на хромированных деталях и на мелькающих спицах. Идут соревнования, к финишу первым приходит красный велосипед, он делает круг почёта, и вот уже я в его седле, согнувшись, сжимаю руль и кручу педали, всё сильнее и сильнее. Чувствую, как устали ноги, но не могу остановиться, велосипед несёт меня быстрее ветра, тормоза не срабатывают. Педали сами крутятся, намертво зажав туклипсами носки ботинок, в ногах появилась боль и ломота, не могу остановиться, боль в ногах нарастает, очень больно, хочется громко заплакать. Велосипед исчез, в руках остался только руль, но я всё равно не могу остановиться, бегу по улице, перегоняя медлительных пешеходов и ловко уворачи-

ваясь от машин и встречных прохожих. Потом перешёл на шаг, боль притупилась, только ломота, затухая, продолжала выкручивать напряжённые мышцы. Набегались, приснилось мне, пусть отдохнут, и, не выпуская руль «Чемпиона», уснул во сне.

4.2. **Велосипедный номер**

Велосипед у меня, конечно же, был, и я упорно крутил педали своего синего скрипящего чудовища, пока две мечты – сбыточная под названием «Орлёнок» и несбыточная под названием «Чемпион» витали в моей голове. Не знаю, как и назвать тот мой первый велосипед... Он у меня был какой-то беспородный. Без имени. Немного больше «Школьника», но меньше «Орлёнка», тёмно-синий, жёсткий, литые шины, руль прямой, загнутый вверх, без тормозов – очень старый велосипед, неизвестно каким образом попавший на антресоли, откуда был извлечен на радость детворе. И педали крутились, как у детского велосипеда, без трещотки.

Одесса 1968 год. Наш дом Пушкинская, 8. *А.Сегал (Шурик), А.Сементовский (Саня)*

Ездить мне разрешали только в пределах нашего квартала и ни в коем случае не выезжать на дорогу. Запрет в части «не выезжать на дорогу» я соблюдал, а вот размеры квартала увеличил до четырех. Полквартала направо – проехал Дом политпросвещения, повернул за угол и в горку, приподнявшись в седле, по Карла Либкнехта мимо Дома медработников до «Военторга». Опять поворот направо и по Ленина – «Военторг», столовая, кафе «Снежинка», угловой колбасный магазин. Поворот направо и вниз, разогнался, набрал скорость, возле остановки троллейбуса притормозил и по-

следний поворот направо – оставшаяся половина квартальчика, и опять я дома. Можно поехать наоборот, но тогда все повороты налево.

Родившаяся на свет сразу после ума, незадолго перед совестью, страсть к путешествиям непреодолимой силой требовала расширения границ передвижения. И особенно притягательным, желанным, манящим, просторным, и, что очень важно, абсолютно безопасным был Приморский бульвар. Но туда ещё доехать надо – пересечь две улицы и переулок. Папа, чтобы снять надоевшую ему тему каждодневного моего нытья, серьёзно объяснил, что без номеров я могу доехать только до первого милиционера.

Это был веский аргумент, и я серьёзно задумался, как же получить номерной знак на мой велосипед, и, что очень важно, будет ли он действительным, если его потом перевесить на «Орлёнок». Номера на велосипедах существовали, я их видел, небольшие жёлтые прямоугольнички с черными цифрами, выглядывающие сзади из-под седла. Но не у всех, и только на «Украинах». Это для тех, решил я, кто ездит в город из села. А остальные, у кого нет номеров, из города не выезжают, значит, первый милиционер стоит где-то далеко на выезде из города.

Моя стройная схема избежать встречи с первым милиционером разбилась о нестройный отряд курсантов школы милиции, шагающих каждый день на занятия под нашими окнами. Их было очень много. Кто же из них тот самый мили-

ционер, стоящий на посту при въезде в город? Внимательно рассматривая каждого, мне так и не удалось увидеть номеров и выяснить, как же определить первого милиционера. Поняв, что это тупик, и первым милиционером станет тот, кто раньше всех увидит, как я съехал с тротуара на мостовую, и отберет велосипед, я приступил к реализации нового плана по получению велосипедного номера.

План был простой, очень надежный, но очень дерзкий. Нужно было всего-то познакомиться с милиционером и попросить его выдать мне номер.

Легко сказать познакомиться с милиционером, а как это сделать, если у моих родителей таких знакомых нет, во дворе милиционеры не живут и у одноклассников никто из родителей в милиции не служит.

Тем не менее объект для знакомства был выбран. На перекрестке Пушкинской и Карла Либкнехта (или как говорила Ольга Анатольевна Коган, бабушка Шурика-рыжего, на старый лад – Греческой) ежедневно с утра до вечера стоял постовой милиционер-регулирующий. Каждый день всё отведенное для гуляния время я торчал напротив регулировщика на углу и поедал его взглядом, надеясь, что хоть как-то он обратит на меня внимание. Результат был нулевой. Я внимательно наблюдал за его работой и пришел к выводу – регулировал он мало. Да и машин было немного.

Одесса. Пушкинская угол Карла Либкнехта. Постовой на месте.

В начале шестидесятых годов происходила замена номеров. Уже не выдавали старые жёлтые номера с чёрными буквами ЧД, ЧТ и ЧС, расшифровка которых нас очень сместила – «чужие деньги», «чужие тысячи» и «чужие сотни». Видимо, острословы, как и большинство населения, к владельцам собственных самоходных средств относились без любви и уважения, попросту завидовали. Появились новые чёрные номера с белыми понятными буквами ОДА. Иногда мы

с сестрой играли в «нашу игру». Каждый садился у своего окна, выходящего на Пушкинскую, с бумагой и карандашом. Я играл за новые номера и ставил черточку, когда машина с чёрными номерами проезжала мимо, а сестра за старые, жёлтые. Играли ровно час, затем считали – у кого больше, тот и выиграл. Счёт, как правило, был примерно равным, а по количеству не более тридцати машин у каждого. Одна машина в минуту! Что там регулировать? Какое-то зёрнышко сомнения по поводу необходимости постового на этом месте упало и, не найдя благодатной почвы, затаилось до лучших времен.

Постовых на нашем углу было двое, один щупленький с чёрными тонкими усиками, второй большой, краснощёкий и пузатый. Дежурили они по очереди, но бывало, что никого из них не было вовсе.

Как привлечь внимание регулировщиков, я не знал, а они не обращали на меня никакого внимания. Я продолжал упорно стоять на углу с велосипедом, готовый в любой момент подставить седло для номера, который наверняка лежит в их милицейской коричневой полевой сумке. Затекали ноги, я садился на нижний выступ круглой трансформаторной будки и, оперев локти в колени, подпирал руками щёки и, не отрываясь, смотрел на постового. Когда ему тоже было невозможно стоять на одном месте, он медленно прохаживался вдоль нашего квартала до Дерибасовской, останавливался на перекрестке, немного регулировал, указывая троллейбу-

су, что именно здесь он может поворачивать налево. Затем неторопливо возвращался на прежнее место, отходя в сторону лишь для того, чтобы пропустить трамвай. Я тенью сопровождал его и, не спуская глаз, медленно катил велосипед следом туда и обратно, назойливо маячил на углу, то на одном, то на другом, чтобы, наконец, дожидаться, когда он подойдет и скажет:

– Я вижу, ты очень хороший мальчик. Вот тебе за это номер к твоему велосипеду.

Чтобы подтвердить, что я хороший мальчик, у меня за папкой в твердой папке для тетрадей был заготовлен дневник с пятерками.

Милиционер с усиками был на посту чаще, он был как бы основной регулировщик, а краснощёкий толстяк его подменял и появлялся редко. Краснощёкий регулировал весело, отдавал честь знакомым шоферам, вращал палочкой в руке по несколько раз перед тем, как указать куда ехать и всё время чему-то улыбался. Никогда не прохаживался вдоль квартала, всегда был на одном и том же месте, только часто незаметно исчезал на несколько часов, чтобы из ниоткуда опять появиться посреди перекрестка и весело крутить чёрно-белым жезлом. Видя, что он добрый, я особенно мозолил ему глаза, а однажды он даже обратил на меня внимание. Подошёл, положил мне руку на плечо, развернул, легонечко подтолкнул в спину и, смеясь, сказал:

– Не крутись, малёк, под ногами.

Регулировщик с усиками, наоборот, никогда никому не улыбался, уныло показывал жезлом, а честь отдавал только длинному чёрному ЗИЛу, проезжающему в сторону Горисполкома или обратно. И что странно, он делал то, что никогда не делал краснощёкий. Проводив взглядом машину с большим начальником, он тут же доставал из планшета записную книжку и что-то быстро туда записывал. Ещё он записывал в эту книжечку чёрные «Волги» и бежево-коричневые «Победы», но не все, а только со старыми жёлтыми номерами.

Ещё одна была у него странность. Иногда возле прокуратуры скапливалось машин больше, чем обычно. И тогда он, как бы нехотя, покидал свой пост и неторопливой походкой доходил до перекрестка Пушкинской и Дерибасовской. Останавливался напротив прокуратуры и вместо того, чтобы регулировать, неотрывно вглядывался в угловые, главные двери прокуратуры, кого-то высматривая.

В действиях усатого милиционера была какая-то таинственность. Во-первых, машин проезжало так мало, что регулировщик на нашем квартале не нужен, во-вторых, он записывал номера служебных автомобилей, проезжающих в Горисполком, в-третьих, он следил за теми, кто входит и выходит из прокуратуры. Мозаика из фактов его непонятного поведения никак не складывалась в чёткий узор, но вселила тревогу и даже отодвинула на второй план получение номеров на велосипед.

Наблюдения за милиционером приняли иной характер, казалось, вот-вот и что-то обязательно должно произойти и внести ясность. Однажды, оставив дома велосипед, я продолжал наблюдения и в сумерках, несмотря на строгий наказ прийти домой вовремя, прогуливался дольше обычного. Уже не маяча перед глазами, а прячась за толстые оголенные до бесстыдства стволы платанов, перебежками, скрытно, преследовал постового, напряжённо высматривая в его поступках что-то важное и неправомерное.

Вот он неторопливо и важно прошёлся вдоль квартала, задумчиво постоял напротив прокуратуры, оглянулся по сторонам, блеснув из-под чёрного козырька бегающим острым взглядом и быстро суетливой, семенящей походкой перешел на тротуар, встал лицом к дереву...

«Будет писать, – мелькнула глупая детская мысль».

Я ошибся. Он снял перчатки и что-то достал из кармана тёмно-синей длинной шинели. И тут он закурил!!!

«Милиционер и курит?! – первой же быстрой мыслью возмущенно подумал я. – Как можно? Он же МИЛИЦИОНЕР. Страж закона, пример для подражания».

4.3. Шпионы, шпионы, везде одни шпионы

Мозаика фактов дополнилась необходимым звеном. Зернышко сомнения, ожидавшее своего часа, почувствовало приток сил от удобренной фактами почвы, и медленно через догадки и понимание начало прорастать. Выстреливший резко, как озарение, первый побег на глазах перерос в твёрдую уверенность. Это не настоящий милиционер. Это – шпион.

Ошарашенный своим открытием я аж присел за платаном, готовый в любой момент по-пластунски отползти, прячась в чахлой траве газона.

Такую ношу информации, подозрения и разоблачения нести самому было не под силу. Друзья по двору Шурик Сегал, он же Шурик-рыжий, и Саня Сементовский выслушали мой сбивчивый, взволнованный рассказ и с радостным энтузиазмом включились в игру по разоблачению шпиона.

1963 год. Сани на санях. *Саша Бойко, Саша Сементовский и Саша Шишов.*

Игру с совершенно новым привкусом недетской опасности и азарта. Одно дело, когда ты сам казак или разбойник, пограничник или диверсант, а тут реальный взрослый дядечка – псевдомилиционер, шпион, пока ничего не подозревающий о своем разоблачении, попал под слежку малолетних Пинкертонов. К тому же непредсказуемый конец новой опасной игры вносил будоражащий кураж и сопричастность

к большой военной государственной тайне.

За усатым милиционером следили по очереди, незаметно из подворотен и парадных. Записывали всё в школьную тетрадку, передавая её вместе с часами-будильником с вахты на вахту: с кем разговаривал, сколько раз прохаживался по Пушкинской, сколько времени стоял возле прокуратуры, какие номера машин и в какое время записывал, сколько раз курил и отлучался.

Как-то Шурик, спрятавшись за моей спиной, сфотографировал его на свою «Смену». Шурик любил фотографировать, но фотографии не печатал, у него не было увеличителя, да и бачка для проявки плёнки тоже не было. Тем не менее он с удовольствием прощёлкивал все тридцать шесть кадров, затем ночью под одеялом сматывал пленку с кассет, заворачивал в чёрную бумагу и прятал в шкаф, в темное место, до лучших, как он говорил, времен.

В одесском порту. 1968 год. *А.Сегал (Шурик), А.Семеновский (Саня)*

Однажды (в дневнике слежки были точные дата и время) к нашему фигуранту подошла гражданка Гусева, проживающая в нашем доме, и о чём-то с ним поговорила. Гусева жила в нашем же дворе на первом этаже в самой неблагоустроенной коммунальной квартире, где у неё, одинокой старой женщины, была одна комната с окном на уровне земли, в сыром углу под балконом, куда никогда не заглядывало солнце.

Жильцы этой коммунальной квартиры по-настоящему мучились, у них не было ни воды, ни канализации. Воду носили в вёдрах, набирая в колонке на втором, как говорили, чёрном дворе, там же, на чёрном дворе, был общественный вонючий туалет, которым они пользовались.

Гусева была похожа на Бабу-Ягу – небольшого росточка, седые растрёпанные волосы, сутулая, крючковатый нос, детей ненавидела, противно, каркаяще кричала, если кто-то близко подходил к её окну, и не ленилась выползть из своей коморки, размахивая длинной дворницкой метлой при первых ударах мяча об землю.

Весьма резонно, что она заботилась о целостности своего окна, которое, как и все остальные окна в колодце нашего небольшого двора, не имело решетки. Самые состоятельные жильцы первого этажа летом вставляли легкие рамы с мелкой сеткой от комаров, другие же, все, кроме Гусевой, открывали окна настежь.

В азарте игры мало кого удивляло, если вслед за залетевшим в открытое окно мячом быстренько туда юркнет «автор за исполнением» и, поползав на глазах изумленных и перепуганных хозяев под столом или под кроватью в поисках закатившегося мяча, победоносно выкинет его во двор. Медлить нельзя, мячи, как правило, соседи с первого этажа не возвращали. А если возвращали, то с дыркой в боку от кухонного ножа.

Между собой мы не раз говорили о том, что Гусева насто-

ящая ведьма, она колдует, ворожит, наводит порчу. Посмотреть только на её окно – оно же заколдовано. Сколько раз попадали мячом и в переплёт рам, и в стёкла большие нижние, и в форточные маленькие, и хоть бы что, ни одной трещинки, ни одного скола – все целые. Заговоренное было у неё окно. Какая-то неведомая сила отводила точно летящий в окно мяч или в последний момент смягчала его удар.

Спустя пять лет после описываемых событий мне довелось самому, лично и воочию убедиться, что Гусева, всё-таки, дружила с нечистой силой.

Оптический обман. 1968 год. *Е.Белгородский, А.Сегал (Шурик), А.Сементовский (Саня)*

Было это восьмого марта, в Международный женский день. Уже вечерело, сумерки накрыли наш двор-колодец, все окна зажглись. При искусственном тусклом освещении мы доигрывали очень важный принципиальный матч два на два

до двадцати одного – это в футбол, а не в «очко». Шнурок моей правой праздничной туфли не выдержал, перетёрся и лопнул, но напряжение игры и близость ночи требовали незамедлительного доведения поединка до победного финала. Такие мелочи, как надорванный шнурок, не могли остановить неминуемый разгром наших соперников.

Я получаю на грудь мяч, нахожусь далеко от ворот, но вижу, что они не защищены. Мяч мягко соскользнул вниз и немного вперед, очень удобно подпрыгнул, как бы приглашая ударить по нему правой ногой, и я отважился на сильный решающий удар. Резко отведя корпус и сделав упор на носок левой ноги, я ударил по мячу серединой подъема. Удар не получился. Жалобный писк окончательно разорвавшегося шнурка я не слышал, а всё потом происходящее воспринималось как широкоформатный фильм из первого ряда в замедленном показе.

Мяч отлетел в сторону, метров на шесть от ворот, и смазано, не сильно, но очень точно стукнулся об стекло Гусевой и, не разбив его, отскочил во двор. Пока одна сфера зрения наблюдала за мячом, другая следила за затаженным полётом вырвавшейся на свободу туфли. Она летела бесконечно долго по высокой параболе, всё ближе и ближе приближаясь к окну на втором этаже. Казалось, что сейчас её покинут силы, и она свалится на балкон, но нет – чёрная туфля настойчиво, беспорядочно вращаясь в воздухе, продолжала катастрофическое движение. От напряжения я присел, поджал ногу

в одиноком носке, всем телом и мыслями помогая туфле изменить баллистическую траекторию. Но она упорно мчался на встречу с Праздником. Долетев до широкой и высокой форточки, она пробила два стекла навывлет и исчезла в ярко освещенном окне Гольдгуберов. Со слов тучного, обиженного, но добродушного хозяина я узнал, что, напугав какофонией звуков – громким взрывом разбитых вдребезги стекло, а затем осыпающихся на балкон и барабанищих по жестяному отливу осколков, туфля подлетела к столу, вокруг которого сидели гости, только-только приступившие к праздничному торту, и шлепнулась на его кремовой середине незваным украшением.

– Ви понимаете, ви нам испортили дэсэрт, – никак не мог успокоиться товарищ Гольдгубер, размахивая моей туфлей. – Роза, скажи ими... они не понимают.

– Яша, что я могу поделать? – пожав круглыми плечами, ответила грузная тётя Роза и по-философски продолжила, – было бы хуже, если бы это сделал наш Боря. Потом сами себе вставляй стёкла.

На следующий день произошёл обмен – два стекла от стекольщика, которого в ожидании заказов всегда можно найти возле подвала винного магазина под кодовым названием «Два Карла» на углу Карла Маркса и Карла Либкнехта, на мою одну липкую, в следах белого и розового крема, туфлю, брезгливо выставленную за дверь.

А у Гусевой окно цело! Она нас патологически не любила,

и мы ей отвечали взаимной неприязнью. А после её разговора с мнимым милиционером мы взяли в разработку и её. Вскрылись интересные факты, которые мы вывели у наших бабушек, сведя воедино полученные обрывочные сведения. Не такой уж простой была гражданка Гусева Л. И. Происхождение неизвестно, но образование она получила дореволюционное, музыкальное, играла на пианино и владела несколькими языками. Во время оккупации Одессы работала переводчицей, и за ней приезжали на автомобиле немцы. Тогда она жила не в лачуге, как сейчас, а в престижной большой квартире нашего дома.

Контакты её мы пока не выявили, но получили осведомителя в лице соседа по коммуналке дошкольника Коли. Он с нескрываемой гордостью докладывал нам, снизошедшим до него старшим мальчикам, – кто к ней приходит и с кем она общается. Выяснилось – никто не приходит и ни с кем она не общается. От Коли толку было мало, и тогда мы установили за ней слежку.

Одесса, 2 мая 1986 года. О Чернобыле ни слова... *А.Семетовский (Саня), А.Сегал (Шурик)*

Однажды ранним утром, в коридоре, на фигурном столике с мраморной столешницей, где стоял большой черный телефон, раздался звонок. На моё «алло» трубка ответила невнятным шёпотом. Звонил Саня, у него срочное сообщение, разговор не телефонный, нужно немедленно встретиться во дворе. Я выскочил, как был раздетым, на балкон и условным свистом вызвал Шурика.

Через пять минут Саня показывал свою находку. Увиден-

ное нас ошеломило и убедило, что мы на правильном пути. Во дворе на верёвках, поднятых высоко над землей длинными палками, сушилось постельное бельё. Саня утром с балкона четвертого этажа усмотрел – именно эти простыни развешивала Гусева. Какая любознательная сила потащила его утром вниз неизвестно, но то, что он обнаружил и нам показал, откровенно шокировало. На одной из вывешенных простыней мы разглядели чёткий чёрный штамп в виде орла с длинными крыльями и кружком со свастикой в когтистых лапах – герб фашистской Германии.

Всё сходилось, Гусева – сотрудник немецкий разведки ещё со времен войны, а прикрывающийся милицейскими погонами шпион – её агент, который незаметно при их встрече передаёт врагам секретные сведения о перемещении наших партийных руководителей. Сомнений не было – готовится покушение!

Теперь мы с ещё большим упорством и тщательностью следили и за Гусевой, и за милиционером, но они больше не встречались.

И тут Шурик, вернувшийся после очередного задания проследить перемещения резидента, как мы для конспирации окрестили Гусеву, поделился ошеломляющим наблюдением. Он своими глазами видел, как Гусева вошла в гостиницу «Красная», а через десять минут вышла, оставив там свой маскировочный наряд старой бабки, высокой красивой и молодой женщиной под ручку с мужчиной, который, оче-

видно, был нашим переодетым милиционером, только уже лысым, толстым и без усов. Они сели в такси и уехали на шпионское задание.

Рассказанное Шуриком было весомым вкладом в наше расследование. Оперативный штаб решил усилить слежку за Гусевой не только до остановки второго троллейбуса, но и проехаться с ней по всему маршруту. Сфотографировать Гусеву до переодевания в молодую женщину и после, а также и шпиона-милиционера. И самое главное, с чего всё и началось, – нужно познакомиться с настоящим милиционером. Нет, совсем не для того, чтобы получить номера на велосипед, это детские мелочи, а передать ему в руки все собранные материалы. Дневники наблюдений, негативы и маршруты передвижения шпионов. Милиционер должен быть проверенным и точно не оборотнем, хотя как это определить, было неизвестно.

А через два дня мне подарили долгожданный «Орлёнок», светло-зелёный, с фарой и насосом, абсолютно новый, ещё обмотанный в некоторых местах коричневой промасленной бумагой.

Шпиономания мгновенно испарилась. Проехавшись на новом велосипеде вокруг квартала, я в тот же день собрался с духом и быстро рванул на Приморский бульвар. Начался новый этап путешествий, приключений и освоения жизни.

Американо-израильская дружба. В гостях у Шурика. Нью-Йорк. 2009 год. А.Сементовский (Саня), А.Сегал (Шурик)

Постовой исчез, наверное, его перевели на другой участок. Гусева сняла высохшее бельё. Шурик, рассказывая про переодевание шпионов, часто путался, но очень убедительно и уверенно разукрашивал своё детективное открытие, добавляя всё новые и новые умопомрачительные подробности. Саня, как юный и подающий надежды майор Пронин, лю-

бил вспоминать свою проницательность – как ему ловко удалось найти главную улику на сохнувшей простыне, с головой и ногами разоблачающую подпольную деятельность немецких шпионов. На этом игра закончилась. Боевая ничья.

5. О мусоре и не только. 1964 год

5.1. Бульвар, Грот

У Приморского бульвара есть две неразлучные зоны. Верхняя – праздничная, прогулочная с прямыми аллеями и длинными массивными скамейками под каштанами, и нижняя – куда и в белый день заходить небезопасно, а тёмным вечером, кроме проблем, можно найти ещё и неприятности. Первая так и называется – бульвар. А вот вторая, так себе, без названия. И не бульвар, и не парк, и не сквер... Просто склоны.

Обязательными для экскурсионного осмотра на Приморском бульваре являются пушка с английского фрегата «Тигр», памятник Пушкину, памятник Дюку де Ришелье и Потёмкинская лестница. Для любопытных добавляют ещё внешний осмотр Воронцовского дворца и Колоннаду с видом на Военную гавань, а для незаурядных и любознательных найдется ещё не менее ста достопримечательностей, о которых можно говорить часами.

Лишённый любопытства турист, рассеянно посмотревший на пушку, согласно экскурсионному регламенту, обращает свой следующий взор на памятник Пушкину. Обойдет его, постоит скучающе, разглядывая, как тонкие струи воды

вырываются из пастей диковинных рыб, развернётся и пойдёт прогулочным шагом ровными аллеям бульвара к Дюку и Потёмкинской лестнице, лениво поглядывая на фасады старинных домов слева и мимолётно вглядываясь сквозь завесу листвы в сторону моря справа.

Существуют и другие путешественники – настоящие. Они, добросовестно выслушав обязательную программу, продолжают сами познавать новые места. Заворачивают в узкие улочки, заглядывают во дворы домов, внимательно всматриваются в лица прохожих, читают вывески и названия улиц, чтобы за считанные дни или часы своего кратковременного приезда ухватить и понять дух этого города. Чтобы одно его имя вызывало только ему присущий ассоциативный ряд воспоминаний, запахов и эмоций. Это особенные люди – они смотрят вокруг себя и видят, слушают и слышат, ощущают и впитывают, погружаясь в неповторимую окружающую атмосферу другого мира. Ищут и находят тот фокус, секрет, изюминку, делающие путешественника частью этого места на планете. Именно поэтому рассказы и собственные впечатления, звучащие затем в далёких родных краях, никого не оставляют равнодушными, они живые, ёмкие, зримые, фонтанирующие и будоражащие воображение.

Такой путешественник, отойдя от пушки, сразу же обратит внимание, что площадь, на которой он находится, представляет собой большой неправильный перекресток. В его гранит, как в озеро, втекают две строгие прямые улицы, один

переулок, четыре аллеи бульвара и уютный, нежный спуск от Оперного Театра, а истекает, охватив плато с пушкой, только одна узкая пологая аллея, окаймлённая невысокими бордюрами из дикого ракушечника, убегающая в нижнюю часть Приморского бульвара и сразу же исчезающая за крутым поворотом.

Своим интригующим, устремлённым вниз изгибом аллея непреодолимой силой заманивает пройти, невольно приглашая в таинственный мир новых впечатлений.

Настоящий путешественник, поддавшись искушению, отважно направит свои стопы по безлюдной, всё круче и круче уходящей вниз дорожке, и сразу же, пройдя два десятка шагов, почувствует обман и разочарование. Он даже растерянно остановится и обернётся, решая, не вернуться ли назад.

Первые несколько ухоженных деревьев на зелёной лужайке вызовут у него приятное ощущение ожидаемого продолжения парадности верхней части бульвара, но затем, пройдя совсем немного, путешественник обиженно вздыхает – интригующий праздник не состоялся. Справа и слева его окружают запущенные, беспорядочно растущие деревья. Они-то растут, куда денутся, но в них отсутствует жизнь. Нет её ни в форме, ни в расположении, ни в оттенках зелёного. Они выглядят апатичными и сонными. Вместо волшебного, скрытого от лишних глаз, интимного мирка, с откровением неприкрытого цинизма обнажилась дикая запущенность на фоне бывшего инженерного прагматизма. Не красота преоблада-

ет на зелёных прибрежных склонах в двух шагах от чопорного бульвара, а рациональная противооползневая посадка неприхотливых растений с мощной и разветвлённой корневой системой. Всё. Эстетика осталась наверху.

Между деревьями беспорядочно растут пыльные рваные кусты, местами напоминая непроходимые джунгли, в некоторых из них по засохшим красным ягодам и шипам легко угадывается шиповник. Пятна накренившихся одичавших лужаек, пробитые во многих местах нестройными стрелами дикой высокой травы и серыми проплешинами грунта, пересекаются протоптанными в никуда тропинками. Много колючих акаций. Кажется, что это неспроста – вместе с шиповником они создают естественную защиту от проникновения в свой закрытый микромир, спрятанный за каменным бордюром и невысоким редким буксусом.

Постепенно, по мере спуска по пологой дорожке, замолкают и исчезают все звуки, уступая место неожиданно окутавшей, но так и не зазвеневшей тишине. Меняется воздух, в нижней части бульвара он более влажный, но намного чище и свежей. Этого путешественник не замечает, но его организм, сразу же почувствовавший перемену, активно настроился продлить себе удовольствие от пребывания в экологически чистой зоне, вопреки эстетическим вкусам своего внутреннего мира.

Разочарованный путешественник, пожалевший о своем выборе и чувствуя себя незаслуженно обманутым, по инер-

ции, влекомый силой наименьшего сопротивления, ускоряясь, продолжает идти вниз по наклонной быстрой аллее. И вдруг, или ему это только показалось, или в самом деле, что-то большое серо-коричневое каменное мелькнуло сквозь стволы деревьев и прозрачную листву кустов. Ещё несколько шагов и зыбкое видение принимает осязаемые формы.

Сойдя с аллеи, и пройдя буквально пять-шесть шагов влево, путешественник остановится у края бассейна, посреди которого величественно расположился каменный грот.

Одесса. Грот.

Для местных жителей, привыкших к неизбежности грота всегда на этом самом месте, он видится нагромождением валунов с протоптанной вверх дорожкой по его каменным уступам со временем превратившимися в неровные, кривые и шершавые ступени.

Взгляд путешественника особенный, незамыленный, для него всё вокруг новое, первозданное, неизведанное, интересное. Таким его делают объективность и свежесть восприятия, без которых путешествие оборачивается натужной поездкой с наскучившими экскурсиями по невыразительным местам.

Разглядывая грот, путник не мог даже представить, что не наклонная, стремительная аллея принесла его на это место, а невидимое силовое поле самого грота притягивает к себе небезразличные души.

Он видит грот впервые, таким, как он есть. Отсутствие какой-либо информации или небольшого предупреждения о возможной с ним встрече позволяют немного пофантазировать.

Любознательный путешественник сразу же обратит внимание, что грот – это не нагромождение камней, а стройное сооружение из двух каменных массивов. Они имеют широкие основания и суживаются по мере роста вверх. Соприкоснувшись вершинами, образуют общую естественную крохот-

ную площадку грота. Немного воображения, и это не два каменных колосса, а мощная пара утомлённых вечным противостоянием борцов-титанов. Уперевшись друг в друга могучими плечами, они нашли в статическом положении умиротворение и покой в ожидании сигнала к продолжению схватки.

Атлеты-гиганты накрепко сложены из камней хрупкого дикого известняка. Своими широкими основаниями они вросли в выглядывающий из воды железобетонный фундамент. Один только вид монументального постамента лишней раз подчёркивает небывалый вес, силу и неуступчивость каменных борцов.

Никаких табличек и пояснений нигде нет. Просто грот. Без имени и биографии. Увеличенная копия собратьев из аквариумов с домашними рыбками.

Думаю, путешественник приятно удивился бы, узнав, что когда-то бассейна не было, грот стоял среди зелёной ухоженной лужайки, а внутри, как в беседке, влюблённые парочки сидели в глубокой тени на скамейке и любовались морем. Даже имя было – грот Дианы. Да, да, именно женственной Дианы, а не детей-переростков, рождённых от Урана и Геи.

Пытливый взгляд старается запечатлеть и рассмотреть самое необычное. Бассейн окаймлён низеньким заборчиком из дикого ракушечника и имеет диковинную, хитроумную форму. Замысел архитектора, создававшего бассейн вокруг грота, невольно читается в простоте решения сложной задачи

– сделав стенки бассейна разновысокими, он смог, подчёркивая необычность ландшафта, вгрызться зеркалом водной глади в резко уходящий вверх, к строгим аллеям бульвара, крутой склон.

Только после того, как открылась гармония этого сооружения, путешественник замечает – словно интимный подарок за пристальное внимание к своей особе – огибающую грот тропинку, затейливым завитком кривых, истоптанных ступеней ведущую к его вершине.

Дальше проще и доступней. Внутри грота, в центре, из мутной воды бассейна, тянется тонкая ржавая труба. Выйдя из камня на вершине, она небольшим, скромным фонтанчиком разбрызгивает воду. Бассейн мелкий, вода в нём грязная, а рукотворный скудный водопад напоминает слезы.

Путешественник удовлетворен. Он увидел то, что спрятано за гранью экскурсионного знакомства. Он, словно открыватель необитаемого острова в океане, восторженно осознаёт свою исключительную везучесть, отдает должное особому нюху на таинственное и непредсказуемое.

Продолжив спуск, путешественник несколько раз оборачивается назад, прощаясь с неожиданным видением, исчезающим за изгибом стремительно спешащей вниз аллейки, пока перед ним внезапно не возникнет мостик. Бег замедляется, путешественник в предвкушении нового открытия бережно, маленькими шажками, как гурман, наслаждающийся мелкими глотками старого вина, вступает на ровную по-

верхность моста. С его середины открывается неожиданный и интригующий вид.

Опять удача, радостно думает путешественник. Справа в приближенном ракурсе просматривается порт, а слева, прямо под ногами развилка фуникулёров.

Одесса. Фуникулёр.

Путешественник смотрит вверх, в сторону приближающегося вагончика и вздрагивает – неожиданно из-под мостика, блестя жёлтой покато́й крышей, беззвучно выплывает второй вагончик, снизу. Не снижая скорости, они расходятся на полпути, пассажиры восторженно приветствуют друг друга и машут руками. Путешественник поддаётся долетевшей до него снизу экспрессивной радости и невольно улыбается. Подчиняясь гению технической мысли, красно-жёлтые вагончики, поскрипывая тросами, продолжают свой однокольный путь вверх и вниз.

Проследив путь взбирающегося вверх вагончика и оставив его самостоятельно «причалить» на Приморском бульваре, путешественник быстро перебегает к перилам с другой стороны мостика, чтобы не пропустить священнодействие вниз. Отсюда прекрасный обзор: загрузка следующей партии пассажиров, бесшумное трогание вагончика, шелестящий проезд под мостом, выезд на расходящиеся участки пути, приветственные крики, чёткий разъезд и плавный подъем вверх к резному деревянному павильону.

Завораживает. Но нужно идти дальше. Перешёл мостик и опять открытие! У него дух захватывает от открывшейся перспективы.

Ещё несколько шагов по плавному спуску, и он понима-

ет, что неожиданно сбоку вышел на Потёмкинскую лестницу – главное чудо Одессы. Он трепетно ступил на широкий пролёт лестницы, раскинувшей вверх и вниз мощные крылья гранитных ступеней: высоко вверху вырисовывается силуэт памятника, внизу улица, белый забор, за ним бурлит напряженной жизнью порт. Прямо, в конце пролёта, арочные ворота. За ними виднеются толстые деревья, аллеи и павильоны, а над входом серебристой дугой из отдельных крупных букв набрано «ПИОНЕРСКИЙ ПАРК».

Одесса. Пионерский парк.

Романтичный любитель достопримечательностей, заглянув в необозримую глубину «Пионерского парка», решит, что уже вышел из детского возраста, это раз, а во-вторых, он уже посетил одно скрытое от посторонних глаз место и не стоит смешивать впечатления.

У него теперь задача поважнее. Он стоит посередине пролёта и прикидывает, что исторически значимее – пройти вверх ступеньку за ступенькой по шести маршам Потёмкинской лестницы или пробежать четыре марша вниз и добавить в коллекцию ощущений ещё и подъем на фуникулере. Пройти под мостиком, пытаясь рассмотреть сквозь частокол пробегающих деревьев очертания грота, мысленно с ним ещё раз поздороваться и попрощаться, поблагодарив за нечаянную сегодняшнюю встречу.

Выбор сделан. Вагончик фуникулёра ползёт, покачиваясь и поскрипывая, вверх на встречу с единственным, никуда не спешащим и терпеливо ожидающим в любую погоду Арманом Эммануэлем София-Септимани де Виньеро дю Плесси, графом Широн, пятым герцогом Ришелье – бронзовым памятником Дюку, мудро и символично глядящим на суету жизни сверху вниз.

Незабываемые воспоминания останутся у любопытного путешественника из далекого тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года. Нарушив стандартный ход осмотра Приморского бульвара, он сам, без экскурсовода, пришёл к Дюку

окольным путём через нижний парк. Он с гордостью увезёт в своём сердце отражение частички необычного уединенного уголка, открытого им планете Земля.

Наверное, он всё же понимает, что его поверхностный осмотр и восторженные впечатления – это всего лишь сугубо личное восприятие, не претендующее на оригинальность, вклад в собственную коллекцию незабываемых встреч, ещё один штришок к портрету любимившегося города.

А что думает по этому поводу сам парк? По все видимости, мнение путешественника, уехавшего с частичкой запавшего в душу грота, безгранично льстит, как и любое субъективное мнение первожданного восхищения.

Сам парк, в действительности, он другой. Да, неповторимый. Да, увлекательный. Да, заброшенный. Малолюдный и малодоступный мир, живущий по собственным законам, – сердитый антипод парадному верху прямых аллей.

5.2. Мосик

Детская дружба непредсказуема, и часто складывается по географическому признаку. Первые друзья, как правило, соседи по двору, нашедшие общность интересов в одной песочнице. Первая школьная дружба напрямую зависит от того, в какую сторону учеников ведут из школы домой. И не только. Ещё и от общительности бабушек или мам. Плетущиеся рядом с ними школьники, как бесплатное приложение к их захватывающей беседе, и не замечают, что со временем уже сами идут из школы вместе, без взрослых, той же самой дорогой.

Соседний ряд парт – это тоже географическая точка в классе. Одинаковые с симпатичной девочкой через проход красные носочки в полосочку могут быть приняты за родственность душ. Перерасти в первую влюблённость как вариант детской застенчивости, полной любованием исподтишка особы своего раннего обожания с белыми бантиками и красивым, с нажимом, почерком.

Более глубокие дружеские отношения возникают у соседей по парте. В начальных классах соседей не выбирают, они вдруг однажды оказываются рядом. Не сами по себе, а по воле учителей, исходя из только им понятных, педагогических соображений.

Мосика пересадили ко мне на предпоследнюю парту в

третьем классе. Сразу же первого сентября. Непомерно худой светловолосый немногословный и застенчивый мальчик. Спички худых ног резко утолщались в коленях, чтобы перейти в спички бёдер; длинные худые руки, большие кисти, обкусанные короткие ногти, острые локти; тонкая сероватая обтягивающая лицо кожа, спокойные почти чёрные глаза. Тихий невыразительный голос и небольшое заикание в начале предложения делали его незаметным среди ярких и шумных одноклассников. Он не выделялся на фоне быстро считающих в уме и раньше всех выкрикивающих результат устного счёта Зайца и Фрица. Заяц – это фамилия Осика Зайца, а Фриц – прозвище длинного в очках Ромы Фридлиса. Мосика не замечали рядом с рассудительным и спокойным Нинбой – Вовой Нинбургом. Даже маленький Фуля (Вова Фурлейтер), казалось, самый мелкий и неуловимый в классе, был больше на виду. Не говоря уже о неистребимом вруне и фантазёре Яне Блетницком, или проще, Блетике, с которым я сидел вместе во втором классе.

Блетик своим «волшебным стеклом» привязал к себе всех мальчишек-одноклассников и заставил хвостиком ходить за ним по школе. Пришёл как-то в школу взбудораженный Яня и, захлёбываясь от восторга, рассказал, что его дядя подарил ему волшебное стеклышко. Если через него смотреть, то все люди голые. Потом сделал вид, что достал что-то из кармана и принялся смотреть сквозь зажатый кулак по сторонам и комментировать. Просили его: «Яня, дай посмотреть, хоть

одним глазком». «Нельзя, – отвечал Блетик, – оно волшебное, в чужих руках взорвётся, как атомная бомба». Ходили за ним толпой все перемены. Он на кого-то из девчонок посмотрит сквозь кулачок с «волшебным стеклом» и давай рассказывать, якобы то, что видит, а мы стоим, уши развесили, слушаем и верим. Он даже на Алёну Юрьевну – самую молодую и красивую учительницу английского языка – смотрел и тоже рассказывал, да так рассказывал, что у него самого слюни потекли по подбородку. А у Алёны Юрьевны, между прочим, интереснее всего было на уроках. В конце каждого занятия она рассказывала нам страшные истории с продолжением. Мы, с нетерпением ожидая следующей встречи, не только все как один готовили домашнее задание, но и яростно обсуждали возможное развитие событий, а одну историю она так и не закончила, уволилась. Как потом я узнал, это были рассказы Эдгара По. Вот такой интригующий педагогический приёмчик.

Мосик был очень неприметным и малообщительным. Никогда не тянул руки, даже если знал ответ, на вопросы учителя отвечал не сразу, а через небольшой промежуток времени, поборов нервное заикание. Учился он ровно и при этом удивительно равнодушно. Хорошим отметкам он не радовался, плохие его не огорчали. Получит тройку, отмахнется вялой кистью, пробурчит что-то, что означает «ну и ладно», и опять на его лице полнейшая невозмутимость и спокойствие.

Воспитывали его не только родители. Узнав Мосика поближе, я понял, что он был своеобразным «сыном полка» для разных по возрасту, образованию и социальному статусу случайных людей, проживающих в одной огромной, семей на десять-двенадцать, коммунальной квартире. И, конечно же, Мосик находился под огромным влиянием старшего брата Ньюмы, с которым он был на разных фамилиях. Мосик был Вовой Мойсой, а Ньюма – Вольный. Наум Вольный. Разве, что не вольный ветер.

5.3. Брат Ньюма

Брат Ньюма был на три года старше и учился в параллельном классе с моей сестрой, и все его выходки, сводящие с ума школьных учителей, были хорошо известны у нас дома.

Ньюма был другой и по характеру, и внешне. Маленький, смуглый, черноволосый, с по-девичьи красивым ангельским лицом и с чёрными беспокойными буравчиками бесовских глаз, он был для учителей настоящим исчадьем ада. Выгнать из школы его не могли. Учился он плохо, но принадлежность к подотчётному школе микрорайону делала его неприкасаемым.

Его выходки заставляли учителей плакать от бессилия. Вызовы родителей в школу, приглашения в районо и прочее, как говорил Мосик, «были как мертвому припарки». Немного повзрослев, классе в шестом, Ньюма почему-то оставил учительниц в покое, а переключился исключительно на преподавателей-мужчин, но только на тех, кто его физически обижал. Со временем его проделки стали легендарными, обросли домыслами и фантазиями. Его одноклассникам нравилось придумывать невероятные истории и приписывать маленькому Ньюме даже то, что он никогда не делал. Ньюма слыл воплощением подросткового мщения, борцом за свободу и справедливость.

Завуч школы – лысый самодур с фамилией, пугающей

сильнее любого придуманного прозвища, однажды на уроке русского языка не вытерпел издевательств маленького Ньюмы. Прозвище, конечно, у завуча было – Лысый, но это до поры до времени. Взбешённый завуч схватил Ньюму за тонкую шею, выдернул из-за парты и с силой швырнул в запёртую дверь. К счастью, дверь открывалась наружу, и Ньюма не распластался цыпленком табака по белой деревянной поверхности, а, распахнув её своим тщедушным тельцем, проскользил, оставляя следы по намазанному дешевой красной мастикой паркету, до лестницы, резво вскочил и вприпрыжку умчался вниз, перепрыгивая через несколько ступеней.

Исполненный праведного гнева, Ньюма прибежал в медпункт с требованием снять побои. Жалуясь медсестре на негуманное с ним обращение, он ей поведал о серьезности своих намерений передать дело в суд с пожизненным осуждением завуча. Медсестра видимых следов рукоприкладства не обнаружила, а невидимые себя ничем не проявили. Разочарованный Ньюма поплелся в буфет, и незаметно, так, на всякий случай, прихватил в медпункте пузырёк с зелёнкой и вату. Вдруг откроется какая-нибудь рана, а если нет, то «в хозяйстве пригодится».

На следующий день в школе произошло ЧП: на большой перемене кто-то с площадки четвёртого этажа вылил на лысую голову завуча зелёнку.

На крик сбежались учителя. Завуч, бывший командир взвода автоматчиков, по-военному чётко расставил педаго-

гов по боевым позициям. Одни перекрыли единственный выход с четвёртого этажа и проверяли ладони, другие выводили учеников из классов и регулировали их проход через импровизированный фильтрационный пост. Сам завуч в ярости бросился прочёсывать классы, подгоняя в шею замешкавшихся учеников, явно ища маленького Ньюму. Лучше бы он занялся головой: зелёнка растеклась, равномерно окрасив вспотевшую лысину и лицо в изумрудный цвет. Вид у него был устрашающий. С выпученными красными глазами и волчим оскалом, брызжущий зелёной слюной, он истошно отдавал команды направо и налево. Пройдя контроль, старшеклассники бегом слетали на третий этаж, чтобы, закрыв рот двумя руками, беззвучно отсмеяться. Самые смешливые спешили ещё ниже, на второй этаж и первый, даже выбегали на улицу, чтобы насмеяться от души, в полный голос.

Нюму всё-таки нашли. В буфете на втором этаже. Он безмятежно сидел в окружении одноклассников и жевал рогалик, неторопливо попивая компот из сухофруктов. По требованию дежурного учителя, разгорячённого поисками малолетнего преступника, Ньюма предъявил свои идеально чистые, как никогда, ладони. Придирчивый и никому не верящий педагог не поленился надеть очки и досконально рассмотреть со всех сторон каждый Ньюмин палец. Одноклассники, они же свидетели, подтвердили, что Ньюма просидел вместе с ними за этим столом всю перемену. Алиби, чёрт побери...

Теоретически Ньюма мог спуститься с четвёртого этажа по другой лестнице, но она, то ли в целях непонятной экономики, то ли из соображений вредительского нарушения правил противопожарной безопасности, была перекрыта многостворчатой дверью, которая в свою очередь всегда была заперта на ключ.

Кто-то всё-таки донес завучу, что видел Ньюму на четвёртом этаже, когда произошло, как было объявлено, покушение на представителя школьной власти. Но алиби. Железное алиби и чистые руки.

Со временем маленькая узенькая филёнка, неплотно установленная в раму двери на вторую, запертую лестницу четвёртого этажа, отвалилась, открыв узкий лаз. Пузырёк с остатками высохшей зелёнки выкатился из-под радиатора и вместе с другим мусором, собранным техничкой, полетел в ведро с красной римской цифрой четыре. Была ещё перепачканная зелёнкой вата, но и она навсегда исчезла в унитазе «мальчукового» туалета под шумной струей воды из высокого, с верёвкой вместо стальной цепочки, чугунного бачка.

Вскоре эта история забылась, но через два года вспомнилась и опять обсуждалась во всех подробностях, со смехом и нескрываемым злорадством. И самое главное, у завуча навсегда сменилось прозвище. На экраны вышел фильм «Фантомас».

Ньюму больше не обижали, но это не означало, что он изменился. Будучи любимцем класса и всячески поддержи-

вая свой высокий уровень разгильдяя, Ньюма, к всеобщему удовольствию соучеников выводил учителей из равновесия, срывая, бывало, все сорок пять минут урока. Учителя содрогались, слыша его вольнолюбивую фамилию, и единогласно согласились, что наименьшее зло, это когда Ньюма пропускает школу. Его за «казёнку» не наказывали, что его подростковым мышлением расценивалось как поощрение. Поэтому он пропускал много и с удовольствием, а учителя надеялись, что, в конце концов, Ньюма забудет дорогу в школу и не будет учиться в ней более восьми классов.

Однажды учитель физкультуры, доведённый Ньюмой на уроке до белого каления, по отработанной завучем технологии хотел вышвырнуть маленького садиста за дверь. Но дверь спортивного зала, в отличие от кабинета русского языка, открывалась внутрь. Не выпуская из сильной лапы тощий загрибок, физкультурник, раз за разом ударял Ньюминой головой по неподдающейся створке, безуспешно пытаясь открыть дверь самой тупой, с точки зрения педагога, частью тела ученика, пока не догадался потянуть ручку на себя. После чего Ньюма исчез со скоростью выпущенного спортивного ядра.

Мстительный Ньюма на этот раз в медпункт не пошёл. Понимая, что номер со снятием побоев не проходит, он пошёл в столярную мастерскую, рядом со спортивным залом. Учитель столярного дела Ньюму, как ни странно, любил, но вовсе не за то, что у того золотые руки, нет, руки у него, как и у

всех школьников, росли из известного места. Он любил его за детский, наивный, замороженный, восторженный взгляд чёрных из-под длинных, пушистых ресниц глаз, которым тот часами мог смотреть на свежую, золотистую стружку, кучерявым завитком выползающую из рубанка. Нюма мог сидеть вечно и смотреть, как работает столяр. Нюма с детства любил смотреть, когда кто-то другой работает.

Нюма, насупившись, сидел на пустом деревянном верстаке и угрюмо болтал маленькими ножками, – так вызревал план мести. Прихватив молоток, он выждал, когда учитель физкультуры выйдет на перемене из зала, пробрался к преподавательскому столу и быстро, буквально двумя-тремя точными сильными ударами, прибил гвоздями к полу калоши ненавистного учителя.

Погода была ненастная, учитель физкультуры – грузный, немолодой и с возрастом неспортивный мужчина – придумал, как старым испытанным дедовским способом избавиться себя от излишних наклонов, сопровождающих обязательную смену обуви в спортивном зале. Он надевал калоши на тёплые, военного образца, ботинки и, приходя в школу, снимал резиновую пару и аккуратно ставил её возле стола.

Гордый своей пакостью, Нюма обежал одноклассников и позвал посмотреть, как он говорил, «кувырок мордой в пол». В узкую щель двери в спортзал за движениями учителя наблюдали десятки любопытных, по-детски беспощадных, мальчишеских глаз. Вот физрук тяжёло подходит к сто-

лу и, помогая обувным рожком на длинной ручке, кряхтя, с трудом, втискивает ногу в одну калошу, затем, также с трудом, сопением и пыхтением надевает вторую. Убедившись, что калоши плотно без загибов охватывают ботинки, он берёт в руки большой чёрный портфель и делает шаг... Затем второй... Третий и направляется к выходу из зала.

Разочарованные зрители мгновенно ретировались и, прихватив Ньюму, чтобы наказать за потерянное время, скрылись в туалете. В туалете Ньюма, схваченный в жёсткие тиски товарищей божился, что прибил калоши к полу, но кто ему поверит, он же Ньюма. Стукнув его несколько раз для профилактики по шее и тощему заду, ученики вошли в спортзал и первое, что увидели – это калоши, поблескивающие черным гляncем из-под стола. Попробовали их сдвинуть, ничего не вышло, калоши были накрепко прибиты к полу.

Так в каких же мокроступах ушел учитель? В спортзале внезапно погас свет, и тайна вторых калош навсегда осталась покрытой мраком.

5.4. Новый мир старого Бульвара

Мосик был противоположностью своему брату Нюме, как день и ночь, но далеко не таким благополучным ребёнком, о которых пишут в хороших книжках или в газете «Пионерская правда».

Оказалось, что, кроме соседства по парте, он ещё и жил от меня в одном квартале. В одном – это сумма двух полукварталов. Если идти от его дома к моему – чуть больше полквартала по Дерибасовской вниз от десятого номера плюс полквартала направо по Пушкинской до моего восьмого. Ежедневно после школы мы вместе возвращались из школы. Речь у Мосика была очень специфической, и часто только по контексту я догадывался, что он имеет в виду. Интересно у него получалось, в классе он разговаривал на нормальном, привычном языке, а по дороге из школы его стиль изложения по мере приближения к дому менялся. Однажды, уже прощаясь, он мне предложил:

– Поканаем на бульдик? У меня там дрын заныкан, будем мочить каштаны.

Из всего сказанного, я понял, что речь идет о каштанах, но в целом мысль не ухватил и непонимающе посмотрел на Мосика. Он по-своему расценил мой немой вопрос и добавил:

– Или маслины хавать.

Опять не понял, но сделал вид, что согласен. Мы договорились утром следующего дня (третий класс – вторая смена) встретиться у памятника Пушкину. В школу Мосик всегда приходил в белой рубашке, а тут, утром на бульваре, я его не узнал. На нём был выцветший трикотажный спортивный костюм, купленный на вырост или доставшийся после Ньюмы, – большая футболка с длинными рукавами, оставляющими неприкрытыми только кончики пальцев, и волочащиеся бахромой по асфальту штаны на резинке с вытянутыми пузырями на коленях. Ноги в запыленных темно-синих, с пожелтевшей от времени резиной, кедах на босу ногу.

В таком наряде он чувствовал себя комфортно и уверенно, совершенно исчезла его застенчивость, и, как ни странно, заикание. Он подошёл и по-деловому сказал:

– Пойдем, кое-что покажу, – и указал головой в сторону нижнего бульварного парка.

Я развернулся, чтобы по сбегаящей вниз аллейке спуститься вниз, но тут услышал:

– Не туда, иди за мной.

Я покорно последовал за ним. Обойдя пушку справа, по нижнему проходу мы вышли к зловонному общественному туалету, затем перелезли через каменный бордюр и по отвесному склону мимо кустов и деревьев, сидя на корточках, заскользили вниз по пыльной тропинке. Я пожалел, что у меня нет таких замечательных кед, как у Мосика. Пыль забивалась в дырчатые сандалики, чувствовалась, как она проникает че-

рез носки и откладывается между пальцами, а мелкие острые камешки, попав под ступню, неожиданно и больно колются.

Пыльная скользкая тропинка слаломным серпантином, огибая деревья и кусты, привела нас к небольшой утоптанной площадке. Тропинка кончилась, её продолжением было толстое дерево, криво выросшее на склоне. Мосик первым встал на его горизонтальный гляцевый ствол, быстро сделал несколько уверенных шагов, и затем удобно на нём разлёгся, плавно прижавшись спиной и сцепив руки в замок на затылке. Убедившись, что я успел оценить его ложе, он блаженно вытянулся вдоль ствола и упёрся головой в мягкую морщинистую кору ветки.

И тут Мосик заговорил – уверенно, громко, без остановки и заикания. Это было ЕГО, как оно говорил место, ЕГО маслина. Он тут провёл все лето. Уходил утром с книжкой и читал лёжа на дереве, если хотелось пить, то это решалось просто – для этого стоял Пушкин с фонтанчиками воды. Хочешь кушать – «два шага и ты дома», поел, взял книжку и сюда. Дома книжек много, полный шкаф, но это «подписка», их выносить из дома не разрешают, так он берёт у соседей. В большой коммунальной квартире все двери перед детьми были открыты – им давали книги, игрушки, угощали сладостями, могли и покормить, могли и наказать.

– Тут у меня дрын заныкан, – сказал он, вынимая откуда-то из листвы толстую палку, – сейчас набьем каштаны, и я тебе кое-что покажу.

Я с ужасом представил подъем по скользкому и пыльному склону, но Мосик не дал мне испугаться:

– Поедём тайными тропами, – сказал он и уверенно повел между деревьями и кустами.

Легко, без резких подъемов и скольжений, по пологим тропкам, тянущимся вдоль склона, мы вышли на бульвар. Выбрали деревья подальше от людей, малочисленными одиночными группками отдыхающих на скамейках, и начали по очереди сбивать каштаны. Занятие оказалось очень увлекательным. Рассмотрев в листве колючую зеленую гроздь, нужно было сильно метнуть в неё палку, от удара оболочки раскрывались, и оттуда выскальзывали блестящие, как отлакированное тёмное дерево, каштаны и, глухо ударившись о землю, разлетались в разные стороны по замысловатым траекториям. Один из нас бросал палку, а второй бегал и подбирал разбежавшихся беглецов. Вскоре у меня карманы были забиты под завязку, а Мосик, засунув футболку за резинку штанов, собирал их за пазуху.

За каштанами. 1966 год. *Вова Мойса (Мосик), Саша Шишов*

Самое интересное было дальше, когда мы подошли к Дюку. Вытаскивая по одному, Мосик бросал каштаны вниз по Потемкинской лестнице. Ранним утром лестница была пуста, и мы безнаказанно и самозабвенно, соревнуясь друг с другом, швыряли вниз дикие плоды Приморского бульвара.

Запущенные каштаны сильно ударялись о гранит и, смешно, непредсказуемо отскакивая то вправо, то влево, прыгали вниз по ступеням, катились по маршам, потом опять прыгали и замирали, обессилив или наткнувшись на боковины каменных парапетов.

Особый смех вызывали шустрые каштаны-самоубицы. Они, отпрыгав положенные марши, неожиданно резко меняли траекторию и, перепрыгнув широкие боковые ступени, сваливались с лестницы и навсегда исчезали.

Самые круглые каштаны, настойчиво подскакивая, продолжали прыжки вперед, то исчезая, то мелькая чёрной точкой над пролетами. Они долетали до нижних ступеней лестницы, скатывались на тротуар и медленно, нехотя, перевалив бордюр, сваливались на мостовую. Одни находили убежище возле гранитного камня в ожидании дождя, который унесёт их через ливнёвку в открытое море, другие, выкатившиеся на проезжую часть, были обречены на гибель, раздавленные колёсами машин или троллейбусов, оголив под против-

ный чвакающий звук разрываемой лаковой кожи свою нежно-зелёную твёрдую сердцевину. Третьи, зафутболенные ногой прохожего, ещё долго, до зимы, будут болтаться по белу свету, пока, забившись в укромное место, не встретят свое естественное увядание.

Каждодневные вылазки на Приморский бульвар меня захватывали всё больше и больше. Они были сродни завоеванию новых территорий, открытию новых земель, покорению неизвестных стран и исследованию затерянных миров.

Мосик по-хозяйски, щедро, открывал мне тайны нижних парков – проходы, тропинки, лестницы, переходы. Вскоре я научился прекрасно в них ориентироваться и, кроме того, освоил Мосика сленг. Я его не только в совершенстве понимал, но уже мог кое-что, ломая язык, произнести в его само-бытной, индивидуальной манере уличного пацана.

5.5. Дурной пример заразителен

У Мосика была ещё одна поразительная особенность: в его рассуждениях и изречениях сквозила недетская мудрость. Иногда он казался маленьким старичком, высказывающим свои сентенции, аргументировано и щедро приправленные афоризмами. Он знал огромное количество жизненных присказок, пословиц и поговорок. От него я узнал, что «копейка рубль бережёт», «жадность фраера сгубила», «бабка надвое сказала», «живы будем, не помрем», «один в поле не воин», «скупой платит дважды», «бей своих, чтобы чужие боялись», «не пойман – не вор» и многие другие. Слушая нравоучения в школе, он, внешне рассеянно, но в действительности очень внимательно, пропускал их сквозь себя, отсеивая лишнее, а когда находил в них что-то соизмеримое с его внутренним миром, удовлетворенно, с еле заметным запаздыванием, кивал головой и благосклонно принимал. Казалось, что каждый свой поступок он может мотивированно оправдать, произнеся веско вслух цитату из ёмкой народной непререкаемой мудрости.

Так, он считал, что нельзя «выбрасывать деньги на ветер», поэтому и платить нужно только в самом крайнем случае.

В кино он не платил никогда, принципиально. Его папа работал художником в маленьком кинотеатре на Пересыпи, где фильмы шли вторым экраном, и Мосик их все, конечно

же, пересмотрел, а понравившиеся – по несколько раз. Ездил на Пересыпь он исключительно «зайцем». Если в центре города, в «Украине» или во «Фрунзе», шёл премьерный фильм, который все уже посмотрели и с жаром обсуждали, а ему не удастся посмотреть его раньше чем через неделю, то он «проканывал» в кинотеатры без билета.

На моих глазах он, невероятным образом ввинтившись в толпу возле контролера, исчез, чтобы вынырнуть с другой стороны турникета и помахать мне рукой. Я был с билетом, и в переполненном зале, без свободных мест, мы просидели в одном кресле весь сеанс. Несмотря на обоюдную худобу, в кино, когда Мосик «проканывал», я больше не ходил – тесно. И более того, никогда не пробовал повторить его лихое проскальзывание мимо контролеров.

Но дурные примеры всегда заразительны. Насмотришься, послушаешься, а потом решишь, а чем я хуже. Вот только ученик из меня получился бездарный, и то, что Мосику давалось легко и непринужденно, для меня оборачивалось настоящей трагедией.

После школы мы обычно заходили в «Военторг». Подолгу рассматривали военную форму, знаки отличия, погоны, звёздочки, фотоаппараты, кинокамеры, ружья, кинжалы, канцтовары и блестящие военные пуговицы. Однажды, в очередную прогулку по магазину, Мосик заметил, что прилавков с дробью в больших открытых деревянных ящиках, стоящих под стеклом витрины, неплотно придвинут к стене.

Моментально оценив ситуацию, что отдел не работает, и нет продавца, он просунул звериной лапкой свою ловкую ладонь в зазор между стенкой и витриной, изогнул её, зачерпнул дробь, мгновенно вытащил руку, спрятал в карман и, как мне показалось, не ускоряя шага, спокойно вышел из магазина. Возле дома он мне отсыпал из ладони, как семечки, половину добытой дроби.

– А что с ней делать? – спросил я его.

– А я знаю? В хозяйстве пригодится, – последовал его мудрый ответ.

Потом он взял дробину, прицелился и запустил в голубя. Голубь даже не заметил покушения на его пернатую жизнь. Мосик досадливо посмотрел на свой трофей, рассыпанный на ладони, и сказал:

– Не угадал с калибром.

Не прошло и недели, как мы с папой заглянули в «Военторг». Папе подарили фотоаппарат «ФЭД-2», и чтобы подарок был не только красивой вещью, которую мне не разрешали трогать, но и соответствовал своему назначению, мы и пришли сюда за покупками. В отделе с фотопринадлежностями была очередь, и папа терпеливо стоял, ожидая её продвижения. Я стоял рядом с ним и маялся от скуки. Наконец, подошла наша очередь. Папа даже не заметил, как я от него отделился и отошел к витрине охототдела напротив. Рассматривая стоящие двустволки, красные бумажные гильзы патронов, золотистые капсулы и чёрную разнокалибер-

ную маслянистую дробь, рассыпанную по калибрам в деревянных ящиках, мне очень захотелось её потрогать руками. Продавца опять в отделе не было, зазор, через который Мосик запускал свою руку, был на месте. Я огляделся. В зале только плотная стена спин в отделе фототоваров и папа, отвернувшись, разговаривает с продавцом. Всё, больше никого. Я просунул руку, схватил жменьку дроби, вытащил и, не успев ещё спрятать руку в карман, услышал возглас:

– Смотри, ворует!

Из-за моей спины, из соседнего зала, в самый не подходящий для меня момент, вышли две продавщицы. Люди, стоящие в очереди за фототоварами с интересом развернулись, все, кроме папы. В этот момент он уже рассчитывался за пленку, проявитель и закрепитель. На меня напал ступор, я не мог пошевелиться.

– А ну, покажи! Что в руке?

Понимая, что это конец, я разжал пальцы. На ладони, оставляя грязные жирные точки, лежали пять чёрных дробинок.

– В детскую комнату его надо отвести, в милицию, – убежденно сказала одна.

– А ты с кем? Сам? – спросила вторая, ища поблизости моего подельника.

Я замотал головой, нетвердым шагом подошёл к папе, схватил крепко двумя руками за кисть, прижал крепко к себе и тихо, почти шёпотом, выдал:

– Я с папой.

Если я мечтал в тот момент испариться, то папа желал одного – провалиться сквозь землю.

Он внимательно, поигрывая желваками, выслушал от продавщиц всё, что говорят в таких случаях. Услышав ещё раз про милицию, я почувствовал себя нехорошо, стало по-настоящему страшно. Папа тихо и уверенно им сказал:

– Я сам с ним разберусь, без милиции. Дома.

Урок воспитания при помощи широкого офицерского ремня проходил долго, но это вызвано было не кровожадностью папы, а наличием огромного старинного обеденного стола, вокруг которого я мог бегать до бесконечности, уворачиваясь от заслуженного наказания, размазывая обильные слезы и сопли, громко воя и причитая, что больше никогда не буду. На мои крики обычно прибегала бабушка, и, не разбираясь, всегда принимала мою сторону. Во-первых, потому, что я её любимый внук, а во-вторых, потому, что она для папы тёща. Мне нужно было только продержаться до её прихода с работы. Так и в этот раз, услышав звонок, с радостным, захлёбывающимся воплем доисторического человека я побежал открывать дверь, внимательно вслушиваясь в догнавший меня в спину длинный список наказаний на ближайшую неделю, что в данной ситуации было неизбежно и справедливо.

Мосику о случившемся я ничего не рассказал. Признание в том, что тебя повязали, а потом ещё и наказали, никак не

вписывалось в удаль поступков моего нового товарища. Мне же терять свое лицо не хотелось никоим образом.

5.6. Коммунальные лабиринты

Все мои дворовые друзья жили в коммунальных квартирах. Квартиры в нашем доме были огромные, с одинаковой планировкой, в них всё было чётко и понятно. Если две квартиры выходили на одну лестничную площадку, то они были зеркальными друг к другу. Очень забавляло и смешило, когда в гостях у кого-то из ребят, живущих в «зазеркалье», мы умышленно путали дверь в кладовку с дверью в туалет.

Одесса, Пушкинская, дом.8. Лестничная площадка четвертого этажа с зеркальными квартирами №7 и №8.

Войдя в такую коммунальную квартиру через высоченную входную дверь, к которой ведет с улицы многомаршевая мраморная лестница парадной, попадаешь в один длинный, уходящий вдаль, широкий коридор, заставленный шкафами, комодами и сундуками. На тёмных стенах висят носильные вещи, накрытые занавесками, а выше человеческого роста – велосипеды и санки. Паркетный пол в коридоре коммунальных квартир никогда не натирают, а моют по очереди, доводя дубовые досточки до матового грязно-бурого цвета, умирающего от избытка влаги дерева. Направо и налево высокие двухстворчатые белые двери с бронзовыми ручками в жилые комнаты. Есть «свои» комнаты, где жили наши мальчики и их родственники, и «чужие», мимо которых следовало проходить тихо, почти на цыпочках. Между дверьми, посередине, белым кафелем поблескивают печи (грубы) с двумя чугунными дверцами. Большая круглая, с гремящим засовом, для угля и дров, а также маленькая для чистки от провалившегося сквозь колосники сгоревшего угля – жужелицы. Перед топками на полу прямоугольник латунного листа, когда-то начищенный до блеска и плотно прибитый к полу, а сейчас едва проблескивающий сквозь прилипшую черноту угля с задравшимися истертыми рваными краями. На листе стоит ведро с углём, рядом, прислонившись к стенке, неуверенно балансирует одноногая кочерга, по-свойски опираясь на ручку ржавого, в угольной пыли, совка.

Коридор освещён рассеянным дневным светом из фонар-

ного окна, ярким на четвертом этаже и тусклым, почти невидимым, в такой же квартире на первом. В конце широкого, жилого, коридора четкий поворот под прямым углом в другой, узкий, ведущий на общую кухню. По одну сторону второго коридора три встроенных стенных шкафа, поделенных между соседями, по ими же установленными правилам. По другую сторону освещающее проход длинное окно фонаря из восьми матовых непрозрачных секций. За ними дверь в туалет со своим, внутри, на всю стенку фонарным окном с одной стороны и таким же огромным матовым остеклением на другой стенке, передающим сумеречный свет дальше в примыкающую к туалету ванную комнату, где ещё с дореволюционных времён сохранились старинные глубокие двухметровой длины ванны на гнутых бронзовых ножках в виде львиных лап, сжимающих шары. Коридор упирается в большую кладовку, приспособленную кем-то из соседей под маленькую столовую.

В конце коридора перед кладовкой дверь в кухню. Кухня очень большая и почти квадратная. Один кран с холодной водой на всех над чугунной половинкой перевернутого колокола раковины, с неизменной массивной ревизией на изгибе вечно мокрой, осклизлой трубы. И незабываемый резкий запах застоявшейся канализации. Четыре-пять газовых плит, столько же кухонных столиков; ещё одна кладовка, общие антресоли, куда ведет широкая деревянная лестница; окно, выходящее на балкон, с битым, в сколах и следах от

ножей мраморным подоконником. В конце кухни, возле кра-на, вход в маленький коридорчик, тамбур, за которым прита-илась небольшая дверь чёрного хода. За ней металлическая пыльная гремящая при каждом шаге лестница, ведущая ес-ли вверх, то на чердак, а оттуда на крышу с видом на море, а если вниз, то во двор, узким каменным колодцем давящий на единственный, чахлый, тянущийся к солнцу, орех. Таки-ми были квартиры, в которых жили Шурик, Саня, Женька Белгородский и я. Всего четыре мальчика-погодки в одном дворе. Только в нашей не было соседей, и паркетный пол в коридоре был всегда натёрт мастикой.

Когда я попал первый раз в коммунальную квартиру Мо-сика, то услышал от него незнакомое, но умное слово «ла-биринт». Позже, на уроках истории, слушая мифы о древне-греческом лабиринте Минотавра, у меня перед глазами на-зойливо возникало исключительно чрево этой коммуны, по которому очень потешно пробирался Тесей в короткой ту-нике с клубком ниток от Ариадны.

Старый одесский дом на Дерибасовской, из подъезда вход в парадную, конечно же, с мраморными ступенями. С дет-ства мы чётко разделяли – если заезжают машины, то это подъезд, если входят люди, то парадная. Выражение «у па-радного подъезда» заставляло задуматься над его неодно-значностью.

Описывать лабиринт невозможно по определению, запо-нить ещё сложнее. Первое, что бросилось в глаза, как только

я переступил впервые порог Мосика коммуны – это большая светлая холодная комната, веранда, с широким во всю стену в мелкий переплет окном и множеством дверей расходящихся в оставшиеся две стороны. Это была ничейная территория, по вечерам здесь собирались взрослые поиграть в домино или карты, а днём дети, поиграть в карты или домино.

Пройдя светлыми коридорами и тёмными коридорчиками, поворачивая то направо, то налево, то опять налево, сквозь узкие мрачные проходы, заставленные выварками, вёдрами с углём и вязанками дров; под угрожающе нависающими с потолка корытами, тазами, велосипедами для всех возрастов и настоящим мопедом; через кухоньку, где, не отвечая на приветствия и не обращая на нас внимания, женщины, сидя на покрытой деревянным щитом чугунной ванне с душем, готовили еду; мимо неожиданных закутков с жующими людьми под жёлтой, без абажура, лампочкой над маленьким колченогим столиком мы, наконец-то, открыв тёмно-синюю высокую дверь, попали в вотчину семьи Мосика.

– У нас всё своё, – с гордостью произнёс Мосик, широко поведя в сторону рукой.

Мы стояли в полутемном высоком помещении: на кухонном столике мерно посапывая и подсвечивая красно-жёлтым огоньком сквозь закопченное окошко, едко работал керогаз, рядом отдыхал пузатый неработающий примус.

В глаза бросилась гегемония тёмно-синего цвета. Из мебели: большие грубые синие табуреты, расставленные вдоль

стола с клеёнкой; прибитые к окрашенной в синий цвет стене разновеликие синие полки, прогнувшиеся под грузом банок и мешочков; синий фанерный шкафчик. В глубине ниши, образованной широченными откосами, тускло выделялось огромное решетчатое окно. Синие рамы, синяя решётка. Перед окном, заставленный кастрюлями и ведрами, сидел широкий подоконник.

Присмотревшись сквозь запыленные оконные стёкла, я с удивлением увидел входную дверь, через которую мы вошли в лабиринт этой замысловатой коммунальной квартиры, витиевато приведший нас к главному входу, но уже с другой стороны. Дальний угол этого небольшого помещения был огорожен деревянной будкой, выкрашенной, как всё вокруг, в синий цвет. К будке прибит умывальник, от которого отходит, изгибаясь и выворачиваясь, покрытая слизью мокрая, блестящая труба. Три ступеньки, неожиданно выросшие из бурого деревянного пола, вели к приоткрытой двери в синюю будку. Из-за двери виднелся высокий пол в шашечках метлахского кафеля и унитаз с постоянно стекающей, журчащей водой из подвешенного под самый потолок тяжёлого чугунного бачка.

Вентиляции не было, дверь в туалет закрывали только в случае его посещения. Плотная смесь запахов застоявшейся канализации, вечно проветриваемого туалета, горелого керосина, прогорклого масла, жареных котлет, гуаши, масляной краски и чего-то ещё мне чужого, но очень неприятного,

вызвала у меня приступ тошноты, и я поторопился побыстрее проскользнуть вслед за Мосиком в маленькую дверь в углу этой, назовем её, кухни, за которой размещалась жилая зона.

За дверью, опять же, в тёмной, больше похожей на узкий коридорчик, комнатке без единого окна, но с ещё одной дверью в конце, ожидала встреча с Мосика бабушкой. Она полулежала в маленькой кровати, мимо которой нужно было боком протиснуться, переступив через табурет с лекарствами. Увидев Мосика, она быстро-быстро принялась ему что-то говорить на идиш, гортанными звуками наполнив комнатушку, пропитанную запахами микстур и старости. Не вслушиваясь в её слова, Мосик только односложно отвечал:

– Да. Да. Да. Да.

Когда это не помогло, и бабушка продолжала явно что-то требовать, он ей отвечал:

– Гит. Гит. Гит. Гит.

Бабуля не унималась. Мосик отмахнулся рукой, бурча под нос, чтобы она не морочила ему голову.

– А что она хочет? – сердобольно спросил я.

– Понятия не имею, муттарша придёт, пусть с ней и говорит, я не понимаю.

А вот в комнате мне у них понравилось. Светлая, длинная, скорее узкая, но шире раза в четыре той, в которой лежит бабушка, уютная, с одним высоким окном на Дерibasовскую. Не понятно только, как в ней уживалось ещё четыре челове-

ка. В книжном шкафу ровными красивыми рядами стояли подписные издания. Мосик указал на белые тома «Тысячи и одно ночи» и многозначительно поднял большой палец:

– Дам почитать, но выносить нельзя.

На стенах висели ковры и множество картин в золотистых рамах. На одной картине, слева от окна, она мне особенно понравилась, нарисован гвардеец кардинала в красном камзоле со шпагой, на голове шляпа с белыми перьями, в руке он держит длинный бокал с вином, а на коленях спиной к зрителям, странно развернув лицо, сидит женщина. Он смеется. Вся картина в полутёмных тонах, а их лица и зад женщины подсвечены.

– Это, что за картина? – спросил я Мосика.

– Батя нарисовал, – спокойно ответил Мосик, – и эти тоже, – махнул он рукой вдоль стен.

Внимательный и эрудированный зритель без труда узнал бы в развешанных картинах работы Шишкина, Левитана, Айвазовского, а в гвардейце кардинала знаменитый автопортрет Рембрандта с женой Саскией. Но и Мосик не соврал, все картины были точными копиями, нарисованными его отцом – хромоногим художником, почему-то нашедшим себя в написании слов на маленьких афишах кинотеатра на Пересыпи.

Одноклассники. Севастополь.1967 год. *В.Мойса (Мосик), И.Заяц, А.Ваганов, Ю.Афанащенко (Фанат), В.Трухнин (Нинба)*

Талантливых, художественно одаренных пап в нашем классе, по моим сведениям, было только двое. Первый – Мосика отец. Второй – папа Нинбы. От Нинбы я знал, что его папа для души играет на мандолине и является автором копии «Алёнушки» Васнецова. За последние пять лет школы, которые я проучился с Нинбой за одной партой, мне доводилось часто просиживать в кресле его гостеприимного дома под тоскливым, безысходным, тихо с ума сошедшим от горя, печальным взглядом Алёнушки.

Наш будущий одноклассник Лёня Клейнбурд, живущий в соседнем с Нинбой доме, с малых лет любил к ним заходить и почитать какую-нибудь книжку. Однажды в этом уютном кресле под «Алёнушкой» он зачитался. Вежливая и тактичная Мария Ивановна, мама Нинбы, часов так около одиннадцати ночи ему и говорит, имея в виду, что пора и честь знать:

– Лёничка, мы уже ложимся спать.

– Ничего, ничего, – ответил увлечёвшийся чтением малыш, – ложитесь, вы мне не мешаете.

5.7. Покурим?

Однажды Мосик спросил:

– Твой предок курит? Да? Стибри у него курево.

Убегая от широкого офицерского ремня, наматывая километры вокруг обеденного стола, я давал себе слово никогда не идти на поводу у Мосика. То, что сходило ему с рук, у меня «не проканывало».

Вот совсем недавно пошли мы с ним в хлебный на Карла Маркса между Дерibasовской и Карла Либкнехта. В магазине вдоль стен установлены открытые витрины с наклонными деревянными лотками, в которые сзади подают соскальзывающий вниз свежий хлеб. На веревках привязаны большие нержавеющие вилки с двумя длинными слегка загнутыми зубьями, с помощью которых нужно было проверять хлеб на свежесть. Я так и делал, старательно засовывая её подальше в лоток, нащупывая хлеб посвежее. Некоторые, особенно пожилые женщины, хитрили. Они брали вилку в руку поближе к зубьям, и, просунув между ними указательный палец, давили им на хлеб. Мосик, зная, что самый свежий хлеб всегда вверху лотка, засовывал туда свою тощую руку и, переминая пальцами все буханки, выбирал наисвежайшую. С выбранным хлебом нужно было идти расплачиваться на выходе из магазина, в кассе.

Выбрав каждый своим способом хлеб, а я принципиаль-

но выбирал вилкой, как бы показывая Мосику пример гигиены, мы встали в очередь на оплату. Пока я платил первым за свою буханку, Мосик, не сказав ни слова, неожиданно исчез и, только выйдя на улицу, я увидел его таинственно выглядывающим из соседней подворотни.

– Шухера не было? – спросил он меня, не выходя на улицу.

В ответ я пожал плечами. Причем здесь шухер?

– Мне бабки нужны, – по-деловому объяснил он, и, помахав перед своим носом буханкой хлеба, добавил:

– Пришлось стырить.

Дурной пример, повторюсь, как известно, заразительный. Через несколько дней в том же магазине, покупая кирпичик серого хлеба за шестнадцать копеек, который на несколько лет заменил для всей нашей кукурузной страны белый, я обнаружил, что потерял одну копейку. Пятнадцать целых копеек были, а одна копейка пропала. Вспомнил Мосика поговорку про копейку, которая рубль берёт, и в душе полностью с ней согласился. Возвращаться за копейкой домой, а потом обратно в магазин было нестерпимо долго, додуматься предупредить на кассе и в следующий раз занести эту злополучную копейку – ещё мозги не выросли, решил, по примеру Мосика, стырить буханку хлеба, в уме уже прикидывая, на что потрачу сэкономленные пятнадцать копеек.

Конечно же, ничего не получилось. Я сразу же попался. Что-то лепетал о том, что забыл заплатить – вот деньги, ах, не хватает копеечки, сейчас поищу, копался в карманах, вывора-

чивая их в надежде, что что-то выкатится. Ничего не найдя, оставил хлеб на прилавке кассы и с позором, выслушивая в спину мнение очереди о малолетних воришках, убежал, чтоб три или четыре года покупать хлеб в любом другом магазине, но только не в этом.

Идти на поводу у Мосика было мне противопоказано, и в его предложении покурить я уже угадывал ожидающие меня проблемы с неминуемым возмездием.

Убедил он меня всё-таки. Холодея от ужаса и страха быть застигнутым на месте преступления, я вытащил из папиной зелёной пачки «Новость» одну короткую сигарету с белым фильтром.

Расположившись на маслине, Мосик из «нычки» достал коробок спичек и стал раскуривать сигарету.

– Хорош табачок, – произнес он, выпустив изо рта дым и тут же сплюнув на пыльную землю, – а ты раньше курил?

Мне было проще сказать, что нет, чем рассказывать про позорное курение на балконе, спрятавшись в густой листве разросшегося винограда. Насмотревшись фильмов про войну и революцию, я решил свернуть самокрутку из газеты и измельченных виноградных листьев. Вместо маленькой папироски у меня получился длинный кулек с вываливающимися из него листьями. Чтобы не разворачивалась бумага, а слюна в отличие от фильмов абсолютно ничего не склеивала, тонкий край самокрутки я загнул, и получилась «козья ножка». Поджег я эту конструкцию и стал тянуть

в себя дым. Газета быстро разгорелась факелом и обожгла мне нос, едкий дым горящих осенних листьев заполнил весь балкон. Я бросил самокрутку на пол и принялся рьяно за-таптывать ногами, обутыми в домашние тапочки. Растоптав и сбросив все улики с балкона вниз, я оказался перед другой проблемой – подошвы тапочек источали предательский запах горелого. За курение и за пользование спичками я мог получить примерно одинаково – провинность очень серьезная. Мытье тапочек под краном с мылом окончилось полным провалом – тапочки промокли, их нужно было сушить, запах не исчез, а, наоборот, с подошвы переполз внутрь. Пока никого не было дома и тапочки сушились на солнце, я ходил босиком и прислушивался, не открывается ли входная дверь, чтобы успеть, пусть мокрые и вонючие, надеть их на ноги.

Была ещё одна попытка приобщиться к взрослой жизни, инициатором, которой была моя сестра Лена.

Утянув у папы папиросу «Сальве», она, две ее подруги, сестры с первого этажа, и я, пошли во двор соседнего дома.

Одесса. Пушкинская, дом.10.

Десятый номер, как коротко мы называли «Дом политпросвещения». Там никто не жил, ворота всегда были закрыты, возле них на стене чернела трафаретная надпись «Осмот-

рено. Мин нет». Если рука длинная, то через резное отверстие в воротах можно нащупать задвижку, отодвинуть её, и калитка откроется. Девочки были уже взрослые – пятиклассницы, и с запором справились с первого подхода. Быстренько перебежав через двор, мы забились в одну кабинку общественного туалета. Остро пахло из чёрной дыры, густо обсыпанной со всех сторон белым порошком хлорки. Первой затянулась девочка с первого этажа и передала папиросу своей сестре, та, затянувшись, в свою очередь, передала моей сестре. Лена потянула в себя дым и вместо того, чтобы передать в мою с готовностью протянутую руку, бросила окурочек себе под ноги в зловонную дыру, со словами:

–А чем будем запивать, здесь же нет крана.

Запивать и прочая конспирация были вне зоны моих проблем, и я, надувшись и обидевшись, поплелся за ними обратно в наш двор.

– На, потяни, – сказал Мосик и протянул мне горящую сигарету, – только не в затяжку, Нюмка сказал, если курить в затяжку, то умрешь.

Авторитет Нюмы для Мосика был непререкаемым.

Набрав в рот дым и быстро избавившись от него, я так и не понял, что в этом деле хорошего и почему так много курящих людей. Горький, абсолютно невкусный дым и неприятное ощущение во рту. Хотелось плевать, но слюны не хватало, во рту пересохло.

– Надо запить, – предложил я с позиции опытного куриль-

щика, намекая на памятник Пушкину.

– Не, – замотал головой Мосик, – маслины созрели, можно захавать.

У меня никоим образом не ассоциировались чёрные крупные, выложенные вдоль селёдки на длинной тарелке, маслины с деревьями под таким же названием, на которых так удобно сидеть. Я даже допускал, что Мосик сам, не зная названия деревьев, придумал им своё. Почему нет? Каких только новых слов я от него уже не слышал.

Мосик сорвал небольшую тонкую веточку, на которой в два ряда на тонких ножках висели серо-серебристые с жёлтым отливом небольшие, размером в крупную семечку, яйцевидные плоды. Отщипнул одну бубочку, бросил в рот, пожевал и громко, приподняв голову, выплюнул вверх тут же исчезнувшую в листве деревьев, косточку.

– Готовы, – по-деловому сказал он и начал объедать всю гроздь.

Я тоже сорвал одну маслинку и решил её сперва внимательно рассмотреть, ища сходство с привычной блестящей чёрной родственницей. Ничего общего. Та, что я держал в пальцах, была совсем другой: с виду бархатистая, на ощупь гладкая, мягкая, приятная. Взяв за маленький смешной хвостик, я обтер её пальцами от пыли и положил в рот. Вкуса никакого. Прижал языком к небу, пытаюсь раздавить нежную кожу, но она оказалась на удивление крепкой, пришлось раскусить. Я знал, что в маслинах есть косточки, но эта ока-

залась слишком большой – можно с легкостью лишиться ещё одного молочного зуба.

Между толстой кожицей и большой косточкой оказалась тонкая прослойка вязкой мякоти. Она приторно наполнила рот мелкими вяжущими тупыми иголочками со вкусом зрелой травы. Маслины меня не впечатлили, а курение откровенно разочаровало.

5.8. Изостудия

Было это на уроке рисования. Вера Михайловна показывала лучшие рисунки прошлого года. Как ни странно, большинство из них принадлежало Мосику и только два мне, хоть я и отличник. Меня это заело, на перемене я с детской непосредственностью вытащил из Мосика портфеля альбом по рисованию и принялся его рассматривать.

Такого я не мог себе даже представить. Рисовал он в школьном альбоме всё, что хотел! И самое удивительное, что Вера Михайловна, ему за это ставила оценки, все пятерки. Я невольно засомневался, а его ли это альбом, перевернул обложку, прочитал. Да, его. Рисунки были не детские – их явно рисовал взрослый человек. С нетерпением, листая альбом, я дождался, когда Мосик вернется из буфета. И первое, что я у него спросил:

– Тебе что, батя рисует в школьный альбом?

– Не, я сам.

– Значит, батя-художник научил, – не унимался я, упорно не веря в то, что Мосик может так хорошо рисовать.

– Я во Дворец пионеров хожу, в изостудию, – заговорщицки сказал Мосик, почему-то оглядываясь по сторонам.

– А вот и врешь, – уличил я его, – мы же ещё не пионеры.

– Ерунда, – серьезно ответил Мосик, – туда никто ошейники не носит.

У меня аж дыхание перехватило. Мы, октябрята – будущие пионеры, мы мечтаем, что бы нам повязали красный галстук – частицу нашего красного революционного знамени. А он – ошейник.

– Врёшь ты всё, куда ты не ходишь, и тебе всё отец рисует, – в запале, задыхаясь от его святотатства над пионерским галстуком, выпалил я.

– Не веришь? – поддаваясь моему натиску, вскрикнул Мосик, – вот дай мне свой альбом.

Переворачивая страницы альбома, он придирчиво рассматривал мои рисунки и, явно кому-то подражая, бурчал себе что-то под нос. Вёл себя как-то неестественно: то, вытянув руку, отводил альбом и, глядя издали, цокал языком, то, прищуривал по очереди глаза, наклоняя голову в разные стороны, а то, вдруг, перевернул рисунок и принялся рассматривать его с обратной стороны. Наконец каким-то чужим голосом с хрипотцой произнес:

– Подходишь. Завра начинаются занятия, могу тебя взять с собой. Не забудь альбом, покажешь Художнику, думаю, он тебя сможет принять в изостудию.

– А что такое изостудия?

– Как тебе сказать... Изостудия... – это изостудия, – и отмахнулся, – и ещё, не забудь простой карандаш и резинку.

– А резинку зачем? – не понял я.

В своих ранних творениях я резинкой категорически не пользовался, по крайней мере, понимал, что жирные и глу-

бокие линии от цветных карандашей «Тактика» не вывести никакой резинкой ни красной, для чернил, ни тем более белой, для карандашей.

– Так надо, – не впадая в подробности, объяснил Мосик.

Конечно же, я волновался, не мог долго заснуть, всё представлял завтрашний день. Меня страшили и встреча с Художником, и поход во Дворец пионеров, а вдруг меня не пустят, октябрёнка. Это Мосик везде проканывает, а меня так точно остановят и спросят, где мой галстук.

Проснулся рано, оделся как в школу, но попрядничнее. В чистую, белую, свежеотглаженную рубашку, школьные брюки со стрелочками, белые носки и новые, ещё не ношенные, коричневые «сандали» в дырочки спереди, с тонкой перепонкой и маленьким стальными замочками по бокам. Рассовал по карманам карандаш и резинку, взял под мышку альбом, допил кофе с молоком и, дожевывая на ходу бабушкин сырник со сметаной, вытер жирные пальцы о посудное полотенце и побежал на встречу с Мосиком.

Дворец пионеров меня не разочаровал. Именно таким я и представлял дворец царей или царских губернаторов. Раньше это был дворец Воронцова, памятник которому стоит на Соборке.

Широкая белая мраморная лестница, покрытая красной ковровой дорожкой с зелёными полосками по бокам, сияла в причудливых изломах ярких ромбов солнечных пятен, разделенных на части четкими тенями переплетов больших

окон.

Нерешительно, тревожно, скрываясь за худой спиной безмятежно шагающего Мосика, я поднялся по ступеням на просторную беломраморную площадку, где стоял стол дежурной. Вежливо поздоровались и повернули направо в полумрак большого зала.

Все вокруг красивое, музейное – узоры блестящих паркетных полов, огромные во всю стену зеркала в старинных бронзовых рамах, высокие двери красного дерева с гнутыми, рельефными ручками и украшениями, высоченные потолки с лепниной и красивыми старинными люстрами.

Тёмный после яркого солнца зал успокаивал и настраивал на особый лад, указывая дорогу дальше, наверх, по сияющей вдали центральной, в несколько пролетов, просторной, красивой лестнице. Свет на неё обрушивался через стёкла фонаря, невесомой пирамиды, парящей высоко над потолком. С каждой пройденной ступенькой становилось всё светлее и светлее. Солнце струилось по белому мрамору стен, рассыпалось по белому мрамору ступеней и высвечивало тусклую благородную бронзу тонких длинных палочек, одиноко лежащих под каждой ступенькой в ожидании ковровой дорожки.

Преодолев лестницу и выйдя на ослепительно яркую площадку второго этажа, Мосик уверенно открыл одну из дверей, и мы попали в небольшую без окон комнату, уставленную рядами стульев перед подсвеченной снизу и сверху тём-

ной бархатной ширмой кукольного театра. Шла репетиция. Над ширмой выкрикивая заученные слова, смешно метались куклы, подсакивая так высоко, что мелькали тонкие детские ручки кукловодов. В зале около режиссера сидели дети с куклами, надетыми на руки, и смотрели на игру своих товарищей. Режиссер что-то громко говорил, подсказывая тем, кто за ширмой и тут же объясняя сидящим в зале, показывал руками затейливые фигуры очень похожие на настоящие куклы.

В какой-то момент я забыл, зачем сюда пришёл, и только настойчивые, несколько раз громко в ухо:

– Пошли. Пошли быстрее, – вывели меня из театрально транса.

Из кукольного театра дверь вела в полукруглый зал с окнами, выходящими на море, но и там не было изостудии. Только пройдя по скрипучему паркету в следующее помещение, мы наконец-то попали в яркий мир рядов мольбертов, картин, скульптур, красок и вдохновения.

Художник бегло пролистал мой альбом, мурлыча что-то себе под нос, указал на мольберт рядом с Мосиком и поставил перед нами гипсовую пластину с барельефом звезды, направив на него под углом свет яркой лампы:

– Смотрите, – сказал он, указывая на звезду, – всё очень просто, у пяти лучей по две грани и каждая в зависимости от освещения своего цвета. Это вы и должны нарисовать.

Рисуя контур звезды, я понял, для чего нужна резинка. У

меня получалось всё что угодно, только не звезда с равными лучами. Карандаш плохо стирался, тонкая бумага школьного альбома в нескольких местах протерлась до дыр. Я упорно рисовал и стирал, стирал и рисовал. То, что уже не стиралось, размазывал облизанным пальцем, размывая изображение, чтобы сверху, ещё раз надавив пожирнее, продавливая насквозь бумагу, выпрямить извивающиеся лучи упрямо проявляющейся морской звезды, живой и враждебной.

Через двадцать минут безуспешных стараний я понял, что меня сейчас с позором выгонят, и надо что-то делать. Я вырвал из альбома лист и начал заново упорно царапать карандашом по бумаге.

Художник прохаживался по студии, подходил к ученикам, садился рядом, подсказывал, поправлял карандашом рисунки. Он всё ближе и ближе приближался ко мне. Я грудью налег на свой альбом, прикрывая жуткие каракули, изображающие звезду. Внутренне сжимаясь и ожидая самого худшего, я думал, что он смотрит на мой мольберт, но нет, Художник рассматривал вырванный из альбома лист, который по неосмотрительности я не успел порвать и выбросить.

– Хорошо, – неожиданно сказал он, – только вырывать листы не надо, это работа и я должен её оценивать.

Художник подсел возле меня, от него густо пахло табаком, черные усы над губой были подпалены до рыжины. Мягким грифелем толстого чёрного с хромированными кольца-

ми цангового карандаша он в одно мгновение в углу моего рисунка нарисовал одним движением звезду, разделил лучи от центра линиями граней и быстро-быстро заштриховал каждую из них.

– Теперь смотри, – проговорил он, – ты рисуешь звезду, она стоит вертикально, значит, рисуешь без пространственных искажений. У звезды нет верха и низа, нет ног и рук, и как бы ты ни повернул рисунок, всегда должна быть ровная звезда с одинаковыми лучами.

Он стал вращать перед моими глазами маленькую звездочку, и я с изумлением увидел, что в любом положении она была неизменна. Затем он забрал мой карандаш и вместо него дал другой:

– Карандаши есть твёрдые, средние и мягкие. Твой карандаш очень твёрдый, я его выброшу, он тебе никогда не пригодится, а это мягкий, попробуй им. У тебя всё получится, – подбадривая, сказал он и направился к Мосику.

Мосик держал на вытянутой руке вертикально карандаш и сквозь него смотрел на барельеф звезды, затем развернул его горизонтально и также внимательно продолжал что-то высматривать. Когда Художник от него отошел, я спросил, почему он карандашом не рисует, а сквозь него смотрит.

– Измеряю пропорцию, – важно ответил Мосик.

Ещё одно новое слово, подумал я, но в условиях студийно тишины решил оставить разъяснения на потом.

В изостудию меня приняли, и мы подолгу с Мосиком про-

падали за мольбертами, иногда опаздывая на вторую смену в школу.

Затем вместе ходили в кружок столярного дела, где на первом занятии выпиливали голову Буратино на ручке, к которой на веревочке привязывалось кольцо. Это была игра – берешь Буратино в руку, раскачиваешь кольцо, резко подбрасываешь вверх и стараешься длинным деревянным носом заарканить кольцо. Кто больше поймал, тот и выиграл. В подвале, в столярном кружке, сделали Буратино, а наверху, в изостудии, раскрасили. Получилось «то, что надо».

Мы вместе ещё ходили в шахматный кружок, шашечный и кружок лепки. А через два года наши пути по интересам во Дворце пионеров разошлись – я нашёл занятие по душе в драмкружке, а Мосик в отряде юных космонавтов.

5.9. Мусор

В ноябре нашего третьего класса, когда осень уже окончательно перекрасила листву и избирательно оголила деревья, мы получили задание от Художника нарисовать Потёмкинскую лестницу.

Нормальные дети, выйдя из Дворца пионеров, за три минуты быстрого шага по аллеям бульвара уже дошли до Дюка и, удобно разместившись на широких боковых парапетах Потёмкинской лестницы, делали первые штрихи будущего рисунка. Но это нормальные дети.

У меня же было раздвоение личности. Считая себя нормальным, домашним ребенком, рядом с Мосиком я невольно преображался. Постепенно, не сразу, проявлялись ощущения вседозволенности, озорства и шаткого чувства свободы. С оглядкой и с неповторимо сладостным удовольствием я по чуть-чуть, в меру, по капельке нарушал нормы приличия и привитого мне благопристойного поведения.

Мосик не был домашним ребенком – это очевидно. Он как губка впитывал из окружающей его среды всё подряд, не разделяя на плохое и хорошее, не различая чёрное и белое, не осознавая нравственность и безнравственность поступков. Мещанина из прилично-неприличных, выгодно-невыгодных, нравственно-безнравственных и хорошо-плохих поступков оценивалось только средой его обитания. Подавляю-

Щему большинству, как правило, было глубоко плевать на то, что Мосик делает, пока его выходка не коснётся кого-то лично. И тогда понесённое им наказание как от своих, так, особенно, от чужих (не обременённое никакими назидательными нормами), с неумолимой жесткостью обучало его недетской, специфической морали.

Школа жизни беспощадно учила маленького Мосика с первых его шагов по бескрайней, многосемейной коммунальной квартире. С первой встречи с дворовой шпаной, с первых драк старшего брата за обиженного младшего. С первых утаенных или выигранных в «пожарá» и потраченных на мороженое десяти копеек. С первых назидательных уроков на тему «куда бить сильнее» и что такое «делать ноги». И мерилom его поступков, зеркалом, в котором отражались и оценивались его действия, было соответствие или несоответствие неисчислимому множеству присказок, пословиц и поговорок, которыми была забита его цепкая, восприимчивая память.

Не справедливо делить детей на плохих и хороших, на правильных и неправильных. *Зри в корень!* Мы были вольные или невольные. Мосик был вольным ребенком, и это было особенно притягательно для меня. У Тома Сойера был вольный Гекльберри Финн, у Пети Бачея – вольный Гаврик. А у меня был Мосик...

Так что, белеет парус одинокий на Миссисипи-матушке реке – извечный симбиоз вольных и невольных детей.

А чем, собственно говоря, нормальные, домашние, невольные дети отличались от вольных? Если нормальные дети из изостудии через три минуты уже рисовали Потемкинскую лестницу, то мы, выйдя из Дворца пионеров, пошли в другую сторону с твёрдым намерением добраться к цели через Пионерский парк.

Возле Колоннады перелезли через бордюр и, найдя знакомую тропку, заскользили по крутому спуску, перехватывая из руки в руку ветки кустов. Когда не хватало рук дотянуться до следующего куста, приседали на корточки лицом к белеющей над головой Колоннаде и замирали, накрепко вцепившись в последнюю длинную ветку. Тут уже начиналась импровизация. Вращая головой в поисках следующего куста и чувствуя, как под пальцами трещат тоненькие ветки, надо было выбирать – или скользить спиной вниз на четвереньках по влажной зелёной траве до следующего куста, или подтянуться вверх и, встав на ноги, броситься бежать (уместно добавить «сломя голову») вниз, надеясь неизвестно на что, но непременно хорошее. Осенью бежать по склонам допускается только в том случае, если ты от кого-то убегаешь, и вероятность разбиться – это наименьшее зло по сравнению с тем, что сулит преследователь, или если у тебя что-то с головой. Летом – совсем другое дело, особенно в августе. Трава, прореженная юннатами, любителями кроликов из зооуголка, становится хрупкой и сухой под беспощадным летним солнцем. Немногочисленные соломенные кустики, крепко вце-

пившись в затвердевшую, каменную землю, превращаются в надежную опору для мельтешащих в быстром беге по отвесному склону ног, а обнажённые сухие, покрытые мельчайшей серой пылью ненадежные, скользкие кусочки земли, однозначно и ещё издали подсказывают, что их нужно благо- разумно обегать.

Осенью склоны покрываются свежей скользкой травой, глинистая влажная земля превращает круто наклонённые тропинки в коварные ловушки, со следами падения невольных жертв – двух параллельных длинных борозд от ног, глубоко вспахавших гладкую, почти зеркальную поверхность почвы.

На этот раз наш отважный спуск благополучно закончился у заборчика большого пустого бассейна Пионерского парка. По рассказам, бассейн, он же пруд, был построен для катания на лодках, а для нас это было замечательное футбольное поле. Но не сейчас, а летом. В это время года никого уже не было, только ветер гонял старые и новые листья, легкие ветки и мусор, всё больше и больше забивая ими округлости вытянутого и искривленного, как фасоль, бассейна.

В футбол можно было играть наверху, вдоль колонн Дворца пионеров, на шершавом, выбитым во многих местах асфальте, после одного падения на который одновременно сби- вались до крови и локти, и колени. Особенно у вратаря, а мяч, залетевший между краем бордюрика и кирпичом, обозначающими створ ворот, укатывался далеко на Примор-

ский бульвар. Так что, лучше всего играть было здесь, внизу, на дне бассейна, на удивительно гладкой и нескользкой белой поверхности, ограниченной такой же белой высокой стенкой.

Перед бассейном стоял круглый павильон игротеки. Его окна и двери были до весны закрыты деревянными ставнями с навешенными замками на поперечных крепких металлических палках. В Пионерском парке было непривычно пусто и безлюдно. Пустые аллеи покрылись пушистым ковром упавших жёлтых разлапистых кленовых листьев. Если идти, зарывая ноги в этот шуршащий, распадающийся при каждом шаге ковер, а потом, загребая, резко подбить листья, то они, выпорхнув мечущимися бабочками выше головы, закружатся и плавно, обгоняя друг друга, спланируют вниз.

Мосик придумал хитрый, как он говорил, «клёвый» план. Мы по Пионерскому парку выйдем на площадку Потёмкинской лестницы, встанем друг к другу спиной и будем рисовать – он нижнюю часть, а я верхнюю. А Художнику покажем два рисунка вместе, один приколем на мольберт выше другой ниже – ему это должно понравиться.

Я, конечно, согласился. Но выйдя из Пионерского парка, я понял, в чём коварство этого плана. Гениальность архитектора Боффо, фамилия которого всегда путалась после «Робинзона Крузо» с Дефо, была прямо перед моими глазами. Лестница построена так, что глядя вниз, я вижу двадцать ступеней первого марша, три широких гладких пролета дру-

гих маршей и больше ничего, а глядя вверх, все шесть маршей сливаются в одну сплошную суживающуюся, бесконечную ленту мелких ступеней. Всего сто двадцать штук.

Мосик рисовал с видом на море и быстро справился со своей задачей. Нетерпеливо ожидая меня, он украшал рисунок портовыми кранами, парящими чайками, маяком и судами на рейде. А я нарочито долго, мстительно, тщательно вырисовал уходящие в перспективу, уменьшающиеся до толщины карандашного грифеля гранитные ступени. Насытившись мщением, я вложил рисунок в папку. До школы было еще уйма времени, и Мосик, наконец-то дождавшийся окончания моего пленера, вспомнил, что на гроте уже отключили воду, и можно не промокнув по нему полазить.

– Пошли, порисуем с грота, – вдохновлено предложил я, и мы бегом, обгоняя друг друга, побежали по мостику, переброшенному через рельсы фуникулера.

Мосик был прав только на половину. Фонтан действительно уже не работал, но вся поверхность бассейна была покрыта слоем стоячей воды – грязной, непрозрачной, в плавающих листьях и торчащих ветках. От самой низкой стенки бассейна до грота из-под воды выглядывала гряда кем-то брошенных камней, по которым можно было переправиться. Спустившись в бассейн и, осторожно ступая на шаткие, качающиеся, готовые в любой момент перевернуться булыжники, мы по очереди перебрались через водную преграду и быстро, уверенно по истертым людьми и временем камням,

одной рукой прижимая папки с рисунками, а второй цепляясь за крупнопористые выпуклые камни, поднялись на вершину грота.

Обычное, по-детски любознательное восхождение, соответствовало принципу – чем выше, тем интересней. Складывалось захватывающее удовольствие от процесса головокружительного вскарабкивания и боязливого спуска.

Наше восхождение имело иной, глубокий смысл. С высоты грота, стоя рядышком на узкой вытоптанной площадке, мы глазами художников внимательно осматривали раскинувшийся парк.

Сквозь осиротевшие прозрачные ветки деревьев просвечивался порт с пришвартованными, доверчиво раскрывшими свои грузовые трюмы, судами и нависающими над ними хищно загнутыми клювами стрел портовых кранов, могуче упирающихся в причалы четырьмя широко расставленными лапами.

Под ногами открылся необычный с высоты грота ракурс бассейна – тёмное, зловещее и неподвижное зеркало воды, выглядывающее из-за неровных краев ноздреватых камней.

Аллея, проходящая мимо грота от памятника Пушкину к Потёмкинской лестнице, в своей перспективе, при взгляде на неё сверху, удлинилась, заиграла новыми цветами, дружески открылась, словно предчувствуя, что её хотят нарисовать. Многообразие красок ошеломляло: жёлтые, зелёные, красные – сочные выпуклые мазки всех мыслимых и немис-

лимых оттенков покрывали крутые склоны. Вокруг видно было всё: от макушек дальних деревьев и сугробов собранных опавших бурых листьев до тонких нюансов разноцветья неповторимой красоты опавшего ковра, сотканного осенним увяданием. Само пространство меняло свой цвет в зависимости от зыбкой освещённости. Холодное осеннее солнце, едва пробивалось сквозь дырявые серые облака. Свежим, влажным, физически осязаемым потоком, воздух, казалось, медленно скатывался по аллее, игриво меняясь на глазах. Перетекая от пасмурного, насыщенного кустами и деревьями, тёмно-коричневого отлива в верхней части дорожки, он размывался до невесомой белизны внизу, перед мостиком. А за ним округлялся взрывом яркого, пронзительно-голубого света свободного, вольного простора Потёмкинской лестницы.

Этот воздух был особенный – звонкий, чистый, будоражащий.

Бульвар. Грот. 1963 год. *Саша Шишов*

Время пролетело незаметно, выделив нам совсем немного из своих запасов для набросков будущих шедевров. В том, что это будут шедевры, мы, вдохновленные новым видением мира, нисколько не сомневались. Пора было в школу. По очереди, отряхнувшись после сидения на пыльных камнях, мы начали спускаться. Мосик шёл впереди, ступая уверенно, как по лестнице, с каждым шагом всё дальше и дальше отдаляясь от меня. Серпантин спуска вальяжно огибал грот, и маячившая спина Мосика быстро исчезла за поворотом.

И тут я услышал его крик. Он что выкрикнул, очень громко и непонятно.

Ускорившись, я вышел из-за поворота и увидел, как Мосик быстро-быстро, переступая по выглядывающим из-под воды камням, добежал до края бассейна, подпрыгнул, зацепился за известняковый декоративный край бордюра и, стремительно перебирая ногами по бетонной стенке бассейна, подтянулся, лёг животом на парапет, перекинул ноги и исчез.

Наблюдая за его стремительным бегством, я успел спуститься к воде и осторожно ступая, встал на первый камень в гряде неустойчивой, качающейся переправы через бассейн. Отыскав глазами следующий и попробовав его ногой на прочность, я только собрался было на него ступить, когда услышал голос:

– Иди сюда, я тебе помогу.

Над парашютом, там, где последний из надводных камней упирался в стенку бассейна, возвышался милиционер и приветливо улыбался. Медленно, шаг за шагом, стараясь не упасть, я ступил на последний камень и посмотрел вверх. Милиционер продолжал улыбаться, блестя золотой коронкой в ряду крупных жёлтых зубов и, протянув мне руку, сказал:

– Держись крепче.

Моя рука исчезла в рукопожатии его широкой, жёсткой ладони. Почувствовав надёжный захват, я оторвался от шаткого камня и, упираясь ногами в стенку, стал подниматься вверх. Вторая рука была занята альбомом, но поравнявшись с краем парашюта, я попытался локтем зацепиться, чтобы помочь доброму милиционеру.

Но в помощи он не нуждался. Подняв меня на приличную высоту над водой, он разжал пальцы... Не имея ни опоры, ни возможности за что-то уцепиться, судорожно скользя ногами по вертикальной стенке бассейна и беспорядочно размахивая руками, я вместе с вылетевшими и разалевшимися из папки рисунками рухнул в бассейн.

Можно сказать, что мне повезло – я не попал на камни, с которых неминуемо свалился бы в холодную воду. Неимоверным образом вывернувшись в воздухе, я встал на дно бассейна двумя ногами, балансируя и скользя на многолетней подводной грязи, мутным облаком поднявшейся на поверх-

ность.

Было неглубоко, меньше чем по колено. По поверхности плавали мои рисунки. Судорожно, так и не выпустив, я сжимал в руке пустую папку.

– И чтобы я тебя больше здесь не видел. Понял? – прорычал сверху милиционер, не переставая улыбаться, оскалив ещё шире свои, как говорил Мосик, с «фиксой» жёлтые лошадиные зубы.

Я промолчал.

– Ты понял? Я тебя запомнил, – грозно проговорил он и тяжёлым ненавидящим взглядом осмотрел меня с ног до головы.

– Понял, – выдавил я из себя, чувствуя, как подступают слёзы обиды и бессилия.

Я осязаемо почувствовал, что вместе со следующим моим словом предательски покатится из глаз.

– Повтори, – продолжал нависать надо мной милиционер, выговаривая по слогам каждое слово, – я больше не буду.

Сделав глубокий вдох, чтобы удержать готовые брызнуть слёзы и, проглотив подступивший к горлу комок, с ненавистью переведя взгляд из-под ног с мутной, чёрной водой на своего мучителя, я повторил в надежде, что после этого он наконец-то уберется:

– Я... больше... не буду...

Голова милиционера залилась довольным смехом и исчезла за парашютом. Я остался стоять в растерянности по коле-

ни в грязной и холодной воде, рассматривая плавающие белые листки бумаги. По щекам текли слёзы. Растерев шершавым рукавом пальто лицо, скрывая следы своей слабости, я неторопливо взялся обходить бассейн, собирая разлетевшиеся рисунки.

Над бордюром бассейна появилась голова Мосика, до смешного напомнившая уморительную, взъерошенную, любопытную обезьянку. Обезьянка заговорила человеческим голосом:

– А ты почему не побежал? Я же тебе кричал.

Я продолжал бродить по бассейну, поднимая и отряхивая от воды листки.

Мосик не унимался:

– Я же тебе русским языком кричал. Шухер. Мусор. Ты что не понял?

Я встряхнул последний мокрый рисунок, вложил его в папку и, не поворачивая к Мосику своё красное заплаканное и растёртое лицо, пробурчал:

– Теперь понял... Мусор.

6. Долгий путь домой

6.1. Руководитель практики, или Силы трения

Как Шура и обещал коменданту, в Харьков приехал руководитель нашей практики. В понедельник, собравшись в одной комнате, мы шумно рассаживались по кроватям, стульям и тумбочкам пока он, нервно рассматривая свои бумаги, терпеливо ожидал, когда мы устроимся и успокоимся. Я его, конечно же, видел раньше, на кафедре, но никогда не сталкивался ни по учебе, ни по диплому. Кто-то из ребят был с ним знаком, и он радостно их приветствовал. До Нового года оставалось меньше недели, и ему было трудно сделать вид, что он рад этой командировке. Самое вероятное, что до кафедры дошла запоздалая информация о наших проблемах при заселении, и его направили разобраться на месте. Но когда это было? Мы тут уже старожилы, пора закругляться и думать об окончательном и бесповоротном возвращении на родину, в Одессу. Стараясь не напрягать связки, тихим, упавшим голосом он поставил нас в известность, что его направили в Харьков до конца практики с целью контроля выполнения заданий по дипломным работам и, самое главное,

для обеспечения порядка среди студентов нашего института в дни и ночи празднования Нового года. Другими словами, делать ему здесь нечего, а сидеть на Новый год в Харькове придётся.

Не выходя уже который день из образа сына матерого контрразведчика, я решил повнимательней присмотреться к новоприбывшему товарищу «из центра». Первое впечатление самое верное. И что же? Я был поражён – более несчастного человека я давно не видел. За неделю до Нового года его посылают в командировку. Дома, судя по обручальному кольцу, его ждёт семья. Кольцо обыкновенное, толстое, какое продают в отделе для новобрачных в центральном универмаге по справке из Дворца бракосочетаний для вступающих в брак впервые. Купить другое, более оригинальное, или не хватило фантазии, или нет блата. Какое кольцо надели, такое и носит.

Разговаривая, он старается кольцо по привычке прокручивать, но оно плотно, неподвижно сидит на безымянном пальце. Поправился, видимо, совсем недавно. Защитился, получил доцента, перестал нервничать, повысил свое благосостояние, жизнь потекла спокойно в нужном направлении. Жена кормит хорошо, живут дружно и ни на какой Новый год оставаться в Харькове он не хочет.

Пока я дедуктивно исследовал прибывшего представителя кафедры, прелюдия к беседе закончилась, пошёл конкретный разговор.

– Мы уже обо всем на практике договорились, – услышал я голос Мурчика, – а в общезитии, так вообще, просят съесть на несколько праздничных дней.

– Так и есть, – подхватил Профессор, – в субботу комендант специально заходил и интересовался нашими планами.

– Бумагу только надо написать... заявление, – делая вид, что вспомнил детали разговора с комендантом, подхватил Шура.

Лицо руководителя практики разглаживалось и светлело с каждой услышанной фразой.

– Так пишите заявления, – оживился он, – я возражать не буду.

– Мы-то напишем, – с готовностью поддержал его Шура, – но, не заявления, а заявление – одно. Как сказал комендант, оно должно быть от имени руководства. Как хорошо, что вы вовремя приехали!

Улыбаясь, все доброжелательно и преданно смотрели на доцента, делая вид, что не замечают, как тот смутился, растерянно пробежал глазами по комнате и ещё быстрее заскользил пальцами по своей неподвижной обручалке.

– Без заявления нельзя, – очень рассудительно объяснял ему Профессор, – так у них тут принято. Всё в письменном виде.

– Все под контролем парткома, – почему-то решив окончательно добить руководителя практики, веско произнес Манюня.

Тяжело вздохнув и поняв, что мы с него не слезем, он достал из папки чистый лист бумаги и обреченно произнес:

– Диктуйте. Что писать? На чьё имя?

Совместными усилиями на имя коменданта общежития сотворилось замечательное по бюрократической терминологии, идеологически выдержанное заявление. Было тут и руководство ОТИХП в лице доцента такого-то, и за высокие показатели в написании дипломных работ, и ходатайствует, и гарантирует, и обязуется – всё, чем богата палитра казенных писем, содержание которых внимательно читают от начала до конца только в поисках крайних и виновных в случае ЧП.

– И закончить нужно так, – Мурчик поднял вверх указательный палец и сделал паузу, чтобы правильно произнести где-то услышанную фразу, – прошу в моей просьбе не отказать.

– Так только зэки на зоне пишут, – вставил всё время молчавший Миха и, отвечая на наши взгляды, с любопытством обращённые на него, добавил, по-блатному цыкнув через воображаемую фиксу, – мне сосед рассказывал. Откинулся и рассказывал.

Смехом завершившееся коллективное творчество было единолично подписано нашим уважаемым доцентом. Не давая ему опомниться, группа поддержки вызвалась препроводить его и рукопись с драгоценным автографом в кабинет коменданта.

Комендант ошалел, когда наша делегация ввалилась в его апартаменты, да ещё во главе с солидным, казённого вида, человеком. Поняв, правда, не с первого раза, что мы принесли официальное заявление, а не жалобу, комендант, пряча руки за спину, попытался по-отечески благословить нас на заслуженный отдых без всяких формальностей.

Однако Профессор, пораженный всегда своей рассудительностью, задал ему простой вопрос:

– А если с нами что-то случится, кто будет отвечать?

Доцент задумался, невольно глядя на листок в своей руке и соображая, что для него лично безопасней, – забрать заявление или оставить его коменданту. Опытный начальник общежития оказался расторопнее: он с радостью вцепился в подписанный лист, выхватил его из пальцев растерявшегося доцента и, бегло просмотрев, спрятал в ящик стола. Обескураженный руководитель практики чуть было не лишился чувств, представив, какую ответственность под нашим давлением он взвалил на себя. Мы же, выйдя из кабинета, принялись его горячо убеждать в нашей непогрешимости как в прошлом и, самое главное, в ближайшем будущем.

Испытывая коктейль чувств, состоящий из очень незначительной толики вины перед руководителем практики, обречённо бредшего следом за нами, и превосходящей массы бурлящего удовлетворения от успешно проведенной операции в условиях борьбы за выживание, мы на ходу обсуждали план действий по покупке билетов на Одессу. Ура, скоро

Одесса. Хотелось кричать и радоваться, но эмоции свои нужно было интеллигентно сдерживать – обручальное кольцо обескураженного доцента, наконец-то сдвинулось с места и, медленно прокрутившись, быстро-быстро завращалось под усилием привычно сжимавших и ловко перебирающих его пальцев.

С билетами на поезд мы опоздали. В предварительной кассе уже не было никаких – ни плацкартных, ни в купе. Посоветовали прийти за час до отправления, попытать счастья, бывает, что остаётся невыбранной бронь.

Решили не медлить, а прямо с этого дня, сегодня же, пытаться уехать. Ждать было нечего, Харьков себя исчерпал, а каждый лишний день промедления только повышал наши шансы тупо остаться здесь, в общежитии, и бездарно встречать Новый год, когда со всеми всё решено и договорено.

Разделились на две группы, одни остались на вокзале вылавливать бронь, другие, вместе с руководителем практики, поехали в аэропорт.

В аэропорту людей было ещё больше, чем на вокзале. К кассам тянулись бесконечные, гудящие очереди, толчея, шум. До вылета нашего Як-40 оставалось час с небольшим, на чёрных табло светящимися точечками высвечивалась информация о начале регистрации.

Обошли очереди в кассы, надеясь найти брешь или кого-то из знакомых, – не помогло. Пытались культурно протиснуться к кассиру с вопросом, так оказывается, все с во-

просами, и, сплоченно смыкая ряды, нервная очередь не оставляла ни миллиметра просвета для короткого предложения в вопросительной форме:

– Билеты на Одессу есть?

Мы разбрелись по залу, надеясь на какое-нибудь любое мало-мальское чудо. Манюня с доцентом остались возле регистрации, общая тема для разговора ограничивалась обсуждением отсутствия билетов и быстро себя исчерпала. От нечего делать они выжидательно посматривали по сторонам и чутко прислушивались к разговорам девушек в тёмно-синей униформе. В какой-то момент, когда мы уже оценивали возвращение на железнодорожный вокзал и шансы уехать на проходящем новосибирском поезде, как всегда опаздывающем на шесть-семь часов, громко, словно глас судьбы, прозвучал голос девушки с регистрации:

– Кто ещё на Одессу?

– Мы, – чистосердечно признался Манюня и застенчиво улыбнулся.

– Так чего стоим? Бегом на регистрацию, – возмутилась, поправляя вылезшую из-под пилотки прядь, строгая работница «Аэрофлота».

– Так билетов нет, – не уставая улыбаться, простодушно объяснил Манюня и беспомощно развел огромными ручищами.

Служительница небесного культа опустила голову, пробежалась глазами по списку и скороговоркой проговорила:

– В самолете пять свободных мест, бегом в кассу.

Это услышал не только Манюня. В поисках удачи мы все как один в этот момент спонтанно собрались возле руководителя и были невольными свидетелями судьбоносного диалога с самыми главными словами. За словом последовали дело и яростный, безапелляционный крик:

– Пропустите, немедленно пропустите, у нас бронь (третье волшебное заклинание), – все мы, кроме руководителя практики, сторожившего наши вещи, побежали к кассе, рассекая очередь наподобие тевтонской свиньи и выдавливая всех, кто попадался на пути.

Есть пять билетов. Неименных. Казалось бы, радость какая! Но нас семеро, вместе с доцентом...

– Будем тянуть жребий, – предложил Профессор и полез в портфель за бумагой.

Воистину благими намерениями вымощена дорога в ад. Только бес мог подтолкнуть меня под локоть и, вопреки назиданию Талейрана, призывающего никогда не поддаваться первому порыву души, как самому искреннему, я заявил:

– Руководитель практики должен лететь без жребия.

Мне никогда не забыть этот благодарный взгляд и то, как, по-детски восторженно радуясь, он схватил билет и замер в нерешительности, переступая с ноги на ногу.

– Идите на регистрацию, – с кривой улыбкой посоветовал я ему, кляня себя за свой неуместный гуманизм.

Второй раз напоминать не пришлось, доцент подхватил

свой пухлый портфель и чуть не вприпрыжку побежал к стойке с номером рейса.

Мы обступили Профессора с заячьей шапкой в руке. Уменьшая благоприятную вероятность, он достал из неё ставший лишним листик с крестиком, обозначавший билет на воздушный автобус по имени Як-40, ещё раз тщательно перемешал содержимое, встряхнул и протянул шапку.

Пять рук одновременно скрылись в её недрах, стремительно вылавливая туго скрученные трубочки с заветными плюсами, шестая, Профессора, сиротливо осталась на поблескивающем потёртостями стёганом доньшке.

Михе и мне достались чистые бумажки. Не выпуская из рук билеты, Манюня поспешил на регистрацию, а вслед за ним и все остальные, доставая паспорта и быстро, без церемоний, прощаясь с нами короткими рукопожатиями.

– Завтра в Одессе встретимся, – в спину им крикнул Миша, – и, повернувшись ко мне, по-деловому произнес, – новосибирский ещё в пути, плюс двадцать минут стоянка. Поехали на вокзал, успеем.

6.2. Авантюра, или Два великих специалиста

Когда тянули жребий, у меня промелькнула спасительная мысль: если останусь, то лучше всего с Михой. Более авантюрной натуры, не обременённой ложными стеснениями и культурно-бытовыми комплексами, в нашей харьковской компании не было. Вот кто-кто, а Миха без билета точно не останется, ну и я рядышком с ним, за компанию.

Миху я знаю давно, с первого курса. Всегда с хитрым прищуром, со свежим, почему-то несмешным анекдотом и необузданной фантазией, направленной на отлынивание и казёнку.

На третьем курсе началась у нас военка, и с первого же занятия поняли – зря тратим время. Тоска смертная – целый день записываешь лекции в секретную пронумерованную тетрадь, насквозь прошитую суровой ниткой. Это чтобы листики с военными тайнами не вырвали и не передали классовому врагу, а также абсолютно устаревшую, ни одному шпиону-дилетанту не интересную, информацию, щедро иллюстрированную развешанными по классу плакатами с разрезами торпед и ракет. Но самое оскорбительное и обидное то, что заставляют стричься, безжалостно уничтожая плоды двухлетнего выращивания модной, длинной, до плеч растительности.

Второе по счету занятие началось, как обычно, с построения в коридоре военной кафедры. Дежурный офицер обходил строй за нашими спинами. Выявляя тех, кто не постригся, он упирал указательным пальцем в спину и громко командовал выйти из строя. Группу нарушителей Устава собирали под плакатом с заголовком «Образец прически военнослужащего», с которого тупым, бессмысленным взглядом, взирал лысый олигофрен в гимнастерке.

– Не захотели прийти на занятие с короткой аккуратной прической, – хорошо поставленным командным голосом, чётко, с нескрываемым злорадством, выговаривая каждую букву, громко произнёс дежурный офицер, продолжая обход за спинами, – марш в парикмахерскую. Одна нога здесь, вторая тоже здесь. К началу следующей пары, быть как на картинке, картинка прилагается, – и царственно указал перстом на плакатного цветного солдафона.

Офицер подошел к нашей группе, и я уже смирился с мыслью, что мой модный удлиненный до плеч полупробор, заправленный за ворот рубашки и тщательно зачесанный за уши, покинет в самой извращенной форме на два ближайших года свое излюбленное место на моей голове, когда появился незнакомый высокий капитан второго ранга.

– Нужны два специалиста по электронике и автоматике, – объявил он. – Есть такие?

– Есть, – раздался голос Миши, – я и вот он. – И указал на меня пальцем.

– Следуйте за мной, – распорядился офицер и быстрым шагом, заставляя вприпрыжку его догонять, повёл нас в отдельно стоящее за институтом здание.

Семена за ним и стараясь разговаривать тихо, я спросил Миху:

– Ты в этой электронике что-то понимаешь?

– Ничего, а ты?

– Я полный ноль. А чего ты меня потащил?

– Решил, что ты в этом рубишь.

– Что делать?

– Спокойно, есть план, – многообещающе подмигнул Миша.

Вслед за офицером мы вошли в маленькую, выходящую окнами на заднюю стену учебного корпуса, комнатку.

Убранство её состояло из двух канцелярскими столов, на одном из которых был установлен приставленный к стенке стенд, метра два на полтора, со множеством разноцветных лампочек, разбросанных по всей его поверхности и соединенных между собой ровными красивыми белыми линиями борозд, вырезанными в чёрном пластике.

Стенд был озаглавлен, но оставшиеся в наличии большие белые пенопластовые буквы ничего не говорили о скрытом смысле, зашифрованном в этом военно-морском кроссворде.

– Это релейная схема, наглядно демонстрирующая принцип действия систем подводной лодки при торпедной атаке.

Понятно?

– Конечно, – не моргнув глазом, ответил Миха.

– Отставить. Никаких конечно. Вам понятно?

– Так точно, товарищ капитан второго ранга, – подхватывая друг друга, хором ответили мы.

– Хорошо. Ваша задача проверить работоспособность стенда, если есть неисправности, устранить. Понятно?

– Так точно, – ответил Миха, – а как мы узнаем, что он работает так, как вам это надо?

– Внимание на стенд, – сказал капдва, указывая откуда-то появившейся в руке указкой, – стенд разделен на зоны, обозначенные римскими цифрами. Каждая зона – это отсек лодки. По команде «Товсь!», после нажатия на эту красную кнопку должен раздаться сигнал и последовательно отработать реле первой, второй и третьей зоны, о чем сигнализируют зажжённые лампочки. После того, как сигнал прекратится – срабатывают оставшиеся реле и загораются все остальные сигнальные компоненты, то есть остальные лампочки. Вам понятно?

– А команду «Товсь!» надо как-то говорить или она тоже в схеме заложена? – на полном серьезе спросил я.

Глядя на стенд с неподвластными пониманию реле и лампочками, я отдавал себе отчёт, что Михина афёра напрочь провальная: в конце дня мы с умными видом доложим, что нарушения в схеме стенда необратимы и ремонту не подлежат, после чего, недельку пощеголяв на прощанье с длинны-

ми волосами, придется идти в парикмахерскую.

– Команду «Товсь!», – так же серьезно, глядя на меня сверху вниз, пояснил офицер, – дает командир с мостика. Ваша задача – нажать на красную кнопку и обеспечить работоспособность всех систем. Все понятно?

– Еще один вопросик, – вкрадчиво спросил Миха, – а...

– Вы должны ответить на мой вопрос – «так точно» или «никак нет».

– Так точно, – подтвердил Миха, – но у меня вопросик. Как раз посередине между «так точно» и «никак нет». За недостающими запчастями, если понадобится, мы сможем съездить в город часика на два?

– Пока разбирайтесь, если что-то будет нужно, докладывайте, – отрезал офицер и ушёл, оставив нас наедине с этим чудом флотской мысли.

– Так какой у тебя план? – с тоской в голосе спросил я, закуривая и стараясь заглянуть за стенд.

– Я все придумал, слушай сюда. Во-первых, – принялся резво перечислять Миха, – мы сейчас подключим стенд, нажмем кнопку, может, он и работает. Если не заработает, тогда будет «во-вторых».

– И что такое «во-вторых»?

– Во-вторых, это у меня есть товарищ. Он в этих делах ас, мы за ним съездим, привезем, и он запустит это стенд. Если уже и он его не оживит, так это не стенд, а покойник, и тут нам ловить нечего.

– Хорошо, а «в-третьих» у тебя тоже есть?

– Есть, – скромно признался Миха. – В-третьих, когда стенд заработает, а я божусь, он заработает, мы пару проводов отсоединим и будем целый семестр его якобы восстанавливать и уезжать на целый день в город как бы за запчастями и деталями. В последний день его включим, лампочки загорятся, офицерё будет от счастья писать кипятком и нам поставят автоматом зачет. Всё, прощай военка, на кафедре мы появляться не будем, значит, и стричься не надо. А в следующем семестре мы как спецы по автоматике и электронике ещё что-нибудь возьмем в ремонт, а там уже и лето.

Лаконичность Михиных идей и перспектива не стричься до следующей осени меня вдохновили. Я с энтузиазмом включился в реализацию программы выживания на военно-морской кафедре:

– А товарищ дома?

– Поедем, узнаем. Давай включай. Посмотрим, что к чему...

От стенда мышинным хвостиком отходил короткий провод с вызывающей страх перед силой тока разболтанной плоской чёрной вилкой. Непродолжительные поиски розетки принесли обескураживающие плоды – запрятанная за стенд, с обожженными двумя глазками отверстий, она накрепко была прикручена через деревянный рассохшийся кругляш к давно не беленной шершавой стене, и дотянуться до неё вилкой было невозможно.

Сдвинув совместными усилиями в сторону на десяток сантиметров тяжеленный стенд, Миха смело воткну вилку в розетку и, затаив дыхание, прислушался. Ничего не произошло, было тихо-тихо – слышен только цокот секундной стрелки наручных часов, отсчитывающей потерянное время.

– Ну, с Богом! – сказал Миха и шутливо добавил: – Товсь!

В соответствии с разъяснениями капдва, я уверенно нажал на большую красную кнопку.

Или у нас с Михой разные боги, и он обращался к своему, а тот его не услышал. Или один, общий, но он в это время отвлекся и не обратил внимания на приглашение поучаствовать в запуске стенда, но через мгновение стало ясно – если и есть Бог, так он нас покинул.

Раздался низкий, тяжёлый, мощный, нарастающий и обволакивающий со всех сторон гул. Под потолком провода наружной проводки вздыбились, вырывая из стены монтажные гвоздики, и натужно выгнулись. Не обретя свободы, они хлестко стегали по стене, отскакивали и, оставляя чёрные полосы на потолке, опять бились об стену. Мы замерли, реально стало страшно. Красная кнопка никак не реагировала на нажатие. Стенд зловеще подмигивал и вспыхивал загорающимися и тут же гаснущими разноцветными лампочками, дополняя надрывное гудение проводов непрерывно звенящим щёлканьем лепестков реле. Отключить стенд не удавалось. Узкая плоская вилка выскользнула из вспотевших пальцев. Соединившись в любовном экстазе с розет-

кой, она никак не желала расстаться с желанной подружкой и осыпала пол сухо потрескивающими искрами. Мне на помощь пришел Миха, пока я, изгибая руку, пытался бороться с неподдающейся вилкой, он сильно дернул за шнур, наконец-то разорвав металлические объятия похотливых электро-любовников.

Провода на стене умолкли, стенд дымился, наполняя комнату густым белым вонючим дымом. В некоторых местах он продолжал судорожно, вулканически искрить, дважды неожиданно и громко хлопнул, заставив нас присесть и прикрыть головы руками.

Наконец наступила тишина, только уставшие, провисшие провода продолжали вздрагивать, покачиваясь с замирающей амплитудой.

Почти на цыпочках, вкрадчиво, Миха подошёл к столу и попытался медленно развернуть пыльный, неповоротливый стенд, стараясь заглянуть внутрь и рассмотреть результат первых мгновений нашей совместной деятельности.

– Значит, не работает, – констатировал он. – Едем за моим корешем.

Кореш был настоящим профессионалом. Он нас внимательно выслушал со всеми бухами, бахами, трахами, гудениями, взрывами, возгораниями и, самое главное, с требованиями капитана второго ранга. Сложил в чемоданчик провода, лампочки, паяльник, пригоршню деталей и, предупредив, что у него всего два часа времени, проследовал за нами.

Учитывая краткий докторский визит специалиста, добились обратно в институт на такси. В машине Миха, стараясь его разжалобить, рассказывал страшные истории из жизни военной кафедры, подводя свой рассказ к тому, что если он не поможет, то нам грозит трибунал и отчисление из института.

Втянув носом острый запах палёной изоляции и осмотрев повреждённый стенд, специалист, как опытный врач в прозектуре над свежим трупом бывшего больного, перечислил все необратимые изменения, приведшие к летальному исходу:

– Силовой провод не отсюда. Он был попросту кем-то скручен с первыми попавшимися оголенными концами. Сгорели все три понижающих трансформатора, полетели диодные мостики и лампочки, накрылись конденсаторы, пластины реле намертво приварились друг к другу. Дело швах. Помогите мне положить его на стол, откройте окна пошире, дышать нечем, и сходите минут на двадцать покурить, чтобы не крутились под ногами.

Мы вернулись в стиле Курта Воннегута: через две сигареты, два стакана сока, две булочки и один поход в туалет. Стенд, прислонившись к стенке, стоял на столе, а пан специалист собирал портфель.

– Жми на красную кнопку, – обратился он к Михе.

Не веря своему счастью, опасливо зыркнув по сторонам, Миха осторожно протянул руку и нежно прикоснулся паль-

цем к кнопке.

– Товсь! – громко скомандовал я.

Мишка, как от удара током, отдернул руку и, бесконтрольно поминая матриархат, со скоростью заряженной частицы в линейном ускорителе вылетел в коридор. Нервно отсмеявшись, он вскоре вернулся и неуверенно нажал красную кнопку.

О, чудо! Стенд заработал. Раздался сигнал, зажглись сперва лампочки первого порядка, затем, после небольшой, но томительной для нас паузы, второго, за ними третьего. Потом зажглись все до единой. Было очень красиво.

Специалист нажал ещё раз на красную кнопку и выключил иллюминацию.

– А, э-э, – проблеял я, указывая на свисающий со стола шнур стенда с чёрной обгоревшей вилкой на конце.

– Объясняю, – терпеливо отреагировал Михин товарищ, – силовой провод ни к чему не подключен и изолирован, давай на него хоть тысячу вольт, ничего не изменится. В коробочку из-под реле я запрятал плоскую батарейку, подсоединил к ней гудок и лампочки. Одна часть подключена напрямую – сразу срабатывают, другие с задержкой. Долго включенным не держите, быстро сядет батарейка. Поработает он, может быть, месяц-полтора, потом вас позовут оживлять стенд, помните, плоская батарейка в коробочке верхнего реле. Мне пора. Пока. С вас рубчик на такси.

Он уехал. В силу вступал план номер три, по длительному,

до конца семестра, ремонту стенда. Потирая радостно руки, предвкушая наше триумфальное отлынивание от рутины военной кафедры, мы подробно смаковали гениальность технически грамотного спасителя и нашу (я тут же честно примазался к Михиной славе) недюжинную предприимчивость.

Времени до прихода капитана второго ранга было ещё достаточно, мы тщательно вытерли подпалины, укрепили свисающие по стенам провода, и, как закономерный итог напряженного рабочего дня, сложили горкой перегоревшие лампочки, перемешав их с обрывками проводочков, неисправными диодами, конденсаторами и сопротивлениями. Получилось красиво и очень достоверно. Работали ребята, вон, сколько всего заменили.

Время в маленькой забытой комнатухе тянулось до противного медленно, пора ехать домой, а капитана второго ранга всё не было и не было. Миха напряженно посматривал в окошко, чтобы не пропустить офицера, а я, вместо того чтобы присоединиться к нему или выйти на улицу, раз за разом включал и выключал красную кнопку, чтобы лишний раз убедиться, что стенд стабильно работает, как и требовалось, со звуковым сигналом и задержкой по времени.

На этом, собственно говоря, и погорели. Работает себе и работает, зачем нужно было включать эту проклятую красную кнопку почём зря? Капдва появился в комнате неожиданно под пронзительный сигнал гудка и разноцветье поочередно загорававшихся сигнальных лампочек стенда. Восторг

его был неподдельным и громким. Пока он нажимал на красную кнопку, любуясь результатами нашей работы, я грудью прикрывал Миху, исподтишка засовывающего вилку в розетку, чтобы скрыть следы нашей аферы.

Офицер поблагодарил за службу, обещал объявить благодарность перед строем и посетовал, что у него только один стенд, требующий ремонта. А не требующих ремонта у него теперь тоже один. С нашей помощью.

Ответили по Уставу:

– Служим Советскому Союзу.

Со смешанным чувством полных идиотов, купивших у самих себя тухлые яйца по сходной цене, поехали домой. Вечерело, военка уже полтора часа как закончилась.

– Чуть не засыпались, – самодовольно делился со мной Миха в троллейбусе, – хорошо, что я вовремя вилку вставил. Ничего, мы им ещё пригодимся, – и чтобы поднять упавшее у меня настроение, оптимистично воскликнул, – зато целую неделю можно не стричься.

Я посмотрел на Мишку и на его короткую стрижку. Это он так меня успокаивал.

6.3. Настоящий мужчина, или Двойной успех

Так начался третий курс, но был ещё замечательный летний промежуток после окончания второго. Сдав экзамены, большая институтская компания с палатками поехала на Каролино-Бугаз. В районе Нагорной на пустынном берегу разбили палаточный городок.

Беспощадное южное жгучее солнце, яркая синяя с блестящей рябью вода открытого моря. Мелкий, словно рассыпанная манная крупа, раскалённый песок раскинувшегося на десятки километров вправо и влево молочно-жёлтого сонного берега. Редкие стрелы тощих неизвестных растений, с длинными и колючими листьями, прорастающими прямо из песка. С заходом солнца бездонное чёрное небо с россыпью хорошо различимых звёзд и загадочно улыбающейся Луной, солидарно и торжественно освещающих ночную жизнь. Тёплая морская вода в любое время суток. Лёгкий ветерок, случайно залетевший на мгновение и дыхнувший желанной свежестью, чтобы исчезнуть на долгие несколько дней.

Это и есть среда обитания для счастливого отдыха, продолжительность которого напрямую зависела от количества пищи и косвенно от наличия денег на вино по рублю за кило у местных жителей.

Конечно же, вино привозили с собой тоже, немного, на

первое время хватало. Пеший турист ограничен в возможностях перемещать на себе тяжёлые грузы, особенно жидкие, в увесистых стеклянных бутылках. Они рвали тонкий, натянувшийся, хиленький от старости брезент забитых до отказа рюкзаков. Позвякивая в авоськах, растирали запястья неокрепших рук и всегда некстати разрывали обмотанные синей изоляционной лентой ручки спортивных сумок. Но без бутылок никак нельзя – это груз стратегический, двойного использования. Приехали, поставили палатки, открыли пару бутылок, разлили, выпили, одним словом, отметились, и бегом искать питьевую воду. Пустые бутылки никогда не выбрасывали. В освобожденную от горячительного содержания ёмкость наливали местную артезианскую невкусную слегка солоноватую воду, закупоривали родными пробками и закапывали в песок у кромки воды, охлаждая её в еле шевелящемся морском прибое. Другой воды, кроме морской, не было.

Ну что? Нашёл воду? 1973 год. *Ю.Любецкий (Профессор), В.Бондаренко (Виталик)*

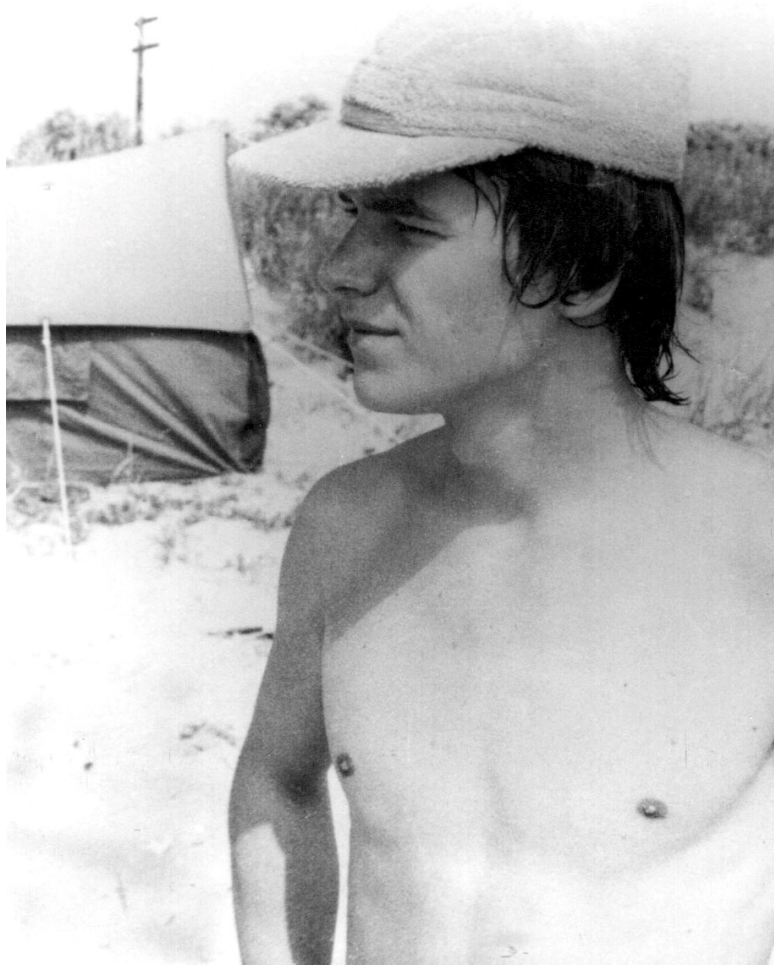
Местное вино было дешевле городского государственного, но намного хуже. Нет, что касается удара по мозгам, то ему равных не было. стакан местного сухого вина по силе пьянящего воздействия опережал стакан казенной водки. Это ноу-хау местных виноделов – подмешивать в вино табак и поднимать его крепость, не повышая градуса. А чтобы действие этой гремучей смеси не убивало на месте и имело некоторое пролонгированное воздействие на организм, вин-

ное пойло щедро разбавляли всё той же, солоноватой, из артезианских колодцев, водой, доводя вкусовые ощущения от выпитого вина до абсурда. Даже трудно передать вкус горько-солёной розовато-прозрачной с запахом гнилого винограда алкогольной воды.

Поглощение вина не являлось самоцелью отдыха – это всего лишь дань устоявшейся на Каролино-Бугазе традиции, которая с лёгкостью нарушалась. И вместо кило противной бурды на заветный рубль покупались буханка серого хлеба, три банки бычков в томате и помидоры, а это ещё один день свободы на Бугазе для десяти-пятнадцати человек.

Кроме вина, местные жители приторговывали овощами с огорода и сильно страдали от диких туристов, варварски разбирающих для костров их деревянные заборы.

Первоочередная задача прибывших на Бугаз – поиск дров для вечернего костра. Один из законов туристов, если такие существуют, гласит: отсутствие обжигающего дымного чая в металлических кружках, печёной картошечки в золе и песен под гитару убивают романтику звёздного ночного неба и лунной дорожки, дрожащей на мелкой волне. То есть небесные объекты в наличии, как бы есть, а романтики нет.

Каролино-Бугаз. Приехали!!!1973 год. *А.Шишов*

Сошли с поезда, выбрали место, поставили палатки, чокнулись под палящим солнцем, отметив приезд на Каролино-Бугаз, и разделились на четыре группы.

Одна – женская, осталась обустроить быт, вторая, прихватив опустошенные бутылки, отправилась на поиски надёжного источника воды.

Третья группа – группа смертников. Они должны найти вино. Лучшее из худшего. Такая группа, состоящая из трех-четырёх бывалых знатоков, обязательно комплектуется одним непьющим, таким, например, как Саша Грандов. Без него никак нельзя – он всегда помнит дорогу назад, это раз, сможет донести и не разбить два стеклянных бутылка с вином, это два, а в случае крайней усталости смельчаков, это три, ему не сложно самостоятельно вернуться в лагерь и позвать на помощь. После чего разведчиков-дегустаторов, взяв за руки и ноги, торжественно несут обратно, бережно складывают в палатки и не трогают до их полного выздоровления.

Четвертая группа, ведомая кем-то особенно безбашенным, таким, как Миха, собирается из лихих сорвиголов, вооруженных маленькими топориками. Они ещё из окна электрички приметили нерадивых хозяев с покосившимся деревянным штакетником заборов, требующими экстренной санитарной утилизации.

В тот незабываемый Бугаз в образе добрых ангелов-спа-

сителей были именно они, Саша Грандов и Миха Костецкий.

Саша Грандов – худощавый юноша в очках, обязательно на солнце в белой кепочке с козырьком, правильный отличник, Знайка из сказки Носова – оказался самым вдумчивым, предусмотрительным и запасливым туристом.

– Ой, голова болит, – стонет Серёжка Подольский после дегустации табачных вин, – у кого-то есть таблетка о головы?

– Анальгин подойдет? – отвечает Грандов.

– Футболку порвал, – жалуется Толик Кочерженко, – есть чем зашить?

Бугаз, солнце, хорошо. 1973 год. *А.Кочерженко (Толик), А.Авручевский (Аврuch), со спины М.Костецкий (Миха)*

– Тебе белую или чёрную? – спрашивает Саша, раскрывая маленькую жестяную коробочку с нитками.

– Ой, мальчики, так сладенького хочется, – мечтательно говорит Нина Крупенина.

– Карамельки подойдут? – и из кармашка рюкзака Саша достает несколько деформированных на солнцепёке конфеток.

Но вид их никого не смущает – на пятый день вкус липких подушечек кажется божественным.

– Только для девочек, – категорически заявляет Нина и забирает все конфеты.

– Музыкачку бы послушать, – задумчиво тянет Татьяна Иванова, – говорят, здесь хорошо Румыния ловится, приёмничек есть?

– Маленький, но зато длинные волны работают, – по-деловому отвечает Саша, – жаль, к нему только одна запасная батарейка, надолго не хватит.

– В волейбол хочется поиграть, – мечтательно думает вслух Саша Авручевский, и все посмотрели на Грандова.

– Есть волейбольный мяч, но его надо надуть, – и достает кожаную покрышку и к нему камеру с чёрной длинной трубочкой, – вот, ещё верёвочка, чтобы мяч зашнуровать.

Самый запасливый и предусмотрительный. 1976 год.
А. Грандов (Саша Грандов)

После этого Сашу Грандова торжественно объявили самым ценным членом общества. Но это ещё не всё. За смекалку, сообразительность, дальновидность, интеллигентность, скромность, незаменимость и незаурядный ум Саша Грандов был удостоен почётного прозвища, как никогда точно подчёркивающего его выдающиеся способности. Его наградили именем самого популярного многосерийного персонажа 1973 года в СССР и Восточной Европе. Ёмко и лаконично – Штирлиц.

Мишка тоже отличился. Это случилось в другой, потерянный во времени, выжженный солнцем и просоленный морем, день, предпоследний перед оставшейся луковицей, буханкой чёрствого хлеба и медными копейками на электричку, предусмотрительно собранными Штирлицем и закопанными в известном только ему одном месте.

Недалеко от нас компания из пяти человек разбила три палатки. У них, как говорится, своя свадьба, у нас своя. Точек соприкосновения у нас не было, и мы мирно сосуществовали. Однажды, закопавшись в раскалённый песок после заплыва на дальнюю косу, я блаженно лежал с раскинутыми руками и рассматривал редкие высокие облака, угадывая в них скрытый смысл фантастических фигур. Чья-то тень на

мгновение упала на глаза, и я услышал незнакомый голос:

– Тебя можно на минуточку?

Скосив прищуренный глаз, я увидел, как Миха поднимается и отходит в сторону вместе с парнем из соседних палаток. Развернувшись на бок и убедившись, что разговор проходит в мирном ключе, я продолжал в полудреме лежать, лениво глядя на их беседу, завершившуюся дружеским рукопожатием и похлопыванием друг друга по плечам.

Минут через двадцать, проплыв быстрым кролем первые пятьдесят метров и перевернувшись на спину, мерно гребя мельничными махами, я услышал рядом чье-то фыркание и, не успев остановиться, сильно ударился обо что-то твердое. Чем-то твердым оказалась Михина голова.

– Убьешь на фиг, а мне еще работать надо, – выплевывая воду, пробурчал Миха, поворачивая к берегу.

– Где работать? Это тебе сосед работу предложил? Колись, – и, взяв его за плечи, попробовал притопить.

Пытка с пристрастием не понадобилась, его и так распирало с кем-то поделиться, и пока мы неторопливо плыли к берегу, он мне пересказал состоявшийся разговор.

Военный совет.1973 год. *А.Шишов, М.Костецкий (Миха)*

Соседняя компания приехала из Москвы, два парня и три девушки, третий парень по каким-то причинам остался до-

ма. Отдыхают, купаются, загорают – очень довольны, целый год собирались, запасов у них ещё на две недели. Но тут возникла проблема. Начала истерить свободная девушка – все по парам, а ей, видите ли, тут одиноко.

– Мы ночью по палаткам расходимся, – рассказывает Михе парень, – у нас там любовь, всё по-взрослому, а её это раздражает. Вчера эта дура открыла нашу палатку и в самый ответственный момент облила меня водой. Кричит, что ей всё надоело, немедленно собираемся и возвращаемся в Москву. А одна возвращаться не хочет, говорит, все вместе приехали, все вместе и уедем. Мне здесь скучно, вы все трахаетесь, а я должна подушкой голову закрывать, чтобы ваши вопли не слышать. Я бы её сам отоварил, честное слово, лишь бы успокоилась на пару дней, но моя против. Достала... А нам тут всё по кайфу, людей мало, песок чистый, море теплое. Что ей ещё надо? Короче, я смотрю у вас тут ребят много, может... поможешь?

– В смысле поможешь? – еще не врубаясь в просьбу, спросил Миха.

– Ну, ты так... посолидней остальных, может, вечером зайдешь к нам, мы тебя с ней и знакомить не будем, она и так согласна.

– А почему это он тебя выбрал? – уязвлено, с обидой не выдержал я, перебивая Миху.

– Потому что я солидный. Они же постарше нас, ты сам видел.

На Каролино-Бугазе. По хлеб и воду... 1973 год. *М.Костецкий (Миха), А.Шишов*

Тут он прав, Михина солидность однозначно подчеркивалась буйной растительностью и его взрослым видом: густые бакенбарды ниже мочек ушей, жёсткая недельная щетина, мохнатая грудь, намечающийся животик и пара крепких спортивных волосатых ног.

– А ты что? – согласившись с неоспоримым выбором соседа, спросил я.

– Я ему и говорю, – продолжает Миха, – а посмотреть на неё можно?

– Да что там смотреть, – отвечает москвич, – баба как баба. Мы как костёр потушим на ночь, так сразу и приходи, только тихо. Я тебя встречу, к ней в палатку заведу, дальше уже сам разберешься.

– А если она не захочет? – продолжал сомневаться Миха, ещё не веря в своё на шáру счастье.

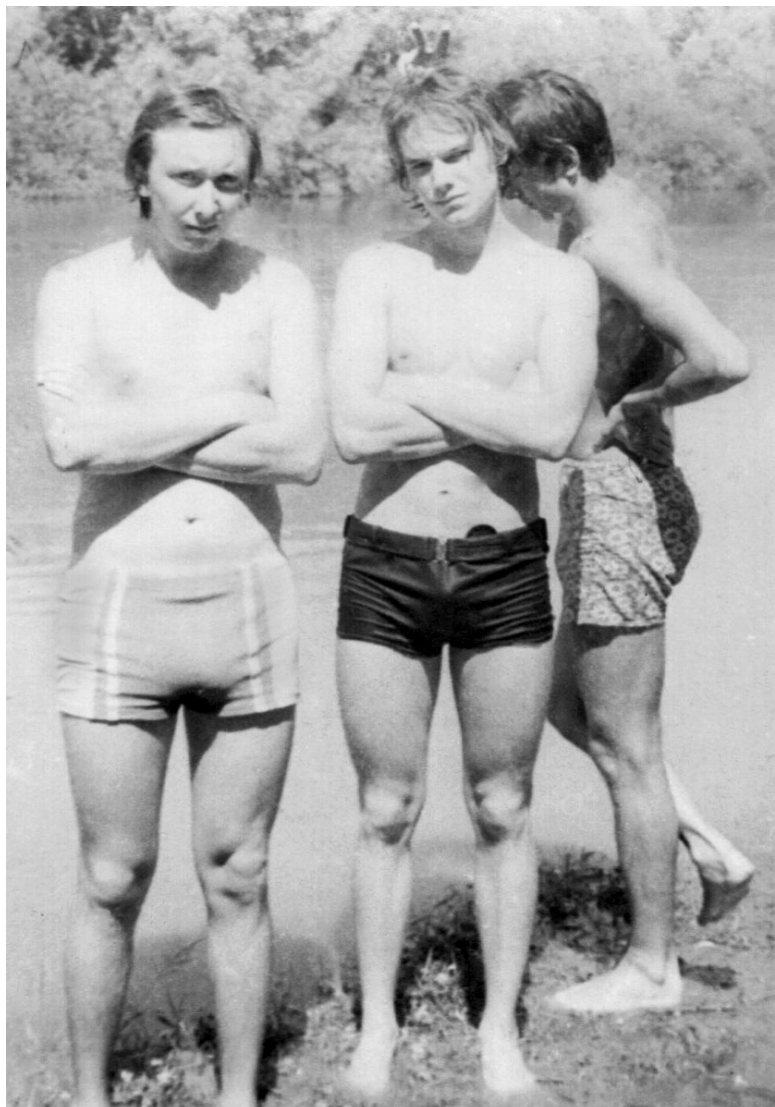
– Она уже хочет. На тебя показала и говорит, что ты и больше никто. Понял, ну, давай. Жду. Запомнил, костер погас – это сигнал.

Но Миха ему уйти так просто не дал. Оценив свою исключительность в данном интимном деле, Миха спросил москвича чисто по-одесски:

– И шо я буду с этого иметь?

Москвич ошеломленно задумался, почесал затылок, что-то прикидывая, и тихо проговорил:

– Ты, главное, приходи. Не обидим.

Река Турунчук, день рождения Серёжи Чебана. 1973 год.
И. Лозанов (Игорёшка), А. Шишов. За спиной делает "рожки"
А. Кочерженко (Толик)

Рано утром следующего дня мы только вылезли после душной ночи из плотно закрытых изнутри от комаров палаток и поплелись освежиться в слегка остывшем за ночь море, как появился Миха.

В руках он нес авоську с картошкой. Под восторженные крики он небрежно поставил авоську на песок в тени палатки и, упреждая вопросы, пояснил:

– Соседи поделились, лишняя она у них. Девочки, а вы картошечку переложите, авоську вернуть надо. Вечером я её сам отнесу.

И самодовольно, радуясь двойному успеху, хитро подмигнул мне и завалился спать.

6.4. Поехали! Случайные встречи, или Скорые расставания

Многолюдный и шумный харьковский вокзал неожиданно вселил в Миху дополнительный заряд уверенности. Наши ребят, оставшихся ловить бронь, нигде не было – видимо, прямой поезд на Одессу уже час, как уехал вместе с ними. Мы разделились. Миха отправился «решать вопрос» с билетами, а я, толкая ногами наш багаж, медленно полз в длиннющей очереди за пирожками с мясом. Пирожки заканчивались – давали не более двух в руки. Моя очередь ещё не подошла, когда я увидел Миху с ребёнком на руках. Он что-то вкрадчиво, наклонив голову и лукаво сощурившись, говорил молодой симпатичной женщине, глядящей на него сияющими от счастья глазами. В своей белой шубке и белой меховой шапке она смотрелась ярким пятном радости.

«Кого-то встретил, – подумал я, – родственницу что ли?».

Он бережно передал женщине ребёнка, она, поставив мальчишку рядом, порывисто обняла Миху, расцеловала и быстро, с чемоданом в одной руке и с ребёнком в другой, пошла в сторону перрона.

Мишка обалдело смотрел ей вслед. Медленно провёл рукой по расцелованной щеке, зачем-то понюхал ладонь, затем сделал в её сторону нерешительный шаг, затем второй, более уверенный и побежал.

Сквозь мелькающие спины торопящихся к выходу на перрон людей мне всё же удалось рассмотреть, как Миха догнал женщину, обнял, и они замерли в поцелуе. Забавно они выглядели – высокий Миха согнулся, обняв её за невидимую под свободной, не застегнутой шубой, талию. Она же, встав на цыпочки, прижала его к себе свободной от ребёнка рукой, с зажатым огромным и, видимо, тяжёлым, перевязанным багажными ремнями, чемоданом. Продолжительный поцелуй окончился грохотом выпавшего из окончательно расслабленной женской руки фибрового монстра, выбившего из мраморного пола сноп искр хромированными металлическими уголками; испугом ребёнка, громким плачем и паникой проходивших мимо пассажиров. Короткая, почти театральная, пауза – прощальный взгляд друг другу в глаза. Миха подхватил упавший чемодан, женщина подняла на руки мгновенно умолкшего ребёнка, и они торопливо, почти бегом, поспешили в проход под большой вывеской «Выход к поездам».

– Родственница? – подозрительно спросил я появившегося вскоре Миху, уступая перед собой место в очереди, чтобы взять четыре пирожка. – Что с билетами? Достал?

Миха победоносно посмотрел на меня, достал из кармана два маленьких картонных билета и неторопливо, делая многозначительные паузы после каждого предложения, рассказал:

– Подхожу к кассе, очередь человек сто. В самом конце

стоит женщина с ребёнком, ну ты её видел, в белой шубке Симпатичная такая. Пацан уже взрослый, но все равно, ребёнок. Я подхожу и так вежливо спрашиваю, а почему вы, женщина с ребёнком, без очереди билеты не берёте. Не пускают, отвечает она, и вещи деть некуда. И так подозрительно на меня смотрит, мол, я ей сейчас предложу за чемоданчиком присмотреть, а сам его сопру.

– Короче, – поторопил я его, – очередь подходит.

– Короче... Спрашиваю, куда ехать, а она мне – в Уфу. Уфимский проходит здесь через день и осталось пятнадцать минут до отхода, представляешь. Она отчаялась на него попасть и уже решила, что будет брать билеты на послезавтра и ночевать две ночи на вокзале. Я ей говорю, шас. Поднимаю с пола пацана, сажаю на руки и бегом к кассе. Кричу, пропустите, я с ребёнком. Пришлось, конечно, кое-кому крепко ноги оттоптать, парнишка тяжёлый, две руки заняты. Но билеты взял... Ей до Уфы, а нам до Одессы. А ты говоришь, родственница. Я десять минут был отцом её ребенка, считай законный супруг, жаль, что судьба разводит в разные стороны. Знатная, скажу тебе, женщина, горячая... А что тут, с пирожками?

– Пирожки с мясом, две штуки в руки. Ты стой, не убегай, возьмём четыре.

Подошла наша очередь, Миха забрал последние два пирожка, и на том спасибо. Сегодня явно не мой день.

Через полчаса новосибирский поезд, как всегда вовремя

опоздавший, без нарушения графика отставания, принял нас на боковые места плацкартного вагона.

Было поздно, в вагоне все спали. Уворачиваясь от вылезших в узкий проход из-под тонких колючих одеял и сероватых простыней ног, ещё в Новосибирске одетых в носки, безуспешно стремящихся, блестя заскорузлыми пятками и растянувшись скатавшимися резинками, освободить сонного хозяина и всех окружающих от своего пахучего присутствия, мы нашли свои места. Поезд тронулся.

В вагоне было тихо. Железнодорожная тишина плацкартного вагона – это нескончаемый проигрыш заезженной пластинки, где на фоне бесконечного стаккато большой терции заунывного перестука колес назойливо проскальзывает лязгающий звон буферов и ярко, самобытно звучит импровизационный храп пассажиров.

Миха в чистые стаканы в подстаканниках разлил поровну по сто двадцать пять граммов из шкалика водки, а я аккуратно очистил от прилипшей фольги плавленый сырок «Дружба» и, солидарно поделив его пополам, положил посередине столика.

– Ну, поехали! – во всех смыслах многозначительно сипло прошептал Миха, но я его остановил.

– Ты заслужил большего, – сказал я и перелил водку из своего стакана в его, оставив себе на доньшке символический глоточек.

– Другой бы отказался, – заулыбался Миха.

Мы чокнулись, он в три глотка с удовольствием выпил содержимое стакана, и, не выдыхая, отщипнул маленький кусочек плавленого сырка, забросил себе в рот и задумчиво прожевал.

– Какая женщина... – с нескрываемой тоской в голосе выдохнул наконец-то он и, разочарованно посмотрев в пустой стакан, перевёл мечтательный взгляд на мутное окно.

Вместе с последним кусочком «Дружбы» кончился наш символический ужин. Осталось только перекурить перед сном, уснуть и проснуться за двадцать минут до Одессы, пока поезд не въехал в санитарную зону и можно ещё успеть полюбоваться в туалете, нажав на подпружиненную педаль, мелькающими шпалами через открытое жерло нержавеющей унитазы под оглушающий близкий грохот колёс и прорвавшийся ледяной сквозняк наружного воздуха.

Перекур был коротким. Зимний тамбур лучшее место для разговоров, которые длятся не дольше выкуренной сигареты.

– Кушать хочется. Жаль, нам бы ещё по паре пирожков с мясом, – посетовал я и, неожиданно вспомнив Бугаз, со смехом добавил, – или авоську картошки. Помнишь, Мишка?

– Помнишь, – буркнул он и с обидой в голосе продолжил, – вы картошечку схавали и забыли. А я потом ещё полгода лечился.

– Да ты что! – не поверил я своим ушам. – И что это было? – выдавил я, обмирая от мысли, что сам мог быть на его месте.

Миха ответил, но в грохоте и лязганье ледяного с замёрзшими окнами тамбура я не расслышал мудрёного медицинского термина, а переспрашивать было неудобно.

– А ты помнишь, как мы ходили дружинить? – чтобы сменить тему захихикал Мишка.

– Это когда совпали первая стипендия и первая дружина?

– Ага, ещё в опорном пункте возле Нового рынка гулянку устроили.

– Нет, ты забыл. Мы тогда сначала пошли в цирк, дружинников с повязками на галерку бесплатно пропускали. Помнишь? А потом уже, пройдясь по маршруту, набрали винища в гастрономе на углу. И, кстати, не гулянка там была, а комсомольское собрание.

– Про собрание я не помню, – честно признался Миха.

– Здравьте вам, не помню. А не ты ли меня в комсорги выдвинул? Забыл? Там же в опорном пункте меня и выбрали, между первой и второй, а может, между пятой и шестой, я тоже все подробности не помню.

– Зато я хорошо помню, как мы оттуда пошли на Приморский бульвар. Авруч с Мартыном бегали наперегонки, а ты крутил сальто.

– Не сальто, а переворот вперёд прогнувшись. Акробатика на асфальте.

Действие двухсот граммов водки на Миху и пятидесяти граммов на меня из состояния активного возбуждения неуклонно смещалось в сторону умиротворения и сонливо-

сти.

Досмеявшись и докурив, мы пошли укладываться. Громко хлопнула вагонная дверь, вернувшая нас из холодного прокуренного тамбура через отсек с неистребимым запахом туалета в тусклый склеп плацкартного вагона, выдохнувшего нам в лицо многодневный вдох спёртого и жаркого воздуха живых человеческих тел.

У меня к попутчикам в поездах отношение особое. В поезде я никогда не раскрываюсь перед незнакомым человеком, чтобы «облегчить душу», никогда никому не навязываю свою точку зрения, никогда не вру, приукрашивая себя и свои успехи. Это моя личная манера поведения.

Но я отдаю должное и другим, особым, попутчикам, после общения с которыми людям становится легче. Они в состоянии терпеливо выслушать так необходимые кому-то откровения и выжимают по утрам после долгого ночного монолога соседа свои воображаемые жилетки. Тем попутчикам, о которых в памяти вместо имён и стертых черт лица остаётся незабываемая тёплая волна доброжелательности. Тем попутчикам, которые не храпят. И тем, кто корректно даёт выспаться, беспокоясь разве что о том, чтобы ты не проспал свою станцию и вовремя попил горячего чая с лимоном.

Я люблю всех попутчиков, с которыми удалось без напряжения и раздражения, в неестественных для жизни условиях поезда, добраться из пункта А в пункт Б.

Одним из таких попутчиков был Миха. Не считая дру-

жину, на которую мы вместе ходили, у него не было никаких известных мне соприкосновений с правоохранительными органами, чтобы о них рассказать, не выходя за рамки заданной темы.

Но, тем не менее, попал он в эту главу закономерно. Как замечательный попутчик из Харькова в Одессу, с которым здорово, удобно и весело было ехать в плацкартном вагоне нескорого поезда.

6.5. Have you business? 1971 год

Сон не шёл, я лежал с закрытыми глазами на боковой полке. Разноголосый и разномастный храп со своими индивидуальными попухиваниями, причмокиваниями и посвистываниями всепроникающе давил с раздражающей настойчивостью. Казалось, что сейчас утробные ночные звуки сольются в какое-то подобие хора, зазвучат стройно и слаженно, возникнет, подчиняясь дирижерской палочке, взаимопонимание и гармония, чтобы от одного её взмаха замереть на высокой ноте и замолчать навсегда. Но рулады виртуозных храпов раскатисто диссонировали, забираясь мохнатой мышью в зону серого вещества головного мозга поскрести коготочками по клеточкам нейронов центральной нервной системы, отвечающих за сенсорное восприятие окружающего мира.

Сон ушёл окончательно. Цепочка мыслей выстраивалась в закономерную последовательность протяженностью от Харькова до Одессы.

«В Харьков вернусь обязательно. Подпись в дневнике практики с датой, соответствующей её окончанию, – неотъемлемый атрибут преддипломной подготовки. Странные они люди в этом харьковском институте – я им не нужен, они мне тоже, поставьте подпись и печать. Что вам стоит? Отзыв и дату я как-нибудь сам соображу. Так нет, не положено...»

«Ещё одно важное дело осталось в Харькове. Навестить друга Митю в армии. Лозовая – то ли станция, то ли город в неправильном падеже, в ста пятидесяти километрах от Харькова. Можно за день смотаться туда и обратно, но, увы и ах, друга Мити в расположении части нет, и я жду письмо с подтверждением, что он уже на месте. Куплю-ка я для него в Одессе американских сигарет, пусть вспомнит гражданку, затянется дымом свободы, воздухом Отечества, уверен, уже надышался».

И как-то так, одно за другим, – дружинники, американские сигареты, друг Митя, воздух свободы, дым Отечества – и вспомнился неизгладимый в памяти праздничный день 2 мая 1971 года.

6.5.1. Эстафета, или Ложный финиш

Ходили упорные слухи, что нам отменят экзамены за девятый класс, четыре устных – алгебру, географию, историю и английский. Наконец, накануне первомайских праздников слухи подтвердились. Ура, спасибо холере.

Одесская холера августа семидесятого потянула за собой шлейф последствий. Приятных, таких, как у нас, с отменой экзаменов и неприятных, как, наверное, у всех остальных, оказавшихся в это время в Одессе, особенно у приезжих.

Слухи о холере и карантине города появились задолго до самой пандемии. Но кто верит слухам? Вот если бы об

этом сказал «Голос Америки» или «БиБиСи», то уверовали, не моргнув глазом. Но апологеты империализма, убеждённо предсказывающие крах социалистической системы, о приближении холеры знали и коварно промолчали, чтобы советские трудящиеся лично убедились, что означает «найти приключение на одно место», не успели вовремя вернуться из отпуска на свои рабочие места и сорвали взятые обязательства строителя коммунизма на текущую пятилетку.

Те же, кто был на «Привоze», слышали своими ушами в торговых рядах «достоверные» сведения из «надежных» источников и не уехали, горько пожалели. В городе, как всегда неожиданно, объявили карантин. Теперь путь из Одессы пролегал через обсервацию – недельную изоляцию под наблюдением врачей с анализами и таблетками в режимных помещениях с охраной.

Первых счастливых «обсерванцев» селили на круизных лайнерах в порту; следующих там же, на речных теплоходах; потом в вагонах поездов без паровозов; затем в общежитиях и пустующих пионерских лагерях, а самых невезучих на стадионе «Спартак» под открытым небом, благо август, как обычно, был жарким.

Ходил тогда актуальный анекдот (рассказывается с кавказским акцентом): «Умирает грузин от холеры и говорит: «Доктор, когда я умру, запишите, что я умер от сифилиса. Хочу умереть настоящим мужчиной, а не засранцем».

Узнав об отмене экзаменов, мы согласились, что ради это-

го стоило поголовно глотать маленькие жёлтые таблетки тетрациклина, выстаивать очереди в ЖЭКах за марлевую ширмочку и, сняв покорно штаны для ректального забора, допустить медработников до святая святых за «материалом на вибрион». Отказаться до конца пляжного сезона от моря, прервать спортивные сборы и отдых на базах Каролино-Бугаза, кушать ошпаренные кипятком фрукты, пить отстоянную и два раза прокипяченную воду, мыть хлорным раствором руки и весь сентябрь проболтаться в ожидании начала учебного года.

Расслабленное, без экзаменов, окончание девятого класса обратило школьные проблемы в побочные, и на первый план вышли личные и сугубо личные.

Второй после Первого мая праздничный день был распisan буквально по часам. В десять ноль-ноль начиналась городская эстафета, наша школа бежала в первом забеге, и я специально записался на второй этап, чтобы поскорее освободиться. В одиннадцать ноль-ноль уже начиналась репетиция в музыкальном училище, а в шестнадцать ноль-ноль у нас намечено празднование Первомайа дома у одноклассницы Оли Гольбер.

– Опаздывать нельзя, – глубоким низким голосом предупредила Оля – крупная, очень взрослая девочка, по-матерински опекающая нас, мальчиков-одноклассников, на протяжении всего девятого класса. – Мама просила прийти вовремя, она перед уходом хочет всех вас поздравить.

Олину маму мы уважали, она работала корректором в издательстве, всегда нас приветливо встречала, угощала чем-то вкусненьким, рассказывала много интересного и поучительного. У меня было к ней особое отношение. А как иначе, если, однажды увидев меня, она восхищенно всплеснула руками и убежденно сказала, что я вылитый Сергей Есенин в молодости. Такое сходство мне жутко льстило, но она, к сожалению, заблуждалась. В соответствии с текущей модой на мужской «полупробор», который за два рубля делал Алик с Садовой в парикмахерской на ступеньках, все светловолосые клиенты популярного мастера с его лёгкой руки были более или менее схожи с великим поэтом.

Забег начался вовремя. Это была моя первая городская эстафета, но причин для волнений не было. Дел-то всего ничего, получил палочку, пробежал, отдал следующему – и целый день свободен.

Бегуны второго этапа уже собрались возле памятника Потёмкинцам и, поглядывая в ожидании старта вниз, к Дюку, переминались с ноги на ногу и нетерпеливо потряхивали ступнями. Компания соперников собралась приличная. Ребята спортивные, длинноногие. Много знакомых по футболу, по юношеской команде «Черноморец», в основном нападающие и полузащитники. Кецик (сменив фамилию Кацнельсон на Волошин, Олег так и остался Кециком) и Юрка Яковлев по прозвищу Прокурор из команды пятьдесят четвертого года, из нашей, пятьдесят пятого, Алик Голоколо-

сов и Френик (Валера Кирпичный). Выстрел донесся до нас с естественной задержкой, заголосили зрители, стоящие по лукольцом у старта вдоль циркульных зданий. Им вторили остальные, на тротуаре, вдоль маршрута первого этапа от памятника Дюку де Ришелье до памятника мятежным морякам с броненосца «Князь Потёмкин-Таврический».

На нас стремительно набегала разношерстная масса в трусах и майках с номерами школ на груди. Сразу определились лидеры, впереди, как всегда, пятьдесят седьмая школа. Бегуны, поравнявшись с нашей группой, по всем правилам, на бегу, передавали эстафетные палочки, и мои соседи один за другим подрывались с места и убегали вверх по Карла Маркса в сторону Дерibasовской. Пристально вглядываясь в подбегающих спортсменов, я старался разглядеть и, главное, не пропустить спринтера из нашей школы. Наконец-то я его увидел – еле-еле передвигая ноги, прихрамывая, морщась при каждом шаге от боли, он, хваленый кандидат в мастера спорта по настольному теннису, последним старательно приближался к промежуточному финишу, всё более и более отставая от группы бегунов.

Я закричал, перекрикивая болельщиков, которые, как принято, поддерживают самых слабых:

– Быстрее, быстрее.

Но он не ускорился ни на йоту, и всё норовил перейти на шаг. Тогда я побежал ему навстречу, вырвал из судорожно сжимавшей руки палочку и помчался догонять стремитель-

но убегающую когорту.

Если перед эстафетой мы обсуждали тактику, нарастание интенсивности бега, распределение дыхания по всей дистанции, то, когда я увидел перед собой мелькающие пятки соперников, все наставления в одно мгновение улетучились. Со всей своей природной дури в одиннадцать и восемь десятых секунды на стометровке при мировом рекорде в девять и девять, я бросился вдогонку за соперниками.

Первых трёх обошел играючи и уже прицелился обойти четвёртого, когда почувствовал что-то неладное. Резкий спринтерский рывок в горку на носках сыграл плохую службу – поравнявшись с Театральным переулком, наливаясь тяжестью, начали запаздывать ноги, дыхание сбилось.

«Ничего, – подумал я, – главное сейчас собраться, добежать до Ласточкина и передать палочку».

Пригнув голову и наклонившись вперёд, чтобы легче дышалось, стараясь поддерживать бег в заданном темпе, не обращая внимания на тех, кого обхожу, и тех, кто пытается обойти меня, я упорно продолжал бежать вверх по улице Карла Маркса, боковым зрением посматривая по сторонам. Вот справа молочный магазин, слева вход в Пале Рояль, затем хлебный, второй вход в Пале Рояль, справа летняя веранда ресторана «Украина», вот уже угол дома. Всё! Финиш! Из последних сил ускоряюсь, поднимаю голову и к своему ужасу понимаю, что ошибся, передача палочки не здесь, а на Дерибасовской – это ещё метров сто, если не больше.

«Ложный финиш – смерть бегуна», – как нельзя некстати вспомнилось наставление тренера по бегу.

И тут дыхание кончилось, не могу сделать ни вдох, ни выдох. Удаётся короткими жадными глотками буквально протолкнуть воздух в разрывающиеся лёгкие, во рту резко пересохло, ноги ватные, померкли яркие краски дня и только огненные вспышки периодически разрывали мутную пелену, заставшую глаза, и высвечивали сквозь её прозрачные проплешины тёмную зыбкую студенистую массу старта третьего этапа.

И бежал ли я? Я ощущал себя пловцом, преодолевающим огромной силы океанские волны сжатого или жидкого воздуха, неумолимо бьющего в грудь и забивающего или заливающего упругой чёрной пустотой рот, глаза и уши.

Я плохо соображал, только чувствовал, что финиш где-то близко. Нужно добежать, доползти, доплыть и на инстинктивном уровне, от бессилия, дополнил бег суматошными гребками в стиле «кроль». Так и «доплыл» с открытым, как у рыбы, ртом, с вытаращенными глазами, наклонившимся вперёд корпусом, еле передвигая пудовыми подкашивающимися ногами, оглохший на оба уха, конвульсивно размахивая руками с зажатой палочкой. Добежал к финишу по инерции – не упал, то есть не нырнул.

Цепкая неоднородная масса, придвинувшись вплотную, выдернула из моей взмокшей ладони деревянный символ преемственности, и эстафета беззвучно понеслась дальше,

оставив за собой ещё десяток таких же, как я – опустошённых и неменяемых, едва стоящих на ногах, «выжатых лимонов».

Далее всё в тумане – меня подхватил друг Митя и оттащил в сторону к ближайшему дереву. Уперевшись одной рукой в ствол, а другой в дрожащее колено, жадно втягивая воздух, я пытался выдавить из себя непонятно что, тошнотворно выворачивающее наизнанку все внутренности, или хотя бы выплюнуть остатки слюны, длинной тонкой нитью протянувшиеся до асфальта.

Из к/ф "Долгие провода", Мальчик с чайкой. 1970 год.
Д.Еренков (Митя)

Окончательно я пришел в себя от прохлады витрины гастронома, сидя на холодном мраморе подоконника. Откуда-то появился стакан газированной воды, я его с жадностью выпил, огляделся, рядом лежал мой цивильный гардероб и наши с Митей электрогитары. Митя стоял тут же, с непониманием и опаской поглядывая на меня:

– Ну что, лучше? – спросил он. – Ещё воды?

Я кивнул и спросил сиплым, сдавленным голосом:

– Каким я пришел, последним?

– Чего кричишь?

– Уши заложило, плохо слышу, – ответил я, сосредоточенно мизинцем прочищая ухо.

– За тобой было ещё человека четыре-пять, – громко сказал Митя и, кивнув головой в сторону финиша, спросил: – А что это было? Что случилось?

– Четыре-пять – это хорошо. Я последним получил палочку. Представляешь? Так что четыре-пять – это очень хорошо, – ответил я и, пренебрегая правилами приличия, тут же на улице, неторопливо разделся до плавок и натянул рубашку и брюки.

6.5.2. Бит-группа без названия, или ГОЛОС

Наконец-то сознание окончательно прояснилось, электрогитары красноречиво напомнили о предстоящей репетиции, а пустой балкон на четвертом этаже дома китобоев взбодрил и успокоил, что мой позорный бег не был достоянием небезразличных мне красивых зелёных глаз Ленки Прибытковой из параллельного класса.

День казался замечательным: свежая зелень деревьев, мягкое майское солнце, тёплый обдувающий ветерок и воздух, особенный, праздничный. Чувство времени покинуло. Я одинаково готов поверить, что с момента старта прошло десять минут или целый час, или целый день, но всё говорило о том, что утро ещё не кончилось и к одиннадцати нужно быть на репетиции. Хотел было спросить у Мити, который час, но вовремя спохватился. Который час – это его больное место.

Дело в том, что не так давно из мест заключения вышел некий Осипов. Проникшись любовью к своей бывшей школе, он часто потрошил карманы наших соучеников. Это был настоящий бандит на свободе. Блондинистый, с зализанными жирными волосами и мерзкой блинообразной рожей, Осипов безжалостным взглядом маленьких злющих глаз, приклатнёнными манерами, тюремным языком и сбитыми

костяшками кулаков наводил страх и вызывал дикий ужас.

Неделю тому назад Мите не повезло. Осипов, страдая от недопития, появился возле школы в поисках легкой наживы. У нас был урок украинского языка, Митя был от него освобожден и, поболтавшись немного по школе, он пристроился в тени, на заборчике, напротив входа, ожидая окончания урока. О чем задумался тогда Митя, неизвестно, но Осипова он заметил слишком поздно. Тот тихо подошел, обдав запахом свежего перегара, молча зажал одной рукой Мите горло, а второй по-деловому снял с его руки часы. Не говоря ни слова, только на прощание ещё сильнее пережав Мите трахею, Осипов ушёл, по-блатному шаркая кривыми ногами.

– Лучше бы ты учил украинский, – сказала Мите его мама Галина Алексеевна.

Игорь Докторович – Митин отчим, отправил нас сразу же в милицию написать заявление. Митя – пострадавший, а я свидетель, который из окна школы якобы видел ограбление.

В милиции нас принял настоящий следователь. Выслушав, он достал из стола фотографию и положил на стол:

– Это он?

С фотографии смотрела угрюмая рожа Осипова.

Мы подтвердили. Милиционер достал новую картонную папочку, вложил в неё наши заявления, приколот к ним скрепкой фотографию и на папочке под словом «Дело» вывел крупными буквами «Осик».

– Он тебе ничем не угрожал, ножичком или отверткой, а

может, ещё чем? – участливо поинтересовался следователь.

Мы ответили отрицательно.

– Жаль, – вздохнул он, как бы размышляя вслух, – а то бы его за разбой уже сегодня на три года прихватили, а так пока ещё маловато. Ну, всё. Заходи, если что.

Митя приглашение принял буквально. Лично для него всё было предельно ясно. Преступник известен, адрес его известен, милиция легко с нашей помощью раскрыла преступление, оставалась самая малость – прийти и забрать часы. Так Митя и сделал. На следующий день, после школы, он бодро пришёл в милицию и вышел ни с чем. Часы к моменту визита представителей власти Осик уже продал, деньги пропил, но дело не закрыто – милиция собирает материалы, чтобы посадить его всерьёз и надолго. Так что на вопрос «который час?» Митя ответит ещё не скоро.

На репетицию мы все-таки опаздывали. Прижимаясь к нависающим витринным окнам «Алых парусов», мы продралась сквозь толпу судей и участников, ожидающих следующий забег, и свернули на Дерибасовскую.

Малолюдность Дерибасовской солнечным утром второго после праздника дня была предсказуема и приятно диссонировала с шумом публики за нашими спинами. Пустые троллейбусы по случаю эстафеты молчаливо стояли с открытыми дверями в ряд, прижавшись чёрными рифлёными колесами к бордюрам тротуара, в ожидании команды запустить свои урчащие агрегаты. Улица была практически пустой – те,

кто не был задействован в эстафете, непременно уже разъехались по маёвкам на склоны, пляжи, дачи или просто за город. А остальные после вчерашнего праздника сидели по домам, всё равно магазины и базар были закрыты. Праздник как-никак. День второй.

Митя, подхватив обе гитары, с возрастающей скоростью быстро перебирал длинными ногами, задавая темп ходьбы, обеспечивающий нашу пунктуальность. Я и не пытался за ним угнаться, немного поотстал, а возле центрального овощного магазина запротестовал, требуя остановки и вишнёвого сока с мякотью.

Набравшись сил из стакана с мутной жидкостью тёмно-лиловой на цвет, сладко-кислой на вкус и бодряще-реабилитационной по ощущениям, я «включил четвёртую передачу», и через пять минут мы уже были возле музыкального училища. Ещё издали, только завернув за угол, мы заметили на угловом балкончике с видом на руины кирхи непринуждённо беседующих и спокойно покуривающих пианиста Пята Удиса и барабанщика Келу Мирошниченко, нисколько не озабоченных нашим опозданием.

Аппаратура была уже расставлена, оставалась ерунда – подключить гитары и начать репетицию. Моя гитара легко выскользнула из матерчатого чехла, специально сшитого сестрой Леной, а Митина, цепляясь всеми выступающими частями, беспорядочно звеня струнами и стуча ручкой ревербератора по деке, с трудом рассталась со спортивной

сумкой.

Митя привез свою гитару из Бобруйска – шедевр самодеятельного творчества белорусской глубинки. Когда я её впервые увидел, то испытал шок, но Митя был страшно горд своим приобретением. Корпус электрогитары обычно имеет два рога у основания грифа. Длинный сверху, к нему пристегивается широкий ремень (классно смотрится охотничий патронташ), и короткий снизу, образующий глубокий вырез, очень удобный для извлечения высоких нот на первых ладах грифа. У Митиной гитары рогов было восемь, даже не рогов, а замысловатых загогулин по периметру доски, делавших её похожей на ярко-красную кляксу с торчащей из неё палкой грифа. Панель из хромированной толстой стали, три больших ручки регулятора громкости и тембра, массивный хромированный струнодержатель с вибратором, заостренная головка грифа с такой же заостренной хромированной накладкой – всё вместе производило устрашающий эффект.

У некоторых эта гитара ассоциировалась с новым видом оружия будущего из фантастических рассказов, другим – наглядно иллюстрировала пример параноидального расстройств у провинциального Страдивари-Гварнери, а вот Митя ею очень гордился, убеждая, что именно на таких гитарах играют настоящий рок.

Моя бас-гитара, которой я гордился не меньше, чем Митя своей, серебристая с двумя симпатичными рогами и красным грифом, – самодельный симбиоз собственных ограни-

ченных возможностей и безудержной фантазии. Когда-то по случаю, без дальних планов, купленная у Комара за три рубля обструганная гитараобразная доска с жёстко прикрученным узким грифом легла в основу будущего бас-шедевра. Главное, что на грифе были лады, и вскоре ежедневный кропотливый труд, задвинувший далеко на задний план все волнительные юношеские романы, день за днём приносил всё более ощутимые результаты. Я освоил шпатлевку по дереву, шлифовку разными номерами шкурки, окраску в несколько слоёв – гитара на глазах преображалась.

Использовалось известное ноу-хау в виде нержавеющей маленького стерилизатора шприцов, в который идеально входил ленинградский звукосниматель. Он смотрелся на гитаре очень стильно, кроме того, на него удобно опираться большим пальцем при игре, и звук извлекался более резкий, рёчковый.

Ручки, переменные резисторы и сопротивления выискивались на «толчке» в кучах радиотоваров, сваленных буквально на землю, слева, как войти в ворота с Химической. Ещё одно ноу-хау – для бас-гитары использовался рамочный струнодержатель для семиструнной гитары, в который четыре струны вставлялись через одну, образуя три широких интервала, удобных для игры пальцами.

А вот с самими струнами была большая проблема – бесспорный дефицит. Мне всего-то нужны были из комплекта для семиструнной гитары только четыре, самые толстые, но

и это не помогало, струн нигде в продаже не было, ни толстых, ни тонких.

Помощь неожиданно подоспела в лице приехавшего погостить из Костромы моего дедушки. У него тоже были свои своеобразные виды на этот важный компонент гитары. Оказалось, что дедушка, в узком семейном кругу окрещённый Дюдей, в свои семьдесят восемь лет был еще «тот ходок» и своей зазнобе из Ярославля он намеревался сделать царский подарок – струны для гитары. Прослышав про его интерес, я плотно прилип к нему, взывая к самым высоким чувствам и вымаливая помочь любимому внучку.

Дедушка Шишов и внук. 1963 год. *А.Шишов, А.Шишов*
(Дюдя)

И вот одними пригожим днём Дюдя, повязав новый папин галстук, купив на Соборке букетик цветов и в «Лакомке» плитку шоколада «Алёнка», побрившись в парикмахерской с «Русским лесом» вместо «Шипра», вежливо придерживая дверь, вошёл в музыкальный магазин на Дерibasов-

ской и галантно с улыбкой приподнял шляпу, приветствуя таким старомодным образом молоденьких девушек-продавщиц.

Как и кого он там очаровал, а именно так он добивался успеха у дам, неизвестно, но домой он вернулся гордым обладателем двух комплектов серебряных струн в белых квадратных бумажных упаковках. О таких струнах я и мечтать не смел. Серебряные струны!!! Тут же, вскрыв свой пакетик, я честно отмотал первые три струны и, расцеловав Дюдину седую голову с идеально ровным пробором, торжественно их вручил, всячески восхваляя и превознося его способности и достоинства. Дюдя был страшно польщён, он ходил со счастливой улыбкой и, завидев меня, заговорщически по-товарищески подмигивал, то настоящим тускло-серым, то искусственным светло-голубым глазом.

Но главным козырем нашей музыкальной группы были не самодельные гитары, не сумасшедшее везенье с усилителями и ударной установкой, не Пит с музыкальным образованием, не Кела, лихо стучащий по барабанам, и даже не мой энтузиазм. Главным, чем обладала наша группа, был Митин голос.

Митя пришел в наш класс в октябре семидесятого года, в начале девятого класса. Мы дежурили на Посту номер один у памятника Неизвестному матросу. Утром пришла классная руководительница и привела новенького мальчика. Длинный, худой, светловолосый, с непокорным чубом, назойливо закрывающим лоб, и густыми чёрными бровями. Боль-

шие внимательные синие глаза, девичьи пушистые длинные ресницы, красивая доброжелательная улыбка и неожиданно крупный нос, несуразно, по-взрослому, смотревшийся на детском лице. Он был похож на воробья-переростка. В первый день знакомства наши девочки между собой за рост и худобу окрестили его «вешалкой», а к концу дня за общительность и болтливость «свистком».

На следующий день, уже в морской форме для несения караула, он пришёл с гитарой под мышкой и после утреннего развода, усевшись на стул под стенкой, взял несколько аккордов, посматривая на реакцию окружающих. Брынькать на гитарах тогда было модно, многие из нас тоже знали по несколько аккордов, а мы с Питом так вообще играли в группе, правда, пока из двух человек, но уже репетировали и набирали репертуар. Скепсис исчез, как только Митя запел. Ожидая услышать в лучшем случае что-то похожее на выступление старшеклассников на школьном вечере, я был поражен. Я услышал голос, настоящий, певческий, глубокий, насыщенный, проникновенный и новые, незнакомые песни. У этого мальчика был ГОЛОС. Такого я не слышал никогда, и уже не воробей-переросток пел и играл на гитаре, а мужайущий на глазах, вставший на крыло молодой ястребёнок-соколёнок-орлёнок, обещающий вырасти в большую хищную птицу. Пел про физиков, едущих в смерть, про Ланку, про встречу в скором поезде. Заслушавшись, пропустили смену караула. Классная, спохватившись, что возле памятника ре-

бьята ни за что ни про что простояли два срока, отменила концерт до обеда. От наших девочек никаких «вешалок» и «свистков» я больше никогда не слышал, только: «Димочка, спой, пожалуйста, то, Димочка, спой, пожалуйста, это».

Митя пел – всегда и везде. В караульном отделении между вахтами, уничижительно зыряка на тех, кто решался ему подпевать. По дороге в столовую и обратно, пел у вечного огня с автоматом ППШ на груди, пел в строю почётного караула, печатая строевой шаг по мокрым от дождя плитам с прилипшими жёлтыми листьями. Замолкал только на минуту памяти, замирая вместе со всеми под звуки реквиема и проникновенные стихи Роберта Рождественского: *«Люди! Покуда сердца стучатся, – помните, какою ценой завоевано счастье, – пожалуйста, помните!... Мечту пронесите через года и жизнью наполните! Но о тех, кто уже не придет никогда, – заклинаю, – помните!»*

Так в нашей с Питом бит-группе появился третий участник, а через несколько дней, зайдя ко мне в гости домой Димой, он на долгие годы вышел, с лёгкой руки моей бабушки, Митей.

Бабушка жарила пирожки с мясом и угостила тогда ещё Диму, который, в отличие от меня, не был избалован подобными изысками. Он с жаром набросился на угощение, ни на секунду не переставая нахваливать то бабушку, то пирожки, то её внука, то всех сразу. Растроганная бабуля подкладывала ему только что выловленные из раскаленного масла ма-

ленькие шипящие с тонкой хрустящей корочкой пирожочки, приговаривая:

– Кушай, Митенька, кушай, ты такой худенький.

Второе мая продолжалось. Подключив и настроив под панино гитары, репетицию мы начали с тщательной отработки песни на районный конкурс. Аппаратура возмущалась, показывая всеми своими направленными потоками электронов, что сегодня праздник и нужно отдыхать. Фонила, хрипела, глохла, отключала гитары и микрофоны. Ну как объяснить этим бедным, глупым, отрицательно заряженным элементарным частицам, что мы не работаем? Это у нас такая форма блаженного отдыха – подкрутить ручку громкости до отказа и рвануть по струнам под оглушительный грохот барабанов. Но не сейчас. До этого желанного момента ещё предстоит кропотливая распевка конкурсной песней. До смотра самодеятельности, приуроченного ко Дню Победы, оставалось меньше недели, даже не к одному смотру, а к двум. От школы мы должны выступать в Жовтневом районе, а от училища – в Центральном. Пит, молодец, договорился: мы им выступление под флагом музыкального училища, а они нам – помещение для репетиций и аппаратуру. Нас особо не волновало, почему училище на конкурс не выставляет своих музыкально грамотных студентов, наивно полагая, что наша группа лучше всех. Думаю, ответ на поверхности – они попросту оберегали своих молодых дарований, дабы ненормативными звуками электроинструментов не осквернять и не

испортить слух будущих исполнителей и создателей музыкальной классики.

Песня у нас была патриотической, такой, как требовали условия конкурса. Музыка Пита, слова мои, Митина аранжировка. В четырех куплетах было всё, что доктор прописал: и любовь, и война, и разлука, и победа. Конец, правда, был печальный, но финальное разноголосие на форте вышибало слезу, гарантируя нам невиданный успех. Это была наша первая песня, которая красноречиво доказывала, что мы ничем не хуже «Beatles» и по их примеру вскоре откажемся от чужих песен и будем исполнять только свои талантливые и гениальные. Вторая гениальная песня у нас, правда, никак не рождалась, и мы довольствовались тем, что с нескрываемым удовольствием пели песни наших потенциальных конкурентов, а пока кинетических кумиров «Beatles» и «Rolling Stones».

Репетиция подходила к концу. Обязательную конкурсную песню сменил десерт, привезённый Митей вместе с гитарой из Бобруйска, – свежая композиция малоизвестной голландской группы «Shocking blue». Песня называлась «Венера». Вместе с убойной, заводной мелодией он привёз фирменную гармонию, фирменный бас и английский текст, аккуратно переписанный русскими буквами.

Короткое вступление на ритм-гитаре, глоссандо баса – и понеслось... Все ручки гитар и усилителей выведены до максимума. Пит, чтобы было громче, открыл крышку пианино и

снял переднюю панель. Кела вспотел, неистово избивая натянутую кожу барабанов и латунные тарелки. Вся репетиционная комната наполнилась мечущимися волнами битовых звуков. Мы в каком-то неземном экстазе, счастливо улыбаясь друг другу, с упоением вели свои партии, купались в звуках мелодии. Осознание того, что каждая нота, взлетевшая под потолок, – это наш рукотворный плод, вдохновляло ещё больше. Мы ощущали себя настоящими музыкантами – одной командой талантливых исполнителей. Возбужденный успехом Пит, бросил клавиши и стремительно открыл настежь окно, выходящее на консерваторию, прокричав сквозь шквал электрогитарных звуков:

– Пусть они тоже послушают настоящую музыку.

Не останавливаясь, подряд два раза с начала и до конца мы воодушевленно сыграли зажигательную мелодию «Венеры», с импровизацией в проигрыше и долгими хоровыми а-а-а-а, каждый раз неистово до хрипоты выкрикивая в припеве непонятное сакраментальное слово «шизгара».

Когда была резкой, в тишине комнаты ещё витали замирающие звуки песни. Оглушенные, счастливые и очень собой довольные мы отключил аппаратуру.

– Ну, как эстафета? – спросил меня Пит, закрывая крышку пианино «Украина».

– Какая эстафета? – не понял я. – А, эстафета. Нормально, добежал, Митя видел.

6.5.3. Фарцовка, или Жизнь учит

Этот незабываемый день второго мая, нереально долго растянувшийся во времени, ещё не добрёл до своей середины, а уже был под завязку наполнен сочными эмоциями и впечатлениями. Впереди гвоздь программы – первое в жизни взрослое празднование Первомая с девочками и шампанским.

За полчаса до торжества мужской цвет нашего класса собрался напротив школы, удобно расположившись вдоль отгораживающего тротуар от мостовой металлического жёлто-красного заборчика. Были все, кроме Мити.

Командир отряда юнармейцев 1967 год. *В. Трухнин (Нинба)*

– Бабам нужно купить шампанское, – размышлял вслух Нинба, он же Вова Нинбург, а впоследствии Вова Трухнин, – формальный и неформальный лидер нашего класса в одном лице.

– И тортик, – продолжил мысль Фанат, Юра Афанашенко, получивший свое прозвище за созвучность с фамилией.

За несколько лет, которые Фанат прожил с родителями в Италии, его логичнее было бы обозвать «тифози», но пожалели. Этот спокойный и улыбчивый парень никак не ассоциировался с буйными итальянскими болельщиками.

Карпаты 1972 год. *В.Трухнин (Нинба), А.Шишов, Ю.А-фанащенко (Фанат), Д.Еренков (Митя), А. Твердохлеб.*

– Два тортика, – весомо поправил его круглый отличник Осик Заяц, улыбаясь сквозь очки и от удовольствия потирая пухлый живот.

– А может, три? – что-то прикидывая в уме, сказал Ян Блетницкий, – и еще бутылёк яблочного сока.

– Это у тебя такая спортивная диета? – поинтересовался я и посмотрел на Яна.

Ян, сидя на тонкой верхней перекладине заборчика, ста-

рательно балансировал, вытянув вперед ноги и разведя руки в стороны.

– Надо набирать вес и переходить в другую категорию, – ответил Ян, подающий надежды самбист.

– Да, – продолжил Нинба, – бабам шампанское. Две бутылки хватит, а нам... вместо одного шампанского можно взять три бутылки вина.

– Гм, – отреагировал Фанат, вытирая об штанину вспотевшие руки.

– Похоже, Митю не отпустили, – резюмировал я, вглядываясь в перспективу улицы Ленина, – что-то его не видно. Подождем пять минут и пойдем.

Сладкая с сиропом возле кинотеатра Фрунзе.1971 год.
*Я.Блетницкий (Блетик, Ян), З.Юсим (Зимик), А.Шишов,
О.Алексеев, Д.Еренков (Митя)*

– А вот и он, – радостно вскрикнул Ян, соскакивая с ограждения, – с гитарой.

Сверху, со стороны Карла Маркса, быстро семеня ногами, спешил Митя.

– Курево есть? – на ходу, запыхавшись, спросил он.
У Фаната оказалась начатая пачка «Столичных».

Если быть до конца откровенным, то мы были все некурящими. Эту начатую пачку «Столичных» я видел у Фаната еще восьмого марта на вечере в школе. Один Митя покурил по убеждению, но не часто. Заяц тоже иногда пыхтел, чтобы похудеть, Нинба ещё реже, чтобы не отставать от других, Ян, вообще никогда не курил, он был спортсмен убежденный, я тоже был спортсмен, но менее убежденный, чем Ян, считая, что в малых, редких дозах сигареты безвредны, кроме того, они – незаменимый аксессуар взросления. Предстоящий вечер с девочками, которые тоже тайно покуривали, никак не мог обойтись без объединяющей вредной привычки, сокращающей путь к взаимопониманию. Вынуть из кармана и небрежно бросить на стол пачку «Marlboro» или под восторженный девичий визг ментоловый «Salem» дорогого стоило. Как говорится, свои понты дороже денег.

– Я забежал в ресторан «Украина», – отдышавшись, стал пояснять Митя своё опоздание, – хотел взять штатовских сигарет, там голые ноги. Дядя Костя сказал, что сегодня уже не будет. В «Братиславе» и «Алых парусах» тоже голяк.

– По дороге можем в «Красную» зайти, – предложил я.

– В праздник «Столичные» курить не в кайф, – поддержал меня Заяц.

Так и решили. Вино, шампанское, сок и тортики купили в гастрономе возле «Двух слонов» и, разделив ношу, пошли в сторону гостиницы «Красная». По дороге скинулись на штатовские, они же американские, английские, француз-

ские, но никогда не кубинские и не арабские, сигареты, которыми приторговывали из-под прилавка гардероба по два рубля за пачку все швейцары одесских ресторанов.

Ребята кучкой столпились на углу возле филармонии, а я, взяв четыре рубля, пошёл ко входу в ресторан. Дверь оказалась закрытой. Криво висящая табличка сообщила – «Банкет. Вход через гостиницу». Я постучал в стекло старинной с резными украшениями двери, занавешенной изнутри выгоревшей плотной шторкой, надеясь, что мой коммерческий вопрос банкету не помешает. Глухо, никто не открыл.

Покрутившись для приличия минутку и ещё раз постучав, я вынужден был отступить. Рядом, перед входом в гостиницу стоял швейцар, за стеклом двери мелькнула милицейская фуражка. Что поделать, гостиница «Интурист» – запретная зона. Только для иностранцев. Я вернулся к ребятам на угол.

– Там закрыто, сигарет нет. А вон, кстати, «Интерклуб», – показал я в сторону двора, примыкающего к филармонии, и небрежно добавил, – пойду гляну, есть ли фронцы... Попробую фарценуть.

Уж очень мне хотелось покрасоваться перед одноклассниками. Несколько дней тому назад у меня случился одиночный опыт в этом незаконном промысле. Вечером с приятелями по бульвару мы сидели на скамейке напротив гостиницы «Лондонская», на которой висела чёрная табличка с золотом написанными по-украински словами – «Готель Одеса». Приятели по бульвару – это и не одноклассники, и не

дворовые друзья. Весёлые, хорошо одетые мальчики и девочки собирались вечером, как правило, на одной и той же скамейке Приморского бульвара. При встрече мальчики здоровались по-мужски за руку, по очереди, обходя всех сидящих. Девочки жеманно подставляли щеки, а самых видных, симпатичных и модно одетых ребят, приветствовали коротким поцелуйчиком в губы. Чем занимались? А ничем. Родовались жизни. Рассказывали анекдоты, шутили, беззлобно подкалывали друг друга, много и громко смеялись, пугая гуляющую публику.

Никто толком никого не знал, только имена и прозвища. Из разных школ, даже из разных районов города тянулись сюда вечером потрепаться на скамейке. Были и признанные лидеры, их выделяли пёстрые рубашки с длинными острыми углами воротников. Некоторые были одеты в джинсы или в дефицитные даже для детей моряков джинсовые куртки. В джинсовом костюме был только один – блондинчик моего возраста, но он появлялся редко, тяготее к более взрослым компаниям. Счастливых обладателей джинсы мы завистливо причисляли к «битникам», а себя – бедных, но гордых – к «штатникам». В стиле «штатника» я надевал любимый коричневый костюм, тщательно подобранную к нему бежевую рубашку и тёмно-зелёный галстук с отливом. Комплектный тёмно-зелёный платочек выглядывал кокетливым уголком из нагрудного кармана, на ногах тёмно-зелёные или тёмно-коричневые носки и обязательно коричневые (и больше

никакие) туфли.

Как всегда, мы сидели, заняв всю длину скамейки, смеялись над всякой ерундой и болтали ни о чём. И тут вдруг один из ребят со словами «Ну что, покурим?», как бы в шутку, подошёл к проходившим мимо иностранцам, о чём-то быстро с ними поговорил и вернулся с пачкой американских сигарет. Затем, ради спортивного интереса, попробовал другой, и тоже удачно, сорвав аплодисменты и поцелуй самой Ирки Крыжак – красотки в короткой джинсовой юбке.

– Рыба ты моя золотая, – задумчиво проворковала она, целуя и получая в подарок ментоловый трофей.

Я тоже решил не отставать и, когда увидел приближающихся типичных фронцев-арабчиков в белых рубашках, чёрных брюках-дудочках и блестящих остроносых туфлях, со словами «Это мои!» выждал, когда они с нами поравняются, встал со скамейки и на небольшом расстоянии пошёл рядом с ними.

– Хэв ю бизнес? – спросил я, не поворачивая головы и скривив рот в сторону ближайшего из них.

Видимо, он кивнул, так как я ответа не услышал.

– Хэв ю сигаретс? – задал я второй, полагающийся в таких случаях вопрос.

Услышав в ответ «Yes», я протянул ему на ходу мятый рубль. Араб остановился, неторопливо развернул купюру и, как диковинку, принялся её рассматривать, повернувшись к падающему с фонарного столба сквозь раскачивающиеся ли-

стья каштанов неяркому свету. Что-то сказал товарищу, перевернул рубль, опять внимательно его рассмотрел, зачем-то подёргал в разные стороны, послушал и удовлетворенно кивнул головой:

– Yes, – и достал из кармана наружного кармана белоснежной рубашки пачку сигарет.

Торопливо, ощущая, как с каждой секундой промедления сердце бьется всё сильнее и громче, я схватил сигареты и, оглянувшись по сторонам, резко перепрыгнул через клумбу на соседнюю аллею и быстро пошёл в противоположную сторону. Когда, сделав крюк, я вернулся к нашей скамейке, меня шумно поздравили с почином. Ирка тоже улыбнулась и так повела глазами, что моё перепуганное сердце забилося ещё чаще, только на этот раз от её красоты и внимания в моей персоне. И это несмотря на то, что я в брюках из универмага! Эх, были бы у меня джинсы...

Игра понравилась. Вальяжно развалившись, покуривая душистый табак, все без исключения включились в забаву и высматривали очередную жертву весёлого бизнеса. Но вместо ожидаемых иностранцев появился модно одетый парень, видимо, уже студент. Подошёл и, поздоровавшись со всеми за руку, спросил:

– На продажу сигареты есть?

Только моя пачка была не начата и, подбадриваемый своими подельниками, я передал её студенту, и два рубля тут же легли мне в руку. Посидев ещё немного, обсуждая сего-

дняшний улов, мы разошлись.

Возле самого дома, не выходя из куража, я, до неприличия осмелевший, лихо купил у проходящего одинокого иностранца за рубль пачку «Marlboro». В итоге неожиданный азартный бизнес сохранил мне рубль и принёс пачку сигарет. Чтобы более весомой казалась моя добыча – это целых двадцать сигарет с ароматным табаком из Вирджинии.

Я как-то спросил у своего товарища Гены Гриншпуна – большого знатока еврейского языка:

– Гена, слово «фарцовка» или «фарц» имеет отношение к еврейскому языку?

Я специально не спрашиваю, имеет ли оно отношение к идиш, потому что те слова и выражения, которым Гена меня научил «на идиш», не всегда все понимают, особенно евреи. Или я плохой ученик, или так говорят на его исторической родине в Аккермане. Но я знал твёрдо – только два человека понимали наш еврейский язык. Он – мой, а я – его.

– Азой! – воскликнул Гена, так и не раскрыв мне тайну этого восклицания, и продолжил: – Слушай сюда. Фарц – это значит какать. Но... – он многозначительно поднял брови и, глядя на меня поверх массивных очков, выдержал театральную паузу, затем продолжил:

– Фарценуть употребляется ещё в смысле пукнуть. Но не так, как в пионерском лагере, прошептал под одеялом, навонял и делаешь вид, что спишь. Нет. Фарценуть – это значит смело подойти и вызывающе, дерзко, громко бзднуть и

быстренько свалить. Ты понял разницу?

Не понять было нельзя, но принять без скепсиса тоже. У самого Гены были большие пробелы в идиш. Как он однажды мне рассказывал, ехал он со своим двоюродным братом Семёном в такси, и Сеня его спрашивает:

– Генук. У тебя нэкейва есть? – имея в виду доступную девушку легкого поведения для необременительных сексуальных связей.

Гена слово «нэкейва» услышал впервые, но чтобы не упасть в глазах брата, руководствуясь предлагаемыми обстоятельствами – поездкой в такси и скорой оплатой по счётчику – он с деловым видом проверил свои карманы и со вздохом ответил:

– Ни копейки...

Так вот, решил я на глазах одноклассников проявить свою лихость и фарценуть сигареты. Неторопливо, вразвалочку, как матёрый деловой, направился я вниз по улице Розы Люксембург к входу в «Интерклуб», заинтересованно останавливаясь перед афишами филармонии и исподтишка кося глазами в разные стороны. Прошёлся прогулочным шагом вверх, вниз – никого. Вижу, идёт в клуб по всем приметам фронец. Я подошёл к нему и козырно, красуясь перед зрителями, произнёс набор заветных слов, но, услышав в ответ «No», продефилировал к ребятам и, разведя руками, констатировал:

– Нам сегодня не судьба. Возьмем в будке «болгарию» и не будем терять время.

– А ну, дай-ка мне, – сказал Митя, забирая у меня из рук четыре рубля, – держи гитару.

Мы остались стоять и смотреть, как Митя беззаботно прошёл вдоль филармонии и, подойдя к воротам «Интерклуба», нос в нос столкнулся выходящими оттуда иностранными матросами. Остановились, заговорили, Митя вручил им деньги, затем неторопливо рассовал по карманам сигареты и, улыбаясь, быстрым шагом поспешил нам на встречу.

И тут произошло непредвиденное. Распахнулась дверь билетных касс, оттуда выскочили два человека и заломили Мите руки за спину. Ещё один отделился от большого платана, перебежал через дорогу и встал перед Митей, поднеся к его глазам раскрытое удостоверение. Не давая опомниться, его быстро повели мимо нас по Пушкинской с высоко задранными за спиной руками, заставляя буквально носом цепляться за землю.

– Вы куда? – спросил Нинба, догоняя конвой.

– В милицию, – довольно ответил один из них, – хочешь с нами?

Нинба отстал, но и группа захвата остановилась тоже. Митя упёрся и никуда не хотел идти, они с трудом, всё больше заламывая руки, толкали его вперед. Наконец, все встали. Митя с покрасневшим лицом и вздутой венкой на виске им что-то быстро и напористо говорил. Они долго о чём-то переговаривались, после чего позволили Мите выпрямиться, но рук не отпускали, крепко вцепившись с двух сторон в его

предплечья. Теперь конвоировали Митю по-другому – двое, плотно прижавшись к нему по бокам, а третий, замыкая шествие, семенил сзади и вертел головой, опасливо оглядываясь в нашу сторону.

– Это или тихари, или дружинники, – сказал Ян, – не отстаем, быстрее за ними.

Не зная, на что надеяться, поддерживая заданный блюстителями правопорядка темп, мы шли за ними гурьбой с абсолютно неуместными по такому случаю тортами, вином, шампанским, соком в трехлитровой бутылки и гитарой, которая без Мити почему-то сама не играет.

Митя и компания выглядели странно и комично. Все четверо в костюмах, трое в одинаковых чёрных, как из одного магазина, Митя в сером. Его немного коротковатые когда-то с манжетами брюки, прекратившие, в отличие от Мити, свой рост, открывали очень модные белые махровые носки, впервые надетые по случаю праздника. У всех четверых белые рубашки и галстуки, три узких и один стильный, широкий, в полоску у Мити. Шли торопливо, почему-то в ногу, и только белые носки, выбиваясь из общего стиля, мелькали среди чёрных полуботинок.

– Это же надо, – сокрушался Фанат, – а как все хорошо начиналось.

Нельзя не согласиться с Фанатом, начиналось всё действительно хорошо, даже слишком, но в продолжение им сказанного мои мысли имели совсем другую направленность. Про-

шло уже несколько минут, как Митю задержали, и вдруг я почувствовал по всему телу пробежавший холодок и мелкую, еле уловимую дрожь. Это страх. Я его узнал. Не скрою, в тот самый момент я боялся. Но не за Митю, мне было страшно за себя. Мне просто повезло... Мне просто чертовски повезло, что не я попал в засаду возле «Интерклуба», а он.

Мы продолжали гурьбой идти следом, я смотрел, как ведут Митю и физически ощущал себя на его месте, и мне было от этого не по себе. Везение? Случайность? Приди к «Интерклубу» позже на минуту и тогда мне, а не Мите, попались бы эти злополучные матросы-иностранцы. Сейчас не его, а меня вели бы в полуквартале от собственного дома с заломанными назад руками в милицию. Мне было Митю жаль, очень жаль. Боже! Как же я был близок к аресту! На лбу выступили капельки ледяного пота. Как мне повезло! Угрызений совести не было. Внутри было очень тревожно, сумбурно и неопределённо радостно. Мне было стыдно, но при этом я испытывал огромное облегчение.

Говорят, что история не имеет сослагательного наклонения. Не правда. Уж я-то точно знаю, что бы случилось со мной, если бы я пришел к «Интерклубу» на одну минуту позже. Вот моя история перед моими глазами. Минута. Всего одна минута времени. Конечно, этот маленький временной интервал не критерий судьбы, но, согласитесь, опоздать на минуту и пропустить троллейбус, это не то же самое, что выскочить из окопа, в который через минуту залетит снаряд.

Внутренний голос в образе противного червячка, поедающего мою неокрепшую, как незрелое яблоко, совесть, угодливо успокаивал, нашёптывая счастливый конец этой истории.

Но до счастливого или несчастливого конца было ещё ой как далеко.

Проследовав до отделения милиции на Карла Либкнехта угол Красного переуллка, мы остановились на противоположной стороне улицы, сложили покупки на асфальт и в ожидании неизвестно чего неотрывно всматривались в большую беспрерывно открывающуюся и закрывающуюся дверь под чёрным длинным козырьком, опирающимся на две тонкие чугунные в листиках и завитушках старинные колонны.

– Я не думаю, что его надолго задержат, – сказал мудрый Заяц, – сегодня праздник, будет много и других случаев задержания.

– А что ему может быть? – спросил я.

– Не знаю, может, за родителями пошлют, может, в школу напишут, – предположил Нинба.

– Могут оштрафовать, за это не сажают, – веско добавил Ян.

– Дело дрянь, – посетовал я, – подождем минут двадцать, если не выйдет, я схожу к нему домой. У Мити отчим деловой, придет и вытащит его.

– А от мамыши получит... – продолжил Фанат, живущий с Митей в одном дворе.

– Может, пока сок откроем? – не выдержал Ян. – С тортиком, а? – и посмотрел на Зайца, ища понимание и поддержку.

– И трехлитровый бутылёк будешь пальцем открывать? Или зубами? – рассмеялся Нинба мелким смешком.

Шло время. К милиции подъезжали машины, кого-то привозили, кого-то увозили. Люди входили и выходили, в форме и без. Знакомые, сталкиваясь, поздравляли друг друга с праздником, жали руки, улыбались, смеялись. А вот таких, как Митя, больше не приводили. Наверное, для них ещё слишком рано.

Не прошло озвученных мною двадцати минут, как из милиции вышел наш долгожданный товарищ. Оправил пиджак, подтянул узел галстука, бегло посмотрел по сторонам и, увидев нас, с улыбкой до ушей наперерез откуда-то появившемуся редкому такси перебежал улицу.

– Выпустили? А что будет? Что сказали? В школу напишут? – наперебой посыпались вопросы.

Внешне Митя выглядел бодрым и жизнерадостным. Он совсем не был огорчен и расстроен, а даже, наоборот, чувствовал себя героем и, привычно взявшись большим и указательным пальцами за кончик носа, слегка раздвинул ноздри, резко и громко втянул носом воздух и сказал:

– Так, по порядку. Дайте закурить, и пошли быстрее, опаздываем, расскажу по дороге.

Обступив его со всех сторон плотной шеренгой, не об-

ращая внимания на прохожих, пытающихся нас обойти, мы шли, перегораживая тротуар, и внимательно слушали, ловя каждое слово.

– Привели меня, значит, эти козлы в милицию. Я ещё по дороге им сказал, если не перестанете заламывать руки, лягу на землю, и будете нести на руках. Послушали. В общем, привели меня в дежурку, а там сидит мой знакомый милиционер по делу о часах. Увидел меня и спрашивает:

– Ты что в праздник явился за своими часами?

– Нет, – отвечаю я ему, – меня на фарцовке повязали.

– Где взяли? – спросил он у сопровождающих.

– Возле «Интерклуба», товарищ старший лейтенант.

Тут он на меня так выразительно посмотрел, вздохнул, покачал головой, потом говорит:

– У тебя мозги есть переться к «Интерклубу»? Много нафарцевал?

Я достал из карманов один «Dunhill» и один «Rothmans» в плоских квадратных пачках.

– Пошли за мной, – сказал следователь, и мы поднялись к нему в кабинет.

– Сигареты на стол, – распорядился он, а сам достал папочку на завязочках с надписью «Осик».

Папочка та же, но толстая, в размер хрестоматии по русской литературе. Дает мне бумагу и говорит:

– Пиши заявление.

И я написал заявление, как диктант, что к этому «Осику»

претензий не имею. А мент пояснил:

– Мы Осипова уже закрыли и очень надолго. У нас и без твоих часов геморроя хватает. Так что иди, внизу скажешь, что я тебя отпустил. Мою фамилию помнишь? И шоб я тебя, фарца малолетняя, здесь больше никогда не видел. Проблемы гарантирую. И запомни, фарцовщики только по первому разу сюда попадают, во второй раз уже проходят по другому ведомству и пишут подробные отчеты о связях с иностранцами. Догоняешь? Свободен.

– А сигареты взять можно?

– Пошел отсюда...

– Вот так я и выскочил, – гордо окончил Митя. – Бог с ними, с часами, зато у меня теперь в ментовке есть свой человек.

– Вон будка, возьмем пару пачек «Ту-134», – предложил Фанат, указывая в сторону «Военторга».

– А зачем? – барственно протянул Митя и с ловкостью фокусника достал из боковых внутренних карманов пиджака две пачки «Winston». – Опа! Они же, козлы, меня даже не обшманали.

Радостный крик заставил вздрогнуть прохожих, и тут Митя что-то вспомнил, посерьёзnel, повернулся ко мне и тихо, но внятно проговорил:

– На выходе из милиции мне попались тихари, ну эти твари, которые меня взяли. Так один из них про тебя тоже сказал: «Жаль, что дружка твоего не повязали, мы его уже

несколько дней пасём. Передай ему, что скоро встретимся». Так что, скажу я тебе, ну его всё в болото... Будем у дяди Кости в ресторане покупать в два раза дороже, но без всех этих стрёмных проблем.

– Я тебе больше скажу, – доверительно подхватил я, – тебя ещё вели в милицию, а я уже навсегда завязал с фарцовкой.

А что касается вечеринки с девочками и шампанским, то их потом было так много, что эта, первая, к сожалению, потеряла свою индивидуальность и затерялась в мусоре памяти. Конечно, она отличалась от остальных, хотя бы тем, что мы её едва не пропустили.

7. Ёлки и палки

Бессонная ночь в плацкарте, а затем, на контрасте, обволакивающий домашний уют. Тапочки, горячая ванна, вкусная еда, чистые простыни, долгожданное, особенное, чувственное тепло, долгий непробудный дневной сон, и кажется, что события последних дней приснились. Не было ни Харькова, ни казённого общежития, ни коменданта с членом парткома, ни толчеи аэропорта и вокзала, не было вагонной вони и паноптикума храпов – был бесконечный длинный странный сон, оставивший неприятный осадок, на смену которому пришло радостное ощущение от пробуждения в собственной постели.

Харьковские проблемы и зависшие без ответов вопросы взяли тайм-аут. Им на смену тут же, как только открыл глаза и осознал своё географическое место на глобусе, пришла одесская предновогодняя суета.

Место проведения Нового года было известно задолго до наступления зимы, состав провожающих старый и встречающих новый год с точностью до плюс-минус шести человек тоже. Остался символический пустячок, без которого Новый год теряет свое очарование, – купить ёлку и под неё подарок.

Двадцать девятое декабря – последний день, последняя возможность покупки подарка, если он не был приготовлен заранее. До утра тридцатого можно, конечно, подумать на

эту тему, но результат реализации планов асимптотически стремится к нулю. Но по большому счету – это уже цейтнот, откладывать некуда. Почему же человеку, де-юре находящемуся в Харькове, а де-факто в Одессе, не потратить полный свободный день на благое дело и не купить подарок? Кстати, ёлка, новогодний стол, дефицитные продукты и шампанское – это тоже вариант новогодних подарков, но очень жадных и ограниченных людей, к которым я себя, естественно, не отнесил.

Ёлка. Нужно купить ёлку во что бы то ни стало. Не путать с расхожей фразой «сколько бы она ни стоила».

Второй троллейбус довез меня до «Синтетики» на углу Дерибасовской и Ленина. Эх, *«Как на Дерибасовской угол Ришельевской, в восемь часов вечера разнеслася весть...»*. Я ступил на тротуар в приподнятом настроении, с твёрдым намерением обойти все вероятные точки подарков на Главной Улице Одессы, не торопясь дойти до Нового рынка и, в конце концов, купить там ёлку.

Магазин «Синтетика» ничем, кроме мыльниц, расчёсок, клеёнок и прочих целлофановых фартуков как достижение новаторской химической промышленности, удивить не мог, поэтому свой обход я начал с того, что немного вернулся назад по ходу троллейбуса, к перекрёстку.

Угловые колбасный магазин, банк и кулинария однозначно не привлекательны для поиска подарка. Тут надо знать точку – маленький комиссионный магазинчик возле «Сне-

жинки».

Протиснуться сквозь скопление зевак к прилавку всегда сложно. Но именно там, на границе бедности и богатства, происходили приглушенные важные разговоры между продавцами и их знакомыми. Как бы невзначай, заинтересованно рассматривая что-то на витрине за спиной продавца, при определённой доле удачи, из их тихого, доверительного разговора можно почерпнуть ценную информацию о ближайших поступлениях.

Мне повезло, я пролез почти вплотную и обратился в слух. Хорошо поставленным внятным шёпотом продавщица по секрету, перегнувшись к уху покупательницы, излагала перечень товаров. Из списка принятых на комиссию, но ещё не оформленных вещей меня заинтересовала зелёная водолазка за двадцать пять рублей, которая не раньше завтрашнего утра (может быть, если заведующая её не продаст своим клиентам) поступит в продажу.

На улице было холодно и сыро, около нуля. Привычная зимняя одесская погода. Пронизывающий тонкий ветерок с моря въедливо пробирался сквозь капусту одежды и принимал до костей ползущим ледяным ознобом. Небо низкое, серое. Облака сдержанно пропускали тусклый дневной свет без намёка на прояснение. Казалось, что подслеповатый сумрак, безжизненный и скупой, окрасил исключительно в серые тона спешащих людей, снующие автомобили, продуваемые улицы, мокрые, в потёках фасады домов, голые зябну-

щие деревья, обнесенные ноздреватыми горками умирающего грязного снега.

Плотно обмотал шею теплым шарфом и, вдыхая этот южный, ни с чем не сравнимый холодный, влажный, простудный, с привкусом моря и автомобильных выхлопов городской воздух одесской зимы, наслаждаясь видом домов, прикрывших своё летнее очарование угрюмым палантином бесцветного дня, радостно чувствуя всеми клеточками организма долгожданную ауру родного города, я по-деловому, с неувовимо легким налётом напускной праздности, вышел на Дерибасовскую.

Этот целеустремленный обход по намеченным торговым точкам в рамках поставленной задачи – покупка новогоднего подарка – с высокой вероятностью был предсказуемо безуспешным и всё же носил элементы надежды и неопределённости, делая его похожим на игру «верю-не-верю».

Первый по ходу большой угловой банк – отпадает. Магазины «Военная книга» и «Политическая книга» – даже не захожу, не верю, отпадают. Ресторан «Братислава», бывший «Юбилейный», – на первом этаже кулинария и кофе эспрессо, верю, кофе сильно разбавлен водой, тоже верю, но трачу пять минут на небольшую очередь и маленькую чашку. Предчувствия не обманули – кофе невкусный и почти прозрачный.

Через дорогу «Лакомка» – верю, зашёл, посмотрел. «Птичьего молока» нет, «Стрелки» тоже нет. Следующий магазин

галантерейный, «Берёзка». К валютным «Берёзкам» никакого отношения он не имеет. Чтобы выезжающие на работу за границу москвичи и прочие валютные гости Одессы сразу же почувствовали разницу, назвали его «Берізка» (укр.). Слабо верю, но зашёл. Ничего интересного, обычна толчея.

Быстро проскакиваю мимо магазинов «Куюльник» и фототоваров «Спутник». За ними летний кинотеатр «Комсомолец». Я аж вздрогнул, представив себя примёрзшим к ледяной скамейке с мороженым, в рубашечке с короткими рукавами, сидящим перед экраном. Затем «Дом обуви» – не верю, мимо. Угловой гастроном, тоже мимо.

Так, а что осталось на противоположной стороне? После стеклянных, по-современному стильно скошенных, витрин ресторана «Алые паруса» много полезного, но ничего нужного: фотоателье, аптека, оптика, музтовары, пуговицы «Гудзики», цветы, колбасный, кафе «Морозиво», сберкасса, молочный и «Овощи-фрукты».

Двигаюсь дальше, проскакиваю мимо ювелирного – верю. Даже уверен, что есть в продаже подарок, но всё очень дорого. За любыми недорогими украшениями хвост очереди уже давно был на улице – не верю. Гостиница «Спартак», за тяжёлой дверью мраморные ступени на второй этаж, швейцар разводит руками – сигарет нет.

Повернул на площадь Мартыновского, там два букина, по десять минут на каждый, кое-что за приметил, если не получится с водолазкой, есть варианты, уже радуется.

Вернулся на Дерибасовскую к «Дому книги», в отделе искусств чёрно-белые альбомы с репродукциями картин «Эрмитажа», блеклые, выхолощенные. Из художественной литературы только классики из школьной программы и неизвестные авторы в запылённых обложках. Люди возле прилавков не толпятся, значит, дефицита не будет – народная примета.

Опять на улицу и вперед. «Золотой ключик» обрадовал большой очередью за большими коробками конфет, надо взять на заметку. Гостиница «Большая Московская» – не надо. Кинотеатр «Хроника» – не уместен, как и выглядывающий из-за угла «Гамбринус».

Напротив, на другой стороне Дерибасовской: кафе-мороженое, кинотеатр «Маяковского», Горсад, фотоателье на лесенке, «Медицинская книга», на углу «Радуга» ювелирторга – не верю.

Впереди «Пассаж» – самое реальное место что-то найти. Маленькие магазинчики, спрятанные за огромными стеклами витрин и старинными резными дверьми, встречали теплом после промозглой улицы и тут же провожали, демонстрируя массу полезных, но не пригодных для подарка товаров. Обойдя практически все лавки под пристальными взглядами пыльных полуодетых античных кариатид, задумчиво стоящих между окнами второго этажа, и более откровенно обнажённых женских скульптур, присевших на край балконов, я вышел через второй вход на Советскую Армию, не упустив возможности на прощанье полюбоваться огром-

ным стеклянным потолком центрального зала, как образцом инженерной мысли собратьев Эйфеля.

Справа «Гастроном № 1» – не верю, слева спорттовары «Спутник» – тем более.

По Садовой в сторону Нового рынка, как вариант, галантерейный магазин после аптеки «Гаевского», но, уловив тенденцию продаж в этот предпраздничный день, – не верю. Дальше по ходу улицы на углу кулинария с вкусными пирожными, а если завернуть за угол и пройти один квартал, можно попасть прямо в наш холодильный институт, но там меня видеть не должны, я в Харькове.

А что впереди? Ремонт обуви с большим котом в сапогах, парикмахерская на ступеньках, главпочтамт и, собственно говоря, всё.

Пройдя короткую, даже по одесским меркам, улицу Садовую, я наконец-то достиг Нового рынка и с уверенностью, что именно здесь мне всё-таки сегодня повезёт, быстро прошёл через главные ажурные ворота.

Найти место продажи ёлок удалось, но с одной существенной оговоркой. Загончик, устланный зелёными иглами и обрывками маленьких веточек, был, замок на нём висел, а продавцов или хотя бы одной заваливающей ёлки не было. Обойдя вокруг, надеясь выяснить перспективы продажи важного новогоднего атрибута, я получил чёткий и исчерпывающий ответ.

– Еще вчера все ёлки продали, и до следующего года не

будет, – чему-то радуясь, сообщила торговка кислой капустой.

– А может, где-то ещё продают, не знаете?

– Может, и продают, вон там под навесами, – кивнула она головой в сторону рядов и неожиданно громко, жизнерадостно закричала, – капусточку, кому капусточку, недорого.

«Спекулянты», – понял я, как только подошёл поближе.

Двухметровые, большие ёлки продавали по семь-восемь рублей, средние по пять-шесть, а других, собственно говоря, и не было.

«Хороший навар, при гоцене рубль двадцать за метр», – подумал я, обходя продавцов.

Дешевле пяти рублей ничего не было, и я забрёл под навес между двумя пустыми рядами. В дальнем конце, в полумраке, вырисовывалась фигура с невысокой, в мой рост, ёлкой, бережно удерживаемой за ствол дядечкой в темном пальто и фуражке. Ёлка была в меру пушистой, однобокой, это нормально, если поставить в угол, с надломленной верхушкой, в самый раз, чтобы надеть ёлочную звезду из бусинок и стеклярусов.

– Сколько? – спросил я, не переставая рассматривать ёлку.

– Пять, – ответил дяденька и добавил, – красавица, – и для убедительности гордо, любуясь, поднял её на вытянутой руке.

– Три, – сказал я для начала, готовый отдать четыре.

Дяденька взялся за козырек, приподнял фуражку, почесал темечко, резко нахлобучил её обратной и, махнув рукой, в сердцах сказал:

– А давай... А то до дома пора, на электричку не успею. Только веревки обвязать нету, – добавил он.

– У меня есть, – обрадовался я и, всучив трояк, схватил ёлку.

Связывать разлетающиеся колючие лапы было неудобно, ёлка стремилась вывернуться, упасть, хлестнуть по глазам и больно кольнуть уши. Пришлось выйти на свет поближе к людям, надеясь на чью-то помощь. То, что я увидел у себя в руках, выйдя из-под навеса, привело меня в ужас. Ёлка та же, в мой рост, однобокая, с поломанной верхушкой, но иголки не тёмные, красивые, какими выглядели в полумраке, а ржаво-зелёные, с жёлтыми засохшими концами, старые, шумно опадающие при резком движении. А дяденька? Я резко повернулся, взглядываясь в полумрак под навесом, – его и след простыл.

– Вот дебил... Бля-я-я-я... – то ли про него, но в большей мере про себя, вырвалось вслух.

Непроизвольно вылетевшее, тягучее и неприличное «Бля-я-я-я...», в полной мере относилось и к ёлке, которую я ещё раз внимательно и критически осмотрел. Окинул я этот хвойный кактус свежим, по-новому здоровым, не суетливым, взглядом и понял: меня надули, причём самым тупым, бессовестным образом. Очевидным было ещё и то, что этой

«красавице» не суждено быть украшением праздника.

«Сам виноват, – ругал я себя, – заплати пять рублей, выйди ёлку на свету, осмотри, рассмотри, разгляди, да всё что угодно делай, укуси и потряси, в конце концов, но купи нормальную. Сэкономил, ничего не скажешь. «Скупой платит дважды». Сколько раз Мосик повторял».

Я уже посматривал по сторонам, надеясь найти место, куда её выбросить, но тут ко мне пошел мужчина и спросил:

– Почем ёлка?

– Пять, чтоб отдать, – не моргнув глазом, ответил я.

Мужчина, наклонив голову на бок, с подозрением взглянул на неё ещё раз.

– Подумаю, – пробурчал он и боком попятился, не отрывая взгляда от ошетилившихся веток.

– Я уступлю... – крикнул ему вдогонку.

Он лишь кивнул головой и удалился рассматривать других представителей ёлочных питомников, в ряду которых по неосторожности оказался и я со своим чудовищем.

– Сколько? – услышал я вопрос, и, не оборачиваясь, ответил:

– Прошу пять.

– А отдать?

– Тоже пять, – весело ответил я и повернулся к молодой паре, робко приценивающейся к ёлке.

Серьезный вид, с каким они изучали моего уродца, меня окончательно развеселил:

– Утром продавал по десять. Одна осталась, поэтому и прошу, и отдаю по одной цене – всего пять рублей. Даром, – всё больше вживаясь в образ прожженного спекулянта, доверительно поведал я им.

В двух парах устремленных на меня глаз я увидел растерянность и готовность купить моего колючего монстра. Они переглянулись, парень уже полез было в карман за деньгами, и тут мне стало их жалко. Купят, испортят себе праздник.

– Извините, ребята, не продается, сам купил, – улыбнулся я и добавил, – неудачная шутка.

– Так вы не продаете? – робко переспросила девушка.

– Это моя ёлка, – повторил с нажимом на «моя».

Ребята, так ничего и не поняв, пошли дальше вдоль ряда продавцов.

Подъехали рыжие «Жигули», тройка. Из открытого водительского окна высунулась голова в мохнатой лисьей шапке:

– Сколько хочешь?

– Пять.

– Даю четыре.

– А если бы я сказал шесть, давали бы пять?

– Ну.

– Тогда шесть.

Голова рассмеялась и исчезла, машина тронулась.

«Что ж он уехал, я бы за трёшку отдал и не мучился», – разочарованно подумал я.

Желание играть в торговца ёлками улетучилось, отдам

её первому, кто подойдет, решил я, критически осматривая своего колючего мучителя. А нет, так выброшу и куплю новую.

Подошли мужчина с женщиной:

– Продаете?

– Могу продать, если попросите.

– Сколько?

– Три и забирайте.

Мужчина взглянул на женщину и спросил:

– Берем?

Она кивнула головой и ответила:

– Бери, а я схожу в мясной, потом приду и подпишу протокол.

Её последнее, тихое, ключевое слово я-то услышал, но пропустил его мимо мозгов.

Мужчина достал три рубля и протянул их мне. Моя ёлка вызвала интерес: её обступили новые, внезапно подошедшие покупатели, заслоняя собой чахлое солнце.

– Не продается, – сказал я зевакам, протянув руку за трёшкой.

Как только я взял три рубля, мужчина с видом факира, извлек красную книжечку с золотым гербом СССР на обложке и, помахав в раскрытом виде перед моим носом, сказал:

– Пройдемте, гражданин.

Любопытные покупатели, которым я только что говорил, что ёлка не продается, резво, с каким-то непонятным мне

удовольствием, схватили меня за руки и повели. Вели долго, через весь Новый рынок. Один внештатный сотрудник, он же тихарь – с одной стороны, второй – с другой, кто-то ещё топтался сзади, а между ними я, собственной персоной, – ёлка в одной руке, три рубля в другой.

– Вон, смотри, спекулянта поймали, – услышал я сквозь тяжёлый звон в ушах, не покидавший меня с момента, как увидел милицейские корочки.

Я шёл, ничего не видя перед собой, не чувствуя ног. Ощущение нереальности было основным, заполняющим сознание. Ситуация не уместалась в рамки разумного, не поспевала за скоротечным, контрастным перерождением бабочки в гусеницу. Перерождением из надуманного весёлого, жизнерадостного, лихого театрального образа доброжелательного продавца ёлки в затравленно шагающего под конвоем в милицию спекулянта. Возникла иллюзия сна, причем сна недавнего, свежего, резонирующего с искаженной реальностью, с еле уловимой, летучей подсказкой в подсознании о том, что со мной это уже было. Меня уже точно так же вели, взяв под руки, в милицию. Совсем недавно, вчера или позавчера – во сне. Так же пересохло во рту, такие же суматошные мысли и так же было невыносимо безысходно.

Нужно только проснуться, открыть глаза, и этот старый сон прервется, испарится, уступая место следующим короткометражным сериям мимолетных впечатлений. Я инстинктивно ещё шире открыл глаза, отгоняя наваждение, но ниче-

го не менялось. Я по-прежнему плёлся с ёлкой и тремя несчастными рублями в отделение милиции.

Какая-то малосильная мыслишка, пытаюсь пробить ступор, охвативший меня, слабо промелькнула, отскочила от тупого мозга и потерялась. Изловить, удержать и понять её показалось мне очень важным, но она не давалась, выскользывая, всё более удалялась, унося с собой какое-то очень важное сообщение. Информацию, способную прекратить этот кошмар, подсказать, как мне, уже не раз и не два переживавшему подобную ситуацию, нужно из неё выпутываться.

Маразм какой-то. Со мной такого не было никогда. Это бесовщина. Это продолжение ночных бессонных воспоминаний в плацкартном вагоне Харьков – Одесса. Бумеранг впечатлений. Кривая ухмылка ничего не прощающей судьбы:

– Ты испытывал облегчение, когда не тебя, а Митю задержали за фарцовку? Теперь сам почувствуй, испытай на собственной шкуре. Последствия только иные. Для девятиклассника одни, для пятикурсника, ой, совсем другие.

Последствия – вот что пугало более всего. Ускользающая мысль замерла и оказалась конкретным руководством к действию – надо бежать. Надо бросить ёлку, вырваться и бежать. Поздно...

Одноэтажный домик с вывеской «Милиция» я проходил сотни раз и никогда как законопослушный гражданин не об-

ращал на него внимания. Теперь же, поднявшись на несколько ступеней, меня туда завели и, отпустив руки, подтолкнули к открытой двери одного из помещений. В небольшой комнате стоял письменный стол, ряд стульев вдоль решетчатого окна, выходящего на серую стенку, большой сейф в дальнем углу и трехногая вешалка возле двери. Вслед за мной вошел мужчина-покупатель злополучной ёлки и один из его помощников.

У покупателя под чёрным гражданским пальто был милицкий китель с лейтенантскими погонами. Я посмотрел на брюки – они были форменные, с лампасами. И это меня прибило ещё больше, доказывая, что уже однажды произнесенное слово «дебил», как никогда точно, нашло своего адресата.

– Это недоразумение, – начал я быстро оправдываться, просительно прижимая к груди шапку, пока лейтенант проходил мимо меня к столу. – Понимаете, я купил эту ёлку десять минут тому назад за три рубля под навесом. Там было темно. Вынес на свет, увидел, что она старая, вот смотрите – вся сыпется. Что делать? Решил выбросить. Тут вы подходите, спрашиваете: «Сколько?», я и говорю: «Три рубля». Вот они.

– Деньги забери у него, – распорядился лейтенант, обращаясь к своему помощнику.

– Да я сам отдам, – опередил я «тихаря» и положил три рубля на край стола.

– Документы есть? – спросил лейтенант, снимая колпачок авторучки и разглаживая лежащий перед ним чистый лист бумаги.

– Нет, – уверенно покачал я головой, – поймите, это недо-
разумение...

– Фамилия, имя, отчество, – прервал милиционер.

Я назвался и тут же пожалел... Надо было представиться вымышленной фамилией, у меня всё равно нет с собой ни студенческого, ни паспорта. От своего очередного промаха мне стало ещё противнее и горше.

– Работам, учимся?

– Учусь, студент, пятый курс, – почему-то думая, что это растрогает, добавил я.

– Учился, – назидательно поправил меня лейтенант, – напишем сопроводилку в институт, за спекуляцию выпрут из комсомола и автоматом из института.

– Так я же не спекулировал, – с жаром бросился доказывать я, – поймите, я купил за три рубля и продал за три рубля, спекулянты на перепродаже зарабатывают, а я нет. Ну, посмотрите на меня, разве я похож на спекулянта?

"Спекулянт ёлками" на Дерибасовской. 1976 год. *А.Шишов*

Вот это было лишним. Конечно, никто на базаре не спекулировал ёлками в рыжей ондатровой шапке, коротенькой тёмно-коричневой югославской дублёночке, исландском шерстяном шарфе, американских джинсах, итальянских кожаных полусапожках и в японских часах «Orient», которые я тщательно скрывал, натягивая рукав толстого модного полосатого свитера.

И на студента, живущего на стипендию, я тоже был не похож. Не вдаваясь в детали, я всегда мог объяснить свой благополучный вид заботой родителей, повышенной на пятом курсе стипендией и зарплатой по НИСу в лаборатории криомедицины. Только кому это интересно?

Если не для печати, то я всячески одобрял привитую моим родителям в Одессе народную мудрость – дети должны выглядеть не хуже других. Тем более им было с кем меня сравнивать. Это чтобы я был «не хуже других». Каждодневно перед глазами папы и мамы имелись живые примеры – моя сестра, одевающаяся в привезенные из-за границы вещи её плавающей на круизном лайнере «Шота Руставели» свекровью, а также муж сестры Алик – завянутый любитель импортных «прикидов», заграничных дисков и редких сигарет «Peter Stuyvesant». И раз меня не удалось убедить покинуть

родное гнездо, чтобы облегчить жизнь родителям (как увещевал меня папин товарищ Семен – «ошибка авиаций»), и я не поступал в лётное училище на казённые хлеба, то приходится меня обеспечивать. И хуже того – потакать моей пагубной привычке добротнo и модно одеваться, исподволь привитой моими ближайшими родственниками – старшей сестрой и, особенно, её мужем, модником до седых волос.

Был у меня ещё один источник доходов – халтуры для заочников. Курсовые работы по «Деталям машин» и «Теории машин и механизмов», задачки по той же «ТММ» и «Сопроамату», но это не для милиции, заработок-то незаконный. Не так давно, между делом, халтурка подвалила по «Деталям машин» – четыре ватманских листа, это двадцать четвёртый формат, по двадцать пять рублей, плюс записка рубль лист. Итого, за одну неделю месячная зарплата инженера. Не хило. Скажете легко? А попробуй эвольвенты по точкам построить, план скоростей, план ускорений, зубчатое зацепление прорисовать, редуктор рассчитать и вычертить? Кто-то гуляет, кто-то собирает диски, книги или марки, а я люблю модно одеваться. Погулять, конечно, тоже люблю, грешен. Коллекционирование, в привычном понимании этого слова мне также не чуждо. Не считая забытого детского увлечения красочными марками, у меня есть абсолютно бесплатное хобби – обклеивание раздвижной плоской двери в туалет коробочками и пачками от различных табачных изделий, пока только изнутри.

В душе я, конечно, охотник, только ружья никогда в руках не держал и охочусь не в полях, лесах и на болотах, а в джунглях. Городских. Покупка новой шмотки ничем не уступает охоте на дичь или кабана. Есть азарт поиска и преследования. Нужно аккуратно подойти к продавцу, войти в доверие, понять, что за «зверь» перед тобой. Кинет, не кинет. Нужна выдержка, чтобы не купиться на первое же попавшееся, а потом долго сожалеть. Необходим зоркий наметанный глаз, чтобы распознать фирму и не нарваться на самопал. Сообразительность, чтобы купить подешевле и, самое главное – опыт, безошибочно выводящий на места обитания «дичи».

Из различий – это то, что стреляешь не патронами, а деньгами, и не из ружья, а, само собой понятно, из кошелька. И к добыче отношение другое. Её не нужно тут же освежёвывать и употреблять безвозвратно в пищу. Свой охотничий трофей я могу поносить недельки две-три, отряхнуть его «вздохмаченную шкурку», придать товарный вид и продать другому охотнику или любителю лёгкой наживы, опять зарядив свой финансовый патронташ для следующей охоты.

– Шапку не ломай, мы не баре. Содержимое карманов на стол, – скомандовал лейтенант, критично осмотрев мой внешний вид.

На стол торопливо укладывались один за другим в маленькую кучку: сигареты, спички и троллейбусный билет из дублинки; ключи от квартиры, сложенная пополам десятка и ещё несколько смятых рублей из боковых карманов джин-

сов. Задние карманы проверил – пустые, из «пистончика» для мелочи с трудом, двумя пальцами, извлек ключик от чемодана.

– Ключ от машины, – восторженно закричал работник в штатском, бросился к столу и схватил маленький плоский ключик, – где стоит машина?

И уже, обращаясь к лейтенанту, с энтузиазмом продолжил:

– У него в машине остальные ёлки, он их по одной выносит на продажу. Спекуляция в крупных размерах. Где машина?

– Это ключ от чемодана, – разочаровал я его, – а машины у меня нет, езжу на троллейбусе, вон билет. И прав у меня нет, не то что машины.

– Ладно, чего тянуть, – прервал лейтенант, – письмо в институт напишем, копию протокола приложим и всё, пойдешь кирзой землю топтать.

– Кирзой уже не получится, – с вызовом ответил я ему, – я уже военный билет получил, лейтенант запаса, военно-морской флот.

– А может, мы это... – начал тихарь и, подойдя к милиционеру, что-то зашептал ему на ухо, поглядывая на мои сиротливые десять рублей, лежащие на столе.

Пока они переговаривались, у меня созрел план. Отпускают, быстро заскакиваю домой, беру вещи и в аэропорт – на Харьков сегодня ещё два самолета. В Харькове хватаю такси

и в общежитие. Там напишу какое-нибудь заявление (придумаю по дороге) в двух экземплярах и бегом к коменданту. Отдам под роспись. А потом, если что, вызовут в деканат или в комитет комсомола, так я был в Харькове на практике, вот доказательство. В Одессе на Новом рынке меня не было, ничего не знаю, кто-то назвался моим именем, а вызовут на очную ставку, тоже выкручусь, коротко постригусь, скромно оденусь и пойду в отказ. Может, и похож кто-то на меня, потому и назывался моим именем, но я-то был в Харькове, вот заявление от двадцать девятого декабря и подпись коменданта. А наш общий список на отъезд из общежития? На то он и общий, все поехали, а я остался, приболел, а врача не вызывал. Или ещё что-то соображу.

Мир как-то сам по себе посветлел и, понимая, что здесь ничего никому не докажу, я терпеливо ожидал окончания позора, чтобы сорваться восвояси. Совещание закончилось, милиционер выпрямился на стуле и указал подбородком своему шептуну на дверь:

– Выйди.

Мы остались вдвоем. Если он хочет десять рублей, пришла мне здравая мысль, так ради Бога, сколько угодно, но предложить их боязно, взятка!!!, и я обратился в слух.

– Так говоришь, студент, а не спекулянт, – начал издали милиционер.

– Послушайте, – перебил я его, – вы лейтенант, я лейтенант. Как офицер офицеру говорю, я купил эту ёлку за три

рубля, за три рубля её вам и продавал, я не спекулировал.

– Госцена этой ёлки, – спокойно проговорил офицер, – один рубль восемьдесят копеек, это раз. Продавал за три, а это спекуляция, два. Торговля в неположенном месте, это три, а не дай Бог, ёлка краденая, это мы выясним, то ещё и сбыт краденого, четыре. А это статья уже из уголовного кодекса.

Вот тут мне стало по-настоящему дурно. Перед глазами проскочил институт, в котором не доучился полгода, неминуемое исключение, в лучшем случае армия, в худшем ещё и судимость. У меня подкосились ноги, и я сел на стул.

– Что же делать?

Милиционер ничего не ответил, он молчал, казалось, к чему-то прислушивался, постукивая ручкой по листу бумаги с моей фамилией.

Так выглядит гнетущая пауза. Абсолютная тишина разума.

Отчаявшись, видя, что мои слова и увещевания не имеют никакого действия, чувствуя, как туман застилает глаза и в ушах возникает нарастающий давящий звон страха, я неожиданно выдохнул из себя:

– Заберите всё, что есть, – и подвинул к нему горку личных вещей.

– Всё? – поинтересовался он.

– Кроме ключей, – и помедлив, как бы шутя, добавил, – и одной сигареты.

Опять пауза. Пройдёт, не пройдёт? Возьмёт, не возьмёт?

Милиционер испытывающее посмотрел на меня, перевел взгляд на деньги, потом на ёлку, стоящую в углу возле вешалки, потом опять на меня.

Ещё раз, прочитав запись, он сложил листок бумаги пополам, потом ещё пополам и разорвал на несколько частей.

– Свободен, – процедил он, не спуская с меня немигающего взгляда.

Поначалу я опешил и тупо смотрел на него, затем сообразив, что нужно ковать железо пока горячо, подхватился, спрятал ключи в карман и выбил из пачки сигарету.

– Вещи свои забирай, не разбрасывай. Всё забирай.

– А, э... – указывая на десятку.

– Я сказал всё.

– Спасибо, – не веря своему счастью, прохрипел я, – большое спасибо, – и быстро, не застегиваясь и не надевая шапку, поспешил на выход.

– Стоять, – услышал я за спиной команду инквизитора в погонах.

Я медленно повернулся, решительно понимая, что, если что-то опять не так, то я сбегу, сладкое слово «свободен» было уже сказано. А если не сбегу и задержусь ещё на несколько минут, то я попросту не выдержу. Упаду и умру.

– Ёлку не забудь забрать, – криво усмехнулся лейтенант с самодовольным, иезуитским удовольствием растягивая мой страх и унижение.

Злополучная ёлочка, как я сразу же определил после того, как вынес её на свет Божий, так и не нашла своего пристанища в тёплом углу на паркетном полу, прогибаясь ветками под тяжестью игрушек и гирлянд. Но слегка попутешествовала в качестве колючего вещественного доказательства бездарно пропавшего дня. Проехалась она со мной на троллейбусе, исподтишка больно покаявая зазевавшихся пассажиров, прошла пешком по улице, гарцуя на мне как на лошади, перекидываясь с плеча под мышку, потом опять, с элементами джигитовки на плечо, затем вниз, чтобы немного покачавшись в опущенной руке, снова взвиться вверх. Остановилась, шатко опираясь на тонкий ствол перед воротами моего дома, и замерла в раздумье.

О чем могло думать безмозглое дерево? Наверное, о том, что предательство не прощается (нет, не её, а мужичка в кепке, debil, бля...), и не судьба ему (дереву), в лесу родившись ёлочкой, приносить радость, проведя последние дни своей обрубленной жизни в окружении праздника. Росла в глуши, срубили, потом забыли, вспомнили, бросили в кучу таких же, как она сама, только пушистых и зелёных, и повезли. Из светлых воспоминаний остались сумерки Нового базара, пыльный угол в милиции и увлекательная, с подколками, поездка в троллейбусе. Всё. Конец карьере, дальше, как не скачи и не тряс иголками, не понесут.

«Оставлю-ка я её в подъезде, – подумалось мне, жалея ни в чём не повинную свидетельницу моего позора, подругу за

три рубля, – будет кому-то подарок. Идут люди, Новый год на носу, а ёлки нет. Тут заходят в подъезд, свят-свят, ёлка стоит... Вот радость!».

Но ни тридцатого, ни даже тридцать первого декабря в стране ёлочного дефицита не нашлось желающего подобрать заблудившуюся красавицу. И ни при чём здесь самосознание или деликатность соседей – уродство источника моих криминальных приключений было очевидно даже в полумраке дворовой арки.

Никто не позарился. Второго такого любителя дешёвых ёлок не нашлось. Даже даром она никому не понадобилась! Заметьте, даром – это абсолютно бесплатно.

Встретила ёлочка Новый год в подъезде, сиротливо прижавшись к холодной стене. Первого числа упала и так пролежала на боку до третьего января. В третье утро года наконец проспавшийся после затянувшейся встречи Нового года дворник выбросил её в мусорный бак или, как он ёмко называл его со специфическим профессиональным шиком, – «на счётник».

8. Новогодний праздник – инструкция по применению

8.1. С Новым 1977 годом от Рождества Христова!

Новый год лучше всего встречать без телевизора. Однако, как истинный источник точного времени, он имеет право на непродолжительное участие в празднике. Почему-то именно в этот трогательный переход из одного года в другой тянет к несвойственной деятельному человеку пунктуальности, такой, чтобы всё было секунда в секунду, тютелька в тютельку. Если собрались более чем один человек для встречи Нового года, то будьте уверены, их часы показывают всегда разное время, а споры у кого они точнее – бездоказательны.

Экран телевизора мерцает, звук приглушен. Наконец-то появляется долгожданная заставка и на экране возникает Генеральный Секретарь ЦК КПСС Дорогой товарищ Леонид Ильич Брежнев. До Нового года осталось минут пять-шесть. Повышенная готовность – звучит безапелляционный призыв:

– Бросайте всё и садитесь за стол! Быстрее, быстрее...

Звук телевизора делают громче, но в слова лидера обычно

вслушиваются только самые азартные «политиканы», ищущие в заранее написанном и плохо отрепетированном выступлении какие-то скрытые, еле уловимые, флюидные намеки на колебания линии партии в следующем году, выискивая в заурядном тексте подсказку для собственного эквидистантного поведения в агрессивной среде прогрессивного человечества. Голосом из анекдотов Дорогой Генеральный Секретарь монотонно бубнит о достижениях и успехах. Чтобы повторить его стиль и интонации, нужно говорить глубоким баритоном, не разжимая зубов, медленно, с многозначительными паузами – получается смешно, но пародировать Брежнева вслух вредно. Инстинкт самосохранения подсказывает, что это пагубно не только для здоровья.

Не вслушиваясь в смысл потока правильных советских слов, безжизненно звучащих с экрана, улавливаешь долгожданное – повышение интонации. Наконец-то звучат заключительные торжественные пожелания генсека: «С новым юбилейным 1977 годом! С новым счастьем, дорогие товарищи!»

Встречающие Новый год товарищи, с шумом отодвигая стулья, встают и, согласно ритуалу и традиции, принимают стойку готовности номер один. Одним глазом косят в телевизор, контролируя ход минутной стрелки часов на Спасской башне, вторым, тоже прищуренным, настороженно поглядывают на откупоривателя бутылки шампанского – самого опытного и хладнокровного из присутствующих. Каж-

дое его движение – священнодействие. Он уже приготовился, грамотно удерживает бутылку под углом в сорок пять градусов, обхватив горлышко сильными уверенными пальцами. Медленно отводит большой палец и плотно прижимает им грибообразную пробку. Второй рукой неторопливо, содрав ногтем указательного пальца липкую тонкую фольгу, уверенно раскручивает стальную проволоку мюзлэ, металлической уздечкой впившуюся, как правило, в матовый пробочный полимер, реже – в глянec спрессованной феллэмы. Остаётся несколько секунд, проволока раскручена. Опытный мастер по микронным перемещениям пробки чувствует скрытую силу избыточного давления рвущегося на волю узника бутылочного карцера из тёмно-зелёного стекла. Вот пробка немного сдвинулась – можно спокойно удерживать выхлоп до последней секунды. А если пробка не движется? Возможны варианты – или шампанское переохладили, и снулые молекулы диоксида углерода никак не могут возбудиться, или на заводе шампанских вин кто-то сэкономил на газе, и внутри попросту не хватает силёнок, чтобы сдвинуть с места неподвижный кляп.

Дилетанты в таких случаях встряхивают бутылку, рискуя получить длинную пенную струю. Профессионал, наоборот, стараясь не взболтнуть, сильно и надёжно ухватив пробку большим и указательным пальцами, немного раскачивая, постарается стронуть её с места и, тонко почувствовав податливое движение, зафиксирует такое положение до главно-

го момента. Есть ещё дураки, особая категория дилетантов. Они в таких случаях вилкой протыкают полиэтилен пробки, выпускают какой-никакой газ, затем, мучаясь с покрасневшими от натуги лицами, пытаются вытащить пробку. Отчаявшись добраться до желанного содержимого, а куранты уже своё отзвонили, дураки прибегают к услугам ножа и перерезают горло неподдающейся пробке. Чуть позже возникнет проблема при сдаче бутылки, но это уже потом, в следующем году.

Итак, пробка на ходу. В руках замер живой, разбуженный организм, заточённый в стеклянную бутылку и джинном рвущийся на свободу.

Пять секунд до перезвона курантов – пробка, зажата в уверенной руке, покидает бутылку, зелёное горлышко, издав шипящий звук и приглушенный хлопок, выпускает белый дымок углекислого газа, и в подставленные бокалы струится шипящая влага. Белые пенистые айсберги, весело наполнив бокалы, на глазах меняют своё агрегатное состояние – шипят, постреливают в разные стороны и патетически увядают.

Торжественный перезвон – Новый год, ура! Под бой курантов все чокаются, кто-то целуется, загадывают желания, бокалы опустошаются, всеобщая зомбирующая радость.

Можно, конечно, Новый год приветствовать салютом, шикарно выстрелив пробкой в потолок. Но, во-первых, брызги вылетевшего неуправляемой струей шампанского обязатель-

но обмочат нарядно одетых восторженных гостей, застывших с глупым выражением детской обиды на лицах и с пустыми бокалами в протянутых руках, и кое-кому это может испортить настроение на весь год, хорошо, если на оставшиеся мгновения прошлого. А во-вторых, это не экономно – остаток шампанского в бутылке будет годиться разве что для запаха. И всё это щегольство с хлопками и летающими пробками курам на смех, много шума... и ничего. Шампанское – не духи, его надо пить, а не нюхать.

Куранты, гимн Советского Союза, ещё раз «С Новым годом, дорогие товарищи!», и всё. Телевизор можно выключать. «Голубой огонёк» и Светочка с космонавтами – это для пенсионеров. Когда-нибудь посмотрим, может быть, если будет возможность, потом...

Кроме телевизора из зоны встречи Нового года должны быть удалены карты, шахматы, шашки, нарды и прочие настольные игры. На видном месте: гитара, виолончель, балалайка, пианино или арфа, смотря какого виртуоза-песенника занесет праздничным ветром. Про ёлку даже не говорю – она сияет. Световые гирлянды не выключать ни в коем случае! Допускается верхний свет немножко приглушить под медленный танец, чтобы глаза отдохнули, но никаких зажиманцев и уединений – гуляют все! Ёлочка должна всё время гореть, в смысле, светить.

Наполнение праздничного стола никоим образом не должно повторять убогость гастрономов. В стране дефицита

одной из черт жизненного успеха является наличие связей, знакомств и тайных ходов по «доставанию» чего-то вкусенького, редкого и вожделенного.

На столе обязательно должен быть какой-нибудь деликатес, очень-очень немного, но непременно: красная рыбка, икорка, маринованные грибочки, шпроты, сырокопченая колбаска, балычок, маслинки. Насыщения они, безусловно, не принесут, но в них зарыт скрытый посыл и убежденность, что наступивший новый год будет лучше старого. И произнеся тост: «Пусть этот стол будет самым бедным столом в мире. Миру мир», можно уверенно и широко провести рукой и указать на сервированное заслуженное счастье.

А чтобы наестся, так, пожалуйста, – оливье в неограниченных количествах, печёночка с жареным лучком, буженинка домашняя, огурчики солёненькие, капусточка, печёная картошечка с кусочком сала в фольге, селёdochка под шубой или в неглиже. Пища простая, надежная, проверенная, одним словом, вечная.

Водка. Принято водкой провожать старый год и при этом мужественно, не без кокетства, говорить, что год был тяжёлый. С подстрочным текстом, раз мы его пережили и находимся здесь за этим столом, значит, мы большие молодцы. Сделать паузу, глубоко и тяжело вздохнуть, мысленно перебирая проблемы, решённые за год. Хорошее вслух не вспоминается, оно незримо присутствует как само собой разумеющееся. А о худом – ни слова. Резко подняться, пожелать,

чтобы всё плохое осталось в прошлом году, а всё лучшее перешло в новый, чокнуться со всеми (в коренном отличии от поминок) и выпить. Неторопливо, с достоинством и удовольствием. Ну, нельзя, провожая старый год, пить сладкое шампанское. Только горькую.

В Новогоднюю ночь убежденным ревнителям несмешивания спиртных напитков придется поступиться принципами. Чокаться водкой под бой курантов – это моветон, а вот пить весь вечер шампанское можно, но кого-то обязательно замукает или икота, или изжога. Любителям лёгких напитков рекомендуется через два-три часа перейти на сладкие вина и найти в них заряд дополнительной энергии.

Самые стойкие – это те, кто понемногу пьют крепкие напитки. Водку или коньяк, четыре-пять рюмок в час, ну шесть. Эти держатся всю ночь, если не забывают закусывать чем-нибудь жирненьким, а поведение их организмов можно сравнить разве что с действием аккумуляторных батарей, регулярно подзаряжающихся жидкой горячительной энергией. Можно не сомневаться, эти строгие почитатели водки или конька всегда дождутся горячего в виде жареных гуся или утки с блестящей хрустящей корочкой, свиных биточков или, на худой конец, киевских котлет, но можно и обычных свино-говяжьих, от жаркого тоже не откажутся. С удовольствием всё поедят под искрометные тосты освободившегося сознания и будут продолжать регулярно себя поддерживать в тонусе, ожидая сладкого.

Надо опасаться тех, кто пьёт всё без разбора и много – это вид живой мины замедленного действия. Из таких можно выделить подвид «любопытных», которым интересно всё попробовать, забывая, что дегустацию полными фужерами, рюмками и стаканами обычно проводят не за праздничным столом, а на заводе безалкогольных напитков неподалеку от общественного туалета. Этих можно легко обезвредить, убедив остановиться на чём-нибудь одном, призвав на помощь авторитетную вторую половину. А есть ещё подвид «злостных», которые сознательно намешивают напитки, чтобы побыстрее напиться и, быстро достигнув желаемого состояния опьянения, резвиться, эгоистично пренебрегая элементарными нормами поведения. Если он веселится, тихо посапывая на диване в другой комнате, честь ему и хвала. А если был замечен ранее в буйствах, скандалах, приставаниях и мордобое, то это нужно предвидеть и упредить, случайно забыв позвать дебошира на встречу Нового года. Бывает так, что по каким-то веским или стратегическим причинам потерять «злостного» гуляку накануне торжества не удаётся, тогда вступает план № 2 – немного потерпеть и напоить его так, чтобы он поскорее прилег на диванчик в другой комнате. Остаётся только деликатно подставить в изголовье тазик. И горе всем, если этот план провалится.

Есть подвид «диких» – не умеющих пить. Таких нужно сразу выявлять за столом. Водку они не любят, морщатся, плечами передергивают, кривятся, но пьют и, не успев ещё

проглотить, тут же тянутся быстро запить, сознательно выбирают в качестве чего-нибудь вкусенького шампанское и запивают полным бокалом. Понятно, они плохо кончат, но эти как бы на поверхности, они видны, им можно вовремя указать на ошибки. Хуже другие – «потаённые». Вот он сидит, выпил рюмочку коньяка, вторую, третью, чувствует, что хмелеет – решил схитрить. Чтобы внешне быть не хуже других и не отстать от коллектива, он сам себе незаметно в рюмку наливает пиво, некстати каким-то олухом поставленное на стол. О пиве – отдельный разговор. Но бывает, что это питьё, чаще всего, по ошибке может затеряться среди бутылок со сладкой водой. Ему хотят налить коньяк, а у него уже в рюмке что-то есть, похожее по цвету на благородный напиток. Чокнулся со всеми, улыбается, искренне радуясь своей сообразительности. Выпил слабенького пива вместо крепкого коньяка, потом рюмочку коньячка, а за ней рюмочку пива, повторил раз пять такую тупую хитрость и упал, как подкошенный, под стол. Дальше по известной схеме – в другую комнату, на диванчик, к тазику и покою. И не виноват он, просто не знал элементарных законов повышения градуса и несмешивания несовместимого. Молодой ещё. Салага. Нужно своевременно таких выявлять и учить. Им ещё пить да пить.

И, Боже упаси, никакого пива. Особенно наутро. Утра как такого нет, есть следующий день как логическое продолжение прошлого года – один бессонный, бесконечный, нескон-

чаемый праздник, фиеста без даты. Если спросят:

– Какого числа вы встречали Новый год?

– В январе, – не моргнув осоловелым глазом ответят правильные товарищи и будут абсолютно правы.

Немного о регламенте. Церемония встречи Нового года следующая. В одиннадцать, ровно за час, нужно сесть за стол. Нельзя Новый год встречать на голодный желудок! Этот жизненно важный орган на празднике главный участник, всё происходит по большому счету в угоду ему. Желудок, как и печень, нужно постепенно приучать к обильному ночному бдению. После двенадцати обычно желудок спит и никогда сам по себе, без рук и без рта с зубами хозяина, пищу не потребляет, только слегка переваривает дневные остатки. А тут всю ночь надо работать, работать, да ещё с повышенной нагрузкой.

Народ не дурак, на инстинктивном уровне догадался – желудок нужно обмануть. Если неожиданно для него сесть за стол провожать старый год, то он решит, что это ранний завтрак, а обжираловку после двенадцати примет за затянувшийся на всю ночь обед, переходящий в бессрочный ужин.

Проводить старый год нужно чинно, не спеша, испробовав все деликатесы. Очень пристойно, сдержанно, как само собой разумеющееся, наколоть на вилочку или зачерпнуть ложечкой всё самое вкусненькое и разложить у себя на тарелке. Ключевое слово в данном абзаце – «всё». Полюбоваться дефицитной красотой, столь искусно собранной в одном ме-

сте. Снисходительно улыбнуться, гармонично сменить гримасу удовольствия на внутреннюю улыбку, чтоб не мешала жевать, и с томным видом гурмана, тщательно подчищая содержимое тарелки, закусить уходящий старый год.

Некоторые, из породы запасливых, не нарушая чинности, впрок, до следующего года, бывает, что закапывают «вкусненькое» под оливье или забрасывают его кусочками селедочки. А само оливье эстетствующе едоки украшают дефицитными грибочками, маслинками или полосками красной рыбы. Красиво... Как в дупле у белки – деликатесы кончатся, а у них они есть.

Очень важно, чтобы последний час перед боем курантов прошёл спокойно, размеренно, без суеты. Время само придёт, его подгонять не надо.

Торжественное поздравление, повышение интонации, Спасская башня, куранты. Вот оно! Всплеск эмоций. Бой часов. Бом... Бом... Бом... С Новым годом!!!

Первым произносится новогодний тост, за ним второй – тоже новогодний, за ним третий – абсолютно созвучный с предыдущими. Все едят, пьют, начинают понемногу шутить. Определяется лидер застолья, чутко уловивший биоритм собравшихся за столом и задающий оптимальный режим наполнения, поднятия и опустошения бокалов, рюмок и фужеров.

В качестве приятного штриха, весомого намёка на бурное веселье рекомендуется выделить из своей среды Деда Моро-

за и Снегурочку. Времени они займут мало, но планка веселья поднимется автоматически. Костюмы непременно нужно подготовить заранее. Как и приветственное поздравление, если Бог дал, то смешное, а если нет, то и глупый вид ряженых гостей – это гораздо лучше, чем ничего

С боем курантов, как ни странно, происходит скрытое перерождение, и чувствуешь себя слегка проголодавшимся, несмотря на то, что в прошлом году, минут пять тому назад, уже плотно поел. Это феномен новогоднего застолья, его можно попытаться объяснить, но не стоит. Вкуснее смириться и принять как должное. И правильно делают те хозяйки, которые не меняют тарелки после прощания со старым годом на чистые. Новая белоснежная мытая посуда – это как *pota bene* в гастрономическом смысле, психологически новая точка отсчета для безудержного обжорства.

Приятным фоном играет музыка. Магнитофон пока ещё тихо, без надрыва, напевает знакомые мелодии. Музыка не мешает разговорам, а всего лишь заставляет говорить немного громче обычного, создавая иллюзию общей застольной беседы. Даже молча, с набитым ртом, ты себя чувствуешь активным собеседником и киваешь, соглашаясь с рассказчиком, или не соглашаешься, но тоже киваешь.

Прошёл первый час, застолье в разгаре. Продолжаем сидеть за столом: пить, закусывать, острить, присматриваться к новичкам, исподволь выявляя подвид «диких неумех» как внештатную угрозу празднику, с опаской посматриваем, по-

ка не забыли, на записных злостных нарушителей режима, рассказываем старые, но приличные анекдоты. Смеются все.

Раньше всех чинность происходящего за столом не выдерживают курящие: они солидарно, безошибочно узнавая себе подобных, шумно выходят на кухню (балкон, лестничную площадку, поближе к форточке) для ритуального втягивания в себя дым тлеющих сухих растений из семейства паслёновых.

Перекур окончен, большинство ещё на ногах, и это самый подходящий момент включить магнитофон на полную мощность. И не важно, какой был танец, быстрый или медленный. Сам громкий звук, неожиданно разорвавший сытое удовлетворение, заставляет двигаться, найти свободное пространство и медленно, поначалу только ритмично поводя руками, затем, как бы нехотя, стесняясь, перебирая ногами и двигая в такт головой, в конце концов, подключить туловище как основную связку с подвижными конечностями и самозабвенно пуститься в пляс.

Танцы в разгаре. *Шишовой Оля и Саша.*

Случайно затянутые в водоворот танца одинокие представители пришедших пар одними только им подвластными токами индивидуальной частоты поднимают засидевшиеся за столом свои вторые половинки и магически притягивают их, словно одна частица, положительно заряженная музыкой, вторую частицу, отрицательно предрасположенную к танцу, в единую общую молекулу веселья.

Праздник в разгаре. И в принципе, сохранить такой высо-

кий накал вполне реально, чередуя медленные танцы с быстрыми, в паузах чокаясь и закусывая; выбегая на перекуры или нечаянно забывая выйти, деликатно стряхивать пепел в пустую тарелку. Это и есть сам праздник в его классическом воплощении.

Образуются, как временные огневые точки, небольшие группки, старающиеся перекрычать музыку и при этом говорить ни о чем, но очень эмоционально, солидарно чокаются, закусывая тем, что наколется на вилку. Кажется, что говорят все и сразу, многошумный пласт счастливо оглушает, где-то возникает неуловимое дуновение флирта – хорошо, если обойдется без скандала.

Пока суматоха праздника незаметно и прожорливо съедает ночные часы, трудолюбивая хозяйка куда-то исчезла. Хозяйка непременно должна быть трудолюбивой – она уже давно на кухне и разогревает на медленном огне основное блюдо, а может, и готовит его по-свежему, чтобы подать с пылу с жару.

Появляется горячее. «Сколько можно, – раздаются возгласы. – Уже не лезет. Оставим на завтра», и всякая обычная в таких случаях ерунда, несмотря на которую в центре стола, на красивом блюде, уже дымится аппетитный мясной или рыбный шедевр. Прошла минута, вторая, и только салатные листья, украшавшие фундамент кулинарного творения, сиротливо оголились в следах жира и мизерных ломтиках, оставших от главного блюда.

Праздник продолжается. Общий тост, все чокаются, выпивают, кушают, но уже не так активно – устали от еды. Политкорректно отрезают по небольшому кусочку от «горячего» блюда, нахваливают автора, как правило, хозяйку дома, и по-философски поглядывают по сторонам. Это уже новый взгляд на окружающих – с кем-то из новеньких успели познакомиться, и возникла взаимная симпатия, кто-то категорически, вопреки выпитому, продолжает не нравиться с самого начала, кто-то ожидаемо идет по пути самовлюбленного пьянства, кто-то неожиданно трезв, и это настораживает.

Небольшой агонизирующий всплеск активности сменяется первыми признаками насыщения. Нужно всегда помнить, обычно после горячего наступает перелом. Появляются личности, плохо подготовленные к празднику. Они, видите ли, устали, у них были напряженные дни, всю предыдущую ночь не спали и прочие отговорки, чтобы нагло, вызывая зевать и жалобно поскуливать, вспоминая свою постельку. Знайте – это враги. Их нужно тихо, не привлекая внимания и не вызывая стадного чувства, изолировать в чисто английской манере, не прощаясь, тихонечко прикрыв за ними дверь.

Правда, в том случае, если запланировано второе коллективное дыхание в виде заготовленной импровизации, бояться нечего. Никто никуда не уйдёт.

Самым действенным плановым продолжением весёлой встречи Нового года является карнавальное переодевание.

Своеобразный резерв ставки главнокомандующего – бросил в бой, победил, и праздник восходит на следующую ступень эволюционного развития.

Это такой псевдоэкспромт, когда все приносят маскарад-ные костюмы и до поры их прячут, встречая Новый год не в костюме Петрушки из пыльных костюмерных ТюЗа, а в своих, собственных, специально подобранных для торжествен-ных случаев нарядах.

Дед Мороз с во-о-от такой снегурочкой. 1982 год. А.Ши-

шов, Г.Гриншпун (Гена)

Рекомендуется задолго до маскарада, в конце прошлого года, для поднятия тонуса, гостей разукрасить – раздать разноцветные блестящие картонные шапочки, бумажные гирлянды на шею, усаые очки с носом или носатые усы с очками. Вид глупый и смешной. Но если всех так приодеть, то никто, во-первых, не обидится, а во-вторых, веселье начнётся с более высокого градуса по шкале Чаплина-Линдера-Фюнеса.

Часа в три-полчетвёртого ночи, сразу после горячего, а лучше всё-таки до него, торжественно объявляется переодевание – мальчики налево, девочки направо. Начинается суматошное движение масс: неразбериха с вещами и нарядами, дополнительный макияж и поиски на ходу додуманных реквизитов, кто-то путает «гримуборные», визг, хохот, шуточки в фривольном стиле. Появляются первые переодетые гости – ужасно смешно. Пространство заполняется вымышленными образами, литературными героями, зверями и прочими представителями фауны, возможно, и флоры тоже. Звучат забавные комментарии и шуточки по поводу костюмов как собственных, так и увиденных.

Совсем недавно ещё скептически настроенные гости, не пожелавшие подготовиться или не поверившие в карнавал, от досады покусывая губы, стараются себя каким-либо образом украсить. Как вариант, могут выглядеть белой вороной. Но это фразеологизм, а не костюм. Вот и пытаются обыг-

рать вынужденную импровизацию подручными средствами, в порыве щедрости принесёнными кем-то из запасливых гостей, – шапочкой с петушиным гребешком или заячьими ушками от детских новогодних костюмов. Могут подхватить нечаянно оставленный на стуле веер принцессы и строить сквозь него глазки.

Карнавал – апофеоз праздника. Танцы в образе своих героев, театральность обстановки, мир детства и сказок. Релаксация души, омоложение сознания, укрепление ауры. Хочется скакать, прыгать, плясать до упаду. Смех из разряда громкого, подключая фрагменты нервного, переходит в гомерический. Возникает всеобъемлющее чувство любви к ближним и дальним, душа поёт, всех обнимает и расцеловывает – душа в душу. Танцы не прекращаются. Взрослые тётки и дяди, взявшись за руки, бегут «ручейком» друг за другом, огибая препятствия в виде стола, стульев, ёлки и танцующих пар. Затем самозабвенно водят хоровод, возбужденно покрикивая с детсадовской непосредственностью.

Самое время выплеснуть эмоции наружу, за входную дверь. Собрав десяток ряженных, запросто, без стеснения и реверансов, предлагается посетить незнакомых соседей, лучше всего из соседней парадной, и поздравить их с Новым годом.

Если степень возбуждения ниже степени застенчивости, надежнее остановить свой выбор на соседях – знакомых и лояльных к ночным потрясениям. В любом случае нельзя

приходить с пустыми руками, это неприлично, раз, и могут принять за попрошайек, два.

Как вариант – танцы во дворе. Решив технические музыкальные проблемы с помощью удлинителя, вовлекают в веселье всех, у кого ещё горит свет в окнах. Погасшие окна легко зажечь при помощи снежков. В бесснежной Одессе об этом способе внутридомового контакта лучше забыть – камней не хватит.

Праздник фонтанирует и превращается в незабываемый. Брызжет бенгальский огонь, бахают хлопушки, пролетают, раскручиваясь, колечки серпантина, наступает тот самый счастливый миг, когда пора упасть спиной на чистый снег сугроба, раскинуть руки, любоваться звёздным небом и чувствовать единение со всем миром...

– 3-3-зараза, снег попал за шиворот и растаял, брр.

8.2. Всё по плану

Придерживаясь основных постулатов и рекомендаций по празднованию Нового года, мы его торжественно встретили. Как положено – в Одессе, все вместе, с ёлкой и подарками, ровно в ноль-ноль часов ноль-ноль минут по московскому времени. Начался 1977 год.

Транзистор естественным путём заменил отсутствующий телевизор и своевременно сыграл курантами; движение стрелок на главной башне без труда вызвалось незатуманненным воображением; обязательное шампанское с лёгким хлопком и без потерь разлилось по бокалам; бокалы, подтверждая законы физики, звенели глухо, «камешками».

Кое-что запомнилось особенно – при загадывании желаний возникло лёгкое замешательство. Волеизъявления подавали в Высшую Инстанцию, как обычно, в письменном виде. Записали маленькими буквами на клочке бумажки, бумажку сожгли, пепел бросили в бокал с шампанским, под бой курантов шампанское выпили – *совершенно секретно, перед прочтением сэсечь*, как у братьев Стругацких, а немного раньше у Роберта Энсона Хайнлайна. Первое, что я загадал после успехов в личной жизни, это написать диплом и успешно его защитить. Всё четко и понятно. Затем возникло размытое и неосязаемое желание – хорошо распределиться. Записал и задумался в нерешительности. А что я

имею в виду? Хорошо распределиться – это остаться в Одессе на любой работе или, всё-таки, уехать к чёрту на кулички и найти свое призвание? Тогда что такое плохо? Ладно, это ещё полбеды, немного зыбко, но ощутимо, хуже всего то, что после «хорошо распределиться» возникла пустота и полная неопределенность. Не знаю, что загадывать. Ничего не видно – мост Чаринг-Кросс, туман на Темзе, Клод Моне – только импрессия. Ощущение чего-то значительного, размытого и бесконечно долгого. У этой неизвестности есть имя – работа. Ещё чуть-чуть, полгода в институте, а потом, шагнув в её производственные объятия, мы из студентов превратимся в молодых специалистов. В инженеров. Навсегда... Навсегда ли?

Надо запомнить этот семьдесят седьмой год, с него всё и начнётся. Во всех автобиографиях он будет упоминаться как год окончания института и начала трудовой деятельности. От него будут высчитывать трудовой стаж при приеме на очередную работу и расчёте пенсии. Этот год – точка отсчета. Год, когда официально закончится студенческая отсрочка от взрослой жизни, и мы получим повестки в будущее. В графе «детство» появится запись – «убыл в связи с окончанием института».

Маскарад тоже был, всенепременно. Самый настоящий. Выбор костюма – это не плод долгих раздумий, не подбор близкого по духу образа или, наоборот, образа-антагониста. Это дело случая. Чем позже ты кинешься искать через зна-

комых блат в костюмерных мастерских театров или киностудии, тем меньше ассортимент и больше ограничений по размерам. Если ты сам автор и дизайнер своего костюма – решающим является бабушкин гардероб или то, что вовремя упало на голову с верхней, Богом забытой, полки кладовки, куда на весь год уходят в небытие коробки с ёлочными игрушками и с сопутствующими новогодними атрибутами.

Бенцион Крик собственной персоной. 1977 год. А. Токаев
(Шура)

Первыми у новогодней ёлки появились самодельные пираты, шерифы и ковбои, потратившие на создание своих костюмов минимально короткое время за счет конкретных аксессуаров, безошибочно обозначающих придуманный образ. Пистолет, повязка на глаз, широкополая шляпа, звезда шерифа. Расовое разнообразие внёс шериф-негр в чёрном чулке на голове.

Танцуют все! 1977 год. *Человек в махровом халате бухар-*

ского еврея – С.Мейтус, Кармен – И.Рыжая(Ида Геллер), Петушок – Е.Лисовая(Старшая сестра Лена), Венгерский гусар – О.Лисовой (Муж сестры),

Затем пошли добротные сценические костюмы, тут же создавшие чарующую атмосферу театрального закулисья – мешанина стилей и запах пыли костюмерной мастерской. Цыгане, гусары, Кармен, кот, петушок, Беня Крик, Красная шапочка в косынке, бухарский еврей в халате и Белоснежка под руку с одним, но упитанным гномом. Персонажи легко узнаваемы и милы, полумаски добавляют таинственность и загадочность маскарада.

Следующими, влетая в комнату по одному, появились костюмы с элементами бурной и неуёмной фантазии. Любитель охоты Лёня Клейнбурд, чтобы особо не заморачиваться, принёс свой охотничий зелёный маскировочный комбинезон с нашитыми короткими полосками защитной ткани и маскировочной сеткой, закрывавшей лицо. Он решил быть лешим, выскакивать из-за угла и устрашающе выть, страшно нависая над жертвой с поднятыми руками.

Он уже собрался было продемонстрировать свой наряд, когда меня осенило, и буквально за штаны, крепкие, непромокаемые, я вернул его обратно для корректировки персонажа. У меня в голове возник болезненный образ «Сумасшедшей ёлки», для его воплощения я снял со стены гирлянду, пулеметной лентой обмотал ею Лёню и выпустил в таком виде на

всеобщее обозрение. Сначала никто ничего не понял, пока гирлянда не была включена в сеть и не зажглась разноцветными огоньками. Стоя на одном месте неподвижным деревом возле розетки, изображая ёлку, Лёня вскоре заскучал, и сердобольный хозяин квартиры выделил ему удлинитель. После этого многоликий образ забил энергией. Лёня тихонько замирал, притворяясь одинокой ёлочкой, в любом удобном для испуга месте, а когда кто-то близко расслабленно проходил, включался буйный леший с подвываниями, ором и размахиванием лохматыми руками.

Карнавал. 1977 год. *Ковбой* – И.Мартыновская (Ивано-

ва), Беня Крик – А. Токаев(Шура), русалка – А.Шишов

Самым агрессивным был признан костюм Русалки. Кучерявый парик платиновой блондинки, цветастый лифчик, меховая безрукавка без пуговиц, ноги от пояса длинной узкой юбкой обмотаны бирюзовой тканью, на ногах поверх носков ласты. Русалка смешно шлёпала по полу и поливала направо и налево холодной водой из клизмы, подчеркивая единение присутствующих с морской стихией. Если бы костюм Русалки не признали лучшим, сразу же, после первых фонтанов воды, все гости были бы мокрыми до нитки. Вынужденная высшая оценка.

С Русалкой могла соперничать только пара – Буратино с Беременной Мильвиной.

Проказник Буратино. 1982 год. *О.Шишова (Оля), Л.Клейнбурд (Лёня)*

Но эта костюмированная комбинация появилась спустя пять лет на встрече Нового 1982 года. На глазах разворачи-

валась, можно сказать, человеческая трагедия с запахом опилок. Беременная Мальвина тянет за собой на поводке красного пластмассового Артемона на колёсиках и разыскивает по рентгеновскому снимку отца своего будущего ребёнка. На рентгеновском снимке (он же фрагмент цветного научно-популярного плаката) изображён человеческий плод в утробе матери (мать в разрезе). У плода длинный деревянный нос, на голове полосатый колпачок. Мальвина показывает всем снимок, просит помощи – найти сбежавшего легкомысленно подлеца. Буратино скрывается от ответственности.

Беременная Мальвина. 1982 год. А.Шишов, С.Иголкин
(Без грима)

Цветная картинка их будущего деревянного сына с голубыми волосами вызывает невиданный ажиотаж – её передают из рук в руки, заразительно хохочут, жалея, что в фотоаппарате уже кончилась плёнка.

Из тех, кто сомневался в идее маскарада и пришёл без костюма, из затруднительного положения лучше всех, как всегда, выкрутился Гена Гриншпун.

Гном, который ест за семерых. 1977 год. *Г.Гриншпун (Гена)*

В 1977 году он пристроился к Белоснежке в образе одинокого упитанного гнома, живущего по принципу – «Один ест за всех, и все за одного работают». Через пять лет он также решил действовать по обстоятельствам – сложил из газеты треугольную шляпу, снял пиджак, рубашку, майку и надел на голый торс только жилетку, из-под которой выпирал толстый волосатый живот.

– Этот костюм, – объявил он, – называется «Япона-мать Али-бабы и сорока разбойников».

Остановившись монументом посреди комнаты, он требовал, обнимая девушек, на правах матери-героини всего, без очереди и сразу.

Гена был уже дипломированным бухгалтером, о чём любил напоминать неожиданной просьбой. Подойдя к кому-то с протянутыми ладонями, он проникновенно говорил:

– Посмотри на эти руки.

Добившись пристального внимания к линиям судьбы и бугоркам неудач, он веско пояснял, воспроизведя шутку из нархозовского КВНа:

– Это руки бухгалтера, одни только руки. Если руки хирурга дают человеку жизнь, то руки бухгалтера дают ему то, что не додали руки хирурга.

Войдя в раж от повышенного внимания, Гена продолжил

свой сольный концерт. Вспомнив дошкольное детство, он взобрался на шаткий табурет со свечой в руке и прочитал стихотворение:

*Я стою над обрывом крутым, заблудившись ловлю
мысль,*

*Ни домов, ни обоев кругом – хочешь, плюй, хочешь, прыгай
вниз.*

*Где-то близко журчит ручей, ну а рядом со мной козёл,
А я травки ему не дам, не за этим сюда пришёл.*

*Что ты смотришь, потупив рога, на мой неокрепший ске-
лет,*

Тебе скучно, наверное, да? Когда рядом музыки нет.

Замерев на табуретке с протянутой по-ленински вперёд правой рукой, Гена командует:

– Маэстро, музыку!!!

Этот номер Гена исполнял из года в год. Всегда, как в первый раз, как откровение. Талантливо и достоверно.

В первую ночь 1977 года, как всегда, отключили воду, а утром забыли включить. Любителям отвратительных вкусовых ощущений могу порекомендовать одесский растворимый кофе на кипяченой минеральной воде «Куяльник» – редкая гадость.

Новогодняя ночь прошла. Прерванная связь с окружающим миром ещё не восстановилась, но уже завершилось сладостное время безудержного веселья в отдельно взятой квартире под громкую музыку, ритмичные танцы, громогласный

смех и неистребимое хоровое пение.

Уже рассвело, никто так и не заснул – праздник удался. Все живы, здоровы, чувствуется глубокое удовлетворение. Позвякивает посуда, пора завтракать, новогодний январь продолжается.

8.3. С Новым 1944 годом от Смерти Иисуса Христа

Каждый раз, встретив Новый год, убеждаешься, что ничего волшебного так и не произошло – за окном повторение вчерашнего дня, проблемы не рассосались и сами по себе не решились. Праздничный самообман закончился.

Очень веская ещё вчера фраза – «Сделаю, сразу после Нового года сделаю» – приобретает реальные очертания и побуждает к тем рутинным действиям, от которых удавалось отлынивать в прошлом году.

На смену публичному, застольному оптимизму и святой уверенности в счастливое будущее неизменно приходит усталость. За ней лёгкое раздражение и апатичная лень – отголоски бурной и, как выяснилось, очень короткой ночи.

Но самое-самое главное, сакральное, свершилось! Произнося как заклинания тосты, самозабвенно чокаясь в их поддержку и ставя жирную точку глотками разными по градусу и вкусу жидкостями, совершается великое таинство, неоспоримое и единственно верное – положительно заряжается пространство, концентрируются позитивные эмоции, на год вперёд программируется счастье.

Всегда ли так? И везде ли?

А как там, в параллельных мирах, разрекламированных фантастами? Тоже празднуют? Прощаются со старым годом

и встречают новый? Если существуют параллельные миры, то обязательно должны быть и перпендикулярные. Или со смещённой точкой отсчёта.

Зачем далеко ходить. 1977 лет тому назад родился Иисус Христос – событие выдающееся. Как у всякого умершего жителя Земли, у него есть дата рождения и дата смерти. Именно Его смерть и воскрешение отличают сына Создателя от остальных, смертных, подтверждая Его божественное происхождение. Что важнее, рождение Христа или Его смерть и воскресение? Оставим этот спор теологам. Интересней возможные последствия.

У нас принято летоисчисление от рождения Иисуса Христа, а ведь могли за начало отсчёта принять и другое выдающееся событие для человечества – дату Его смерти. И вся дальнейшая история человечества, оттолкнувшись 1944 года тому назад от этой невероятной по жестокости казни, всего лишь немного сдвинув нулевую точку и сместив акцент жертвенности, могла бы развиваться по другому, по непривычному для нас сценарию.

Возможно, что в вариативном мире, смещённом на тридцать три года, переход от старого года в новый не празднуется, как у нас, жизнеутверждающе и весело, а проходит в атмосфере скорби и уныния – под знаком жертвенной смерти.

Чёрная драпировка стен, зеркала завешены простынями, горят свечи. В последний путь провожают вовремя окончившийся ещё один безвозвратно уходящий год человеческой

жизни. Вселенская скорбь.

– На кого ты нас оставляешь!

Звучит реквием Моцарта. Горький, надрывный плач по каждому бездарно прожитому дню. На столе тарелки с красным борщом, пирожки, колево, перед каждым страждущим поминальный граненый стакан водки с кусочком чёрного хлеба. Бьёт большой усыпальный колокол. Один, два, три, четыре... ..двенадцать. Всё – умер старый год. И эхом разносится:

– Умер старый год, умер старый год, умер...

Звучит вечная музыка Фредерика Шопена – похоронный марш, все рыдают навзрыд.

Выслушав и поплакав над последним словом Великого Генерального, присутствующие на панихиде, не вставая из-за стола, скорбно, не чокаясь, выпивают по полному стакану водки и заедают остывшим борщом с пирожками.

– А ну-ка, сынок, – говорит хозяин дома, – смени пластинку, поставь что-нибудь душераздирающее.

Непродолжительное шипение диска и комнату обволакивают первые трепетные звуки адажио Альбинони. Некоторые пытаются подпевать, остальные рыдают, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки, плечи их вздрагивают, по телевизору беззвучно транслируют чёрно-белое «Лебединое озеро».

– А теперь, сынок, – надевая очки, продолжает хозяин дома, – принеси-ка Самую Главную Печальную Книгу.

Мальчонка встает и со скрежетом тянет тяжёлый дубовый табурет в сторону этажерки. На полпути останавливается и вопросительно смотрит на отца, тот, встретившись с сыном глазами, кивает головой, как бы подтверждая своё согласие.

Мальчик берёт в руку зажженную свечу, ловко запрыгивает на табуретку и тоскливым, невыразительным голосом объявляет:

– Мои стихи!

Скорбные лица медленно поворачиваются в его сторону. Мальчик безрадостно, по-пионерски, продолжает:

День прошёл – как нё было.

Вот и жизнь прошла!

Неожиданно бурные аплодисменты и крики «Браво!», «Молодец!», «Умница!» заглушают всё ещё звучащее адажио Альбиниони.

Мальчуган с достоинством кланяется и, преисполненный замогильным символизмом, задувает огонь свечи. Торжественно ступает на пол, пододвигает гремящий табурет вплотную к этажерке, бережно снимает и несет на вытянутых руках толстую книжку в чёрном кожаном переплете.

Мужчина раскрывает книгу на заложенной закладкой странице и глухим невыразительным голосом читает:

– Жизнь прожить – не поле перейти.

Сидящие за столом, склонив головы, повторяют вразнобой вслед за ним. После продолжительной паузы, затраченной на глубокое осмысление этой фразы, он продолжает:

– Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Все повторяют за ним, всхлипывая и украдкой вытирая платочками катящиеся слезы.

– Аминь.

Мужчина с задумчивой одухотворённостью закрывает книгу. На обложке золотыми староцерковными буквами написано слово «КРЕДО», а ниже ещё три непонятные, но тоже важные слова – «Не про сри».

На экране телевизора в строгой чёрной паре появляется Кирилл Игорев. Мальчонка по команде отца бежит и включает звук. Хорошо поставленным профессиональным голосом диктор зачитывает главы и выдержки из Самой Главной Печальной Книги. В завершение, на трагической ноте, с надрывом, произносит:

– Тяжелой утратой для всего прогрессивного человечества является почивший в Бозе високосный, олимпийский, одна тысяча девятьсот сорок третий год, забравший у каждого живущего человека по триста шестьдесят шесть дней неповторимой, единственной, бесценной и уникальной жизни. Вечная память. Аллилуйя.

Страшненько. Но ведь что-то в этом есть... Согласитесь...

9. Вперед, обратно в Харьков

9.1. За вами приходили...

Ну, вот и Харьков. Из аэропорта прямо в общежитие, куда же ещё. Ноги, отвыкшие от скользкого натоптанного снега, быстро адаптировались. Стараясь ступать по свеженасыпанному песочку, как бы поддерживая зыбкую связь с покинутым сегодня черноморским городом, шаг за шагом я приближался к общежитию. Подойдя к нашей обители, я в последний раз глубоко затянулся морозным воздухом, внутренне содрогаясь от предчувствия запаха казенной жизни, притаившейся сразу же за входной дверью.

Первой мне обрадовалась тётя Люся – вечное бельмо за окошком вахты. Я невольно опешил, когда её верхняя бесформенная часть просочилась сквозь маленькое квадратное окошко. На её постной стареющей физиономии, никогда ничего не выражающей, кроме глубокой и стойкой обиды на студентов, до ушей расцвела гуинпленовская улыбка. Она была ей не к лицу, не умела тётя Люся улыбаться, не привыкла. Оскал прореженного ряда кривых жёлтых зубов подчеркивал откровенную, почти интимную радость от созерцания моей персоны. Робкая попытка вежливо кивнуть и проскользнуть была пресечена её громким радостным сообще-

нием:

– А вас милиция ищет. До нового года приходили трое. И после нового года ещё один. Натворили что?

Пожав плечами и недоумённо перебросив свой багаж в другую руку, я поспешил наверх.

«Надеюсь, что я не первый из возвращенцев, – подумал я, – сейчас узнаю подробности милицейского визита».

В затылок неслись шепелявые причитания тёти Люси, безвредной и, по сути, бесполезной на вахте стражницы морального облика студентов и студенток.

Шагая быстро через ступеньки, на площадке между первым и вторым этажами я лоб в лоб столкнулся с двумя аспирантами. Один из них с нами играл в покер и был на фоне остальных собратьев по диссертационным мукам самым вменяемым и не таким обозлённым, как остальные. Другой – чистая сволочь, самый из них что ни есть подлый. Кляузничал на нас, закладывал, выступал больше всех. Прямо-таки вижу его в недалеком будущем – расселся в кресле декана, измывается над студентами, не *«корысти ради»*, как написано у классиков, а *«только»* для удовольствия. А как он выслуживается перед начальством! Даже перед самым убогим из них в лице коменданта. Говорят, что у него уже написана диссертация и на носу предварительная защита, так что держитесь, господа студенты, новый феномен, неподвластный фантазиям маркиза де Сада, шагает по ступеням карьерного роста.

Загораживая мне проход и явно наслаждаясь ситуацией, с издёвкой, прикрытой вежливостью и, как им казалось, изыском слога, дополняя и поправляя друг друга, завели они неспешный разговор:

– Ваше отсутствие наделало много шума, – начал тот, что поприличней.

– Комендант рвёт и мечет. Ждёт вас с нетерпением, – ехидно подхватил второй.

– Не знаю, он нам сам заявление подписал по поводу отъезда, – втянулся я в разговор, который, намеривался игнорировать.

– А заявление где? – поинтересовался знакомый аспирант.

– У него, конечно же, где ещё?

– А копия с его подписью есть? – с чувством бюрократического превосходства спросил аспирант – будущий декан.

– Нет, а зачем?

– А затем, – не скрывая довольного злорадства, продолжил он, – что ваше заявление тю-тю. Нет его... Комендант так и сказал милиции, когда вас приходили забирать.

– Нас? За что?

– Дожились! За ними три милиционера приходили – майор, – он веско поднял указательный палец, – лейтенант и сержант, а они не знают, за что.

Дальше пошел монолог:

– Доигрались, допрыгались. Я всегда говорил, что эти наглые одесситы плохо кончат. Комендант сказал милиционе-

рам, что вы самовольно уехали, и как только появитесь, то тут же вылетите из общежития.

– А они?

– Сказали, чтобы до выяснений обстоятельств дела... понял, на вас дело завели, – уже с ненавистью, брызгая слюной, прохрипел он и, смакуя, срываясь на истеричные нотки, продолжил: – Чтобы до выяснений обстоятельств дела вы находились в общежитии.

– В каком смысле? – не понял я и начал серьезно волноваться. – Находились под арестом или можно ходить на практику? И всё-таки, за что?

– А после нового года лейтенант приходил один и повестку оставил у коменданта. Так что с Новым годом вас. С новыми неприятностями. Комендант вас ждёт с нетерпением.

– Ну ладно, это мы ещё посмотрим, – вспомнив про образ сына полковника КГБ, спокойно и иронично проронил я. – А откуда ты всё знаешь?

– Я, между прочим... – он гордо отставил ногу, но она предательски соскользнула со ступеньки.

После нескольких секунд замешательства, затраченных на ловлю рукой перил и поисках баланса, он встал на ступеньку выше и формально сверху вниз провозгласил:

– Я, между прочим, председатель совета общежития, член бюро комитета комсомола, я знаю всё и обо всех, – и, выдержав, как ему казалось эффектную паузу, пафосным шёпотом добавил: – Между прочим, папа тебе здесь уже не поможет.

Теперь уже я, остолбенев от вихря колючих мыслей, бездонным водоворотом прокрутившихся в голове, сделал паузу и ответил избитой из детства шуткой, которая заставила аспиранта мимолётно призадуматься и освободить дорогу на второй этаж:

– «Между прочим» говорить неприлично, особенно аспирантам. «Прочим» – по-китайски ноги.

Перед дверью в нашу комнату я вспомнил, что от неожиданности и избытка отрицательной информации не взял на вахте ключ. На всякий случай толкнул дверь, она оказалась незапертой.

Меня встретил встревоженный Профессор:

– Слушай, тут повестку приносили.

– Я уже слышался. А где она?

– У коменданта, он заходил, спросил как моя фамилия, а потом, когда приедут Шура и Манюня.

– Ничего себе, неделька начинается!

С одной стороны, полегчало, ищут не меня, значит миллийское дело не связано с нашими полковничьими шалостями. И ёжику пьяному понятно, что это не криминал, но кто их знает... Если на поганой ёлке за три рубля допускается придумать скупку краденного и статью, то мнимый сын полковника КГБ может проходить уже по иному ведомству с такими мудреными формулировками в обвинительном заключении, которые не приснятся и в страшном сне на голом матрасе с клопами.

– А что они натворили, Шура с Манюней, он не говорил?

– Нет, ушёл и просил, как приедут, чтобы срочно зашли.

– Странно, вы же вместе улетели из Харькова?

– Вместе, – подтвердил Профессор.

– И в аэропорту никаких эксцессов не было? Точно не было?

– Ничего. Зашли в самолет, сели и уснули. Неудобные, скажу я, кресла в Як-40, как в автобусе.

– Странно, – вслух задумался я, – мы с Шурой и Новый год встречали одной компанией, и потом виделись. И ничего не рассказал. Должны были вместе сегодня лететь, но его тётя-стоматолог не отпустила, сказала, пока пломбу не поставит, никуда он не поедет. Для него её слово – закон.

«Когда же они успели натворить? И главное – что?» – вот что меня смущало больше всего.

Шура всегда делился и правым, и неправым, а тут промолчал. Или что-то очень серьёзное, или какая-то шелуха, на которую он и сам внимания не обратил.

– Подождем до завтра. Шура с Манюней приедут, и мы все узнаем, – резюмировал я и достал привезенные продукты, разделяя их в очередности употребления на долгого и быстрого хранения.

Короткий стук и последовавший за ним быстрый скрип открывающейся двери безошибочно указывали на визитера, а его противное характерное покашливание убеждало, что нет необходимости оборачиваться для того, чтобы угадать не

только персону, но и надменное выражение лица коменданта.

Скорость распространения информации по общежитию при желании можно легко просчитать, если поделить время, потраченное на мой проход от вахты до стука в дверь, на пройденный путь.

Бессмертная пьеса «Ревизор» получила своё новое воплощение. На сцене появился вестник *пренеприятнейшего известия*.

– А эти приехали? – грозным голосом Городничего про-
рокотал он и зачитал фамилии Шуры и Манюни. Да как!!! –
Александр Анатольевич Токаев и Сергей Иванович Коцюба.

– На днях придут, – развернувшись, ответил я. – Вы можете сказать, что произошло? Почему их ищет милиция?

– Там лучше знают, – многозначительно показывая глазами в потолок, изрек комендант, неузнаваемо переменявшийся со дня нашей последней встречи.

Где тот заискивающий, перепуганный, потный хорёк? Перед нами высилась глыба праведного гнева, облаченная в мантию власти. Резкая метаморфоза коменданта красноречиво указывала на возникшие серьезные проблемы. Что же всё-таки случилось? И что сказали ему милиционеры, если этот запуганный хамелеончик так изменился? Ни страха, ни совести. Совсем обнаглел, с обидой за папу полковника КГБ, подумал я. Ну, гад, тебе это даром не пройдет. За всех бойцов невидимого фронта поквитаюсь.

– А пожарные их не искали? – прошибла меня догадка.

– Не понял, какие пожарные?

– Ну, вы же знаете, – пылко стал я ему объяснять, – есть такой детский стишок: *«Ищут пожарные, ищет милиция... Ищут фотографы в нашей столице, ищут давно, но не могут найти, парня какого-то лет двадцати»*. Может, они подвиг, какой совершили, вот их и ищут?

– Во-первых, – как безнадежно умственно отсталому объяснил он мне, – Харьков – не столица. Столица у нас одна – Москва. А, во-вторых, по этим вашим красавцам уже давно скупают нары и лесоповал. Га-га-га...

И, посмеиваясь над своей шуткой, не закрыв дверь, надменно удалился, бросив через плечо:

– Приедут, срочно ко мне.

Дверь после моего нервного толчка ногой, не успев скрипнуть петлями, громко захлопнулась, рассыпав на пол кусочки вылетевшей засохшей шпатлевки.

– Профессор, напрягись, они, кажется, что-то рассказывали?.. Возле гастронома драка была или ещё что... Не могу вспомнить. Покер, зараза, тогда все мозги проел. Ты не помнишь? – с надеждой посмотрел я на Профессора.

– Говорили, – подтвердил Профессор, – но, если честно, я не сильно прислушивался. Читал, видимо, что-то...

Вещи были разобраны, продукты спрятаны, предстояла дорога на практику, отметитья. Мозг лихорадочно работал. Надо было вспомнить, понять и что-то делать.

– Ладно, – вздохнул я, – поеду в институт, по дороге попробую позвонить в Одессу.

Сказал и задумался. А к кому звонить? Перерыв записную книжку, я убедился в том, что и так знал без просмотра записей – у Шуры и Манюни телефонов дома не было. Из тех, кто живет поблизости на Терешковой угол Гайдара, тоже телефонов не было – ни у Сережки Шумилова – нашего одногруппника, ни у Вадика Федорова – футболиста и хорошего общего друга.

«С кем они могли встречаться из нашей группы? – листал я страницы. – Так, есть! Ну, конечно!»

В переговорный пункт удобней было попасть на обратном пути, но охватившее меня беспокойство по-своему прокладывало маршрут по харьковским улицам.

Пятнадцать копеек, вставленные в монетоприёмник, приготовились провалиться в утробу междугороднего телефона-автомата, в трубке долгие гудки. Наконец-то щелчок, монетка исчезла, раздался нужный девичий голос, звонкий и обнадеживающий:

– Алло, слушаю вас.

– Идуля, привет, – обрадовано воскликнул я.

– Привет. Слушай... – растягивая слова, нараспев перебила меня Ида, – ты же сегодня в Харьков улетел?

Работа по НИСу. 1976 год. *С.Сергеев (Серёня), И.Рыжася(Ида Геллер)*

Ида Геллер – замечательная девушка, коллега по самодеятельности, круглая отличница и, вообще, надёжный товарищ. С ней я сижу рядом на всех парах, но не для того, чтобы списывать. Просто нам нравится посплетничать, а перемены довольно короткие.

– Я звоню из Харькова. Срочно нужны Шура или Манюня. Ты не знаешь, где они могут быть?

– Что-то случилось? – вместо ответа спросила Ида.

– Нет, все в порядке, – чтобы ничего не объяснять, уверил я её. – Забыл пару бумажек по практике, ты их сегодня не видела?

– Шура и Манюня ко мне заходили. Шура сразу ушел, а Манюня посидел ещё пару часиков и минут двадцать, как отправился домой. Им же сегодня на поезд.

– А куда пошел Шура, он не говорил?

– По-моему, он собирался к тётушке, но пошёл или нет, я не знаю.

– Всё, Идуля, спасибо. Пока.

Я быстро отключился, на всякий случай прижав пальцем пятнадцать копеек, чтобы их не заглохнул аппарат.

В записной книжке, совершенно неожиданно оказался рабочий телефон Шуриной тёти. Еще в сентябре она мне ле-

чила зуб, и я с ней созванивался, оговаривая время визита. Пломбу она мне поставила отлично во всех отношениях, без очереди, по записи, без боли, и я был ей очень признателен. Повезло Шуру с тётушкой-стоматологом. Шура очень гордился своими пломбами – она ничем, кроме серебряной амальгамы, его зубы не пломбировала. На то она и тётушка. Моя пломба была обыкновенная – белый цемент или что-то там ещё, не важно.

– Алло, добрый день. А мне нужна Тамара Ильинична... Занята с пациентом? Извините, я звоню из Харькова, сегодня Саша – племянник Тамары Ильиничны должен сюда выехать. Да. Да. Я Сашин товарищ. Мне нужно срочно с ней поговорить Спасибо.

– Что случилось? – в трубке раздался невнятный голос Шуры.

– Шура, ты? Тут проблемы, – быстро начал я тараторить, – тебя с Манюней ищут менты, принесли повестку, комендант оборзел, ведёт себя как начальник тюрьмы. Что случилось? Что вы сделали? Может, вам лучше не приезжать?

В ответ послышалось приглушенное бормотание.

– Что, что? Громче, плохо слышно. Не можешь говорить. Выплюнь вату и говори медленней. Так. Хорошо, я понял. Нет, забыл... Напрочь... Не помню. Хорошо... Я понял. Давай так... – последние пятнадцать копеек провалилась. – Завтра всё толком расскажете. И ещё – прямо с поезда, не заходя в общежитие, зайдите в отделение милиции. А потом

мы что-то придумаем. Всё. Пока. Тётушке привет и новогодние поздравления. До завтра.

9.2. Военный совет

Следующее утро ещё толком не началось, когда в дверь, предусмотрительно закрытую ключом на ночь, раздался стук. Мы лежим и никак не реагируем. Последовало настойчивое дергание ручки. Дверь не поддавалась. Стук повторился, но более настойчивый. Мы давно не спим, слышим и молчим. Уже не костяшки пальцев требовательно выстукивали букву «Ш» – четыре тире азбуки Морзе. А раздраженный кулак сотрясал хлипкую, жалобно осыпающуюся при каждом ударе, филёнку. Мы лежим с довольными физиономиями и ждём дальнейшего развития событий. Пауза.

Мурчик, чья кровать ближе к входной двери, прикладывает палец к губам и глазами показывает, что комендант – а кто же ещё в такую рань? – не ушёл и продолжает стоять за дверью, прислушиваясь к тому, что здесь, у нас в комнате, происходит. Мы даже не дышим – в ответ мёртвая тишина.

Профессор со своего места не может видеть Мурчика, но хорошо видит меня, и я повторяю за Мурчиком все его незамысловатые жесты. Мурчик выставляет ладонь, призывая нас к вниманию, не переставая вслушиваться в происходящее за дверью, затем медленно опускает кисть вниз и, переставляя двумя пальцами, изображает, как комендант уходит от двери.

– За вторым ключом пошёл, – шёпотом предположил

Профессор.

– Второй у нас, а первый уже давно потеряли. Он забыл, сейчас вернется, – так же шёпотом отозвался Мурчик.

Спустя три минуты, согласно намёткам окончательно не созревшего плана боевых действий всё изменилось: замок двери был открыт, ключ вынут, мы оделись, расселись за столом и, сосредоточенно уставившись в разложенные на столе бумаги и книги, изображали тяжкий умственный труд.

Металлический звук вставляемого ключа и безуспешное его проворачивание автоматически включили вторую часть утреннего сопротивления произволу.

Мурчик, как можно громче, со словами:

– К нам лезут воры, – подошёл и резко рванул дверь на себя.

Комендант, а это был он, замер, согнувшись и провожая руками ускользнувший вместе с дверью ключ.

– В чем дело? – на правах обиженной жертвы попёр на него Мурчик. – Вы это что себе позволяете? Проникновение в жилище? Ордер есть?

Комендант был смят сразу, с первого удара. Он что-то пытался объяснить, говорил, что стучал, у него повестка и так далее, но тут протиснулся к ним Профессор и, как бы успокаивая и оттягивая разбушевавшегося Мурчика, что в реальной жизни представить невозможно, вежливо и доходчиво объяснил коменданту:

– Мы с пяти часов сидим и готовим отчеты по практике.

Если вы хотели нас видеть, вам не надо открывать дверь своим ключом. Мы в комнате находимся безвылазно и никуда не уходили. И дверь не заперта.

– Было закрыто, я стучал, – запальчиво возразил комендант.

– К нам никто не стучал, – как с душевнобольным продолжал Профессор, – мы слышали стук, но решили, что где-то что-то ремонтируют. К нам никто не стучал, – для убедительности еще раз повторил Профессор.

У коменданта был радующий глаз обалдевший вид. Он выглянул в коридор, внимательно осмотрел нашу дверь, затем оглянулся по сторонам, потом опять посмотрел на дверь, но уже по-другому, с сомнением, сконцентрировал взгляд на замке и недоуменно вынул ключ.

– У вас даже ключик к нашей двери не подходит, – вежливо подсказал ему Профессор.

В замешательстве, досадуя за свою оплошность, комендант залез в карман пиджака и достал сложенный пополам лист бумаги.

– У меня повестка, где эти? – он развернул листик и показал фамилии Шуры и Манюни.

– «Эти» – это кто? – заинтересованно включился я беседу и, взяв в руки повестку, наконец-то, прочитал ее содержание.

– А эти... У них практика кончилась. Они больше не придут, – сообщил я коменданту, возвращая повестку.

– Они должны приехать, – заволновался комендант, – по-

вестка есть, значит, нужно приехать и явиться в милицию.

– Кому нужно? – вклинился Мурчик. – Кому нужно, тот пусть сам и идет в милицию, – добавил он веско.

– А я со своей стороны, – веско вбивая в гроб предпоследний гвоздь холодной мести, язвительно продолжил я, – обещаю выяснить меру ответственности лиц за неисполнение распоряжений правоохранительных органов. Повестка-то у вас на руках с прошлого года, дорогой товарищ... Нехорошо получается...

– Вам в Одессу надо ехать, – подсказал ему Мурчик, – там вы им её точно вручите.

– Не приедут, говорите? – зловеще ощетинился комендант. – Тогда вы за них и ответите. За всё ответите, – успел он выкрикнуть и осёкся, зыркнув с опаской в мою сторону.

Ну, что ж, война объявлена, провокация на границе прошла успешно, почти мирно. Пора приступать к диверсионной работе.

Сложно себе представить, чтобы Шура с Манюней незаметно пробрались в общежитие. И никакие замысловатые планы не помогли бы реализовать их проникновение: ни отвлекающие маневры на вахте, ни перебежки по коридору, ни ползание по-пластунски вдоль плинтуса, ни лазание глубокой ночью по водосточной трубе к открытому окну второго этажа. Любое из этих действий по закону случайных цифр и неслучайных встреч обязательно было бы замечено и очень громко озвучено.

Поэтому, не мудрствуя лукаво, Шура с Манюней, приехав утренним поездом в Харьков и посетив отделение милиции, пришли в общежитие и, не скрываясь, открыто, миновали дремлющую вахту, поднялись по пустой лестнице, прошли безлюдным коридором и тихо вошли в нашу комнату. Их проникновение в общежитие никто не заметил.

Военный совет происходил при закрытых дверях и выключенном свете. Перед пустой замочной скважиной стоял стул, прикрывая спинкой обзор комнаты.

Было так тихо, что цокот членистых ног пробегающего таракана заглушал шёпот и приглушенный смех склонившихся друг к другу голов, в которых созрел и выкристаллизовывался план по окончательному подавлению местной элиты с целью спокойного и комфортного доживания установленно-го срока практики.

Проще говоря – поставить всех на место и получить от этого заслуженное удовольствие.

Время проведения акции возмездия было назначено и утверждено на первую минуту после окончания заключительной серии премьерного показа «Двенадцати стульев» с Андреем Мироновым. Место проведения – Красный уголок, в котором всё население общежития соберётся возле единственного телевизора.

Обсудили детали и согласно оперативной разработке, по одному, скрытно, разошлись в разные стороны (по своим комнатам), оставив Шуру с Манюней в темноте за запер-

той дверью, чем они благодарно воспользовались, проспав до утра.

9.3. Свиток мести

На следующий день лейтенант милиции лично вошёл в общежитие и попросил провести его к коменданту. Разговор был непродолжительным, сопровождавший милиционера студент не успел далеко отойти от двери, как она снова отворилась, и он услышал голос коменданта:

– До вечера. Ровно в двадцать один ноль-ноль все будут в сборе. Явку обеспечу.

Комендант выглянул в коридор, проводил взглядом лейтенанта и скомандовал замешкавшемуся студенту:

– Сходи к аспирантам, приведи председателя совета общежития. Скажешь, что очень срочно. Бегом.

Довольно потирая руки и замурлыкав от удовольствия модный новогодний мотивчик, он прикрыл за собой дверь в предвкушении аутодафе одесских студентов.

Порядок действий неторопливым свитком разворачивался, вскрывая написанные нами мелкими буквами строки грядущих событий. Это придавало процессу мести холодную осмысленность и взбадривало мозг бурлящими ключами горячей крови.

В нашем распоряжении было три комнаты. В одной из них Шура с Манюней за закрытой дверью, как рояль с контрабасом в кустах, ожидали своего выхода. В других, отведенных для общения с представителями общежития, было уста-

новлено дежурство, чтобы, не дай Бог, мы не пропустили ни одного важного заявления, исходящего из комендатуры, и не заставили наших уважаемых оппонентов занервничать и сойти с намеченного нами пути.

Как и ожидалось, не прошло и двадцати минут после ухода лейтенанта милиции, как раздался одиночный, не требующий ответа стук, и на пороге комнаты появился студент. Перед собой он держал развернутый лист бумаги:

– Распоряжение коменданта. Сегодня в двадцать один ноль-ноль в Красном уголке состоится собрание. Повестка – «Правонарушения в нашей среде». Собрание проводит администрация общежития совместно с милицией. Явка всем студентам и аспирантам строго обязательна. А вам каждому под роспись. Пишите «ознакомлен», подпись и дата.

Будь это другая, неконтролируемая нами, ситуация, такое заявление закончилось бы просто – захлопнули перед верно-подданническим студенческим носом дверь и предложили воспользоваться устным маршрутом по направлению в одну большую, эмпирическую, популярную и многострадальную задницу. Но сейчас был особый случай. Все шло по плану – собрание назначили, время и место совпадали, явка всех обязательна. Так и нам отказываться грех. Приказано прибыть, значит, прибудем вовремя, как поезд у Генриха Бёлля.

За час до начала фильма в Красном уголке все места были заняты. Красный уголок – это большая комната в четыре огромных окна, больше похожая на актовый зал, только

без сцены. Стены завешаны в полном соответствии с марксистко-ленинской идеологией агитационными наглядными пособиями, выдержанными в строгих красных цветах государственного флага, и большими фотографиями членов политбюро. На самом видном месте большой цветной портрет Леонида Ильича Брежнева с двумя золотыми звёздами. Третью, декабрьскую, не успели ещё дорисовать.

«Могли бы и портретик поменять целиком... Непорядочек... – учуяв первые признаки инфекционного заболевания всеобщей бдительностью отреагировало неусыпное «комсомолистское» нутро и дополнило подмеченный фактик гнусенькой мыслишкой, – надо бы «стукнуть» на коменданта в партком. Угу... Анонимку состряпать. Мелковато, конечно... Но на всякий случай нужно запомнить – пригодится...».

Скрипучие секции из четырёх кресел с откидывающимися сиденьями заполнялись зрителями, в проходах появились стулья и табуреты, с которыми подтягивались студенты, оживленно гадая, удастся ли Остапу и Кисе Воробьянинову найти сокровища.

Провинциальная наивность умиляла – каждое высказывание по предполагаемому пути развития сюжета в последней серии фильма заслуживало отдельных публикаций в приложении к книге «Двенадцать стульев» под обобщающим названием «Простота – хуже воровства».

Нам удалось пристроиться на широком подоконнике в зо-

не резко континентального климата – ноги сквозь тапочки уютно согревали выпуклые секции радиатора, а спину выхолаживал проникающий с улицы через большие стёкла январский холод. Дополняли дискомфорт предательски колющие сквозь плохо уплотнённые щели в рамах ледяные сквознячки.

Фильм подходил к концу – дело шло к развязке. Ося заснул перед последней ночной вылазкой, а коварный Киса в исполнении Анатолия Папанова – точно так же, как и ранее Киса в исполнении Сергея Филиппова, – влекомый алчностью и нежеланием делиться кладом своей тёщи, перерезал Остапу бритвой горло. Ничего нового. Ждёшь чуда, надеешься, может, хоть в этой редакции Бендер найдёт клад. Однако авторское прочтение непоколебимо – престарелый сторож, взгромоздившись на последний стул мастера Гамбса из гарнитура мадам Петуховой, так и не закрутит электрическую лампочку, поскользнётся и ненароком порвёт обивку *английского ситца в цветочек*, обнажив запрятаные в стуле сокровища. Молодое, ещё неискущённое в утаивании и воровстве, социалистическое общество жизнеутверждающе потратит обнаруженные сокровища на собственное светлое будущее в виде клуба железнодорожников – *паровое отопление, шашки с часами, буфет, театр, в калошах не пускают!*..

И так всегда. Что с «Ромео и Джульеттой», так и тут, с любимым Остапом Бендером. Ждешь, чтобы восторжество-

вала справедливость, надеешься. В глубине души созревает невольный посыл, кажется, ещё чуть-чуть и свершится чудо – пусть не в этой серии и не в этом фильме. Но Ромео с Джульеттой не умрут, а вместе отправятся в изгнание (и не будут они брать в голову бредовый идиотизм, что «*Изгнание – ложное название смерти*»), проживут там долго, счастливо и ещё вернутся в Верону. Во всём белом. В сопровождении бегущих факелоносцев, в белой, на резиновом ходу, карете. И Бендер. Обязательно, рано или поздно, перейдет румынскую границу и заслуженно наденет в противовес красным революционным шароварам вожделенные белые буржуазные штаны. И, сидя под пальмой на берегу обширной бухты Атлантического океана в далеком Рио-де-Жанейро, он будет слушать *чарльстон под названием «У моей девочки есть одна маленькая штучка»* и стряхивать пепел ароматной гаванской сигары в *блюдечко с голубой* каёмочкой вместо пепельницы (по капризу богатого клиента), услужливо протягиваемое трепетным и предупредительным официантом. Но, увы и ах. Развязка преопределена.

Пока Ипполит Матвеевич переживает нервный срыв под финальные аккорды фильма, комендант общежития встал с места и заслонил своей тщедушной грудной клеткой выход из Красного уголка, по-гестаповски заложив руки за спину и широко расставив ноги.

Титры «Конец фильма» послужили прелюдией к следующему действию, на этот раз с реальными живыми людьми.

В полном соответствии с нашим доморощенным и строго засекреченным сценарием начиналось новое представление. Конечно, Шура и Манюня – скромные персонажи, не такие яркие, как герои экранизированного авантюрного романа, но по духу в чём-то неуловимо схожие. Сами они в это время находились где-то неподалёку от Красного уголка и с повышенной готовностью ожидали условного третьего звонка для выхода на главную сцену.

– Внимание! Никто не расходится. Все остаются на местах, – властно сообщил гроза общежития, выключая звук телевизора.

Кто-то услужливо зажёл потолочные лампы. После специфического просмотра фильма с характерным для данной местности игнорированием искрометных шуток и гоголом в самых неожиданных местах наступившая по требованию коменданта тишина собрания сдержанно наполнялась монотонным недовольным гулом и непрерывным ёрзающим скрипом деревянных кресел.

Комендант выглянул в коридор и зазывно замахал руками:

– Сюда. Сюда пожалуйста, товарищ лейтенант.

Молодой лейтенант милиции, смущаясь, вошёл в Красный уголок и, сощурившись от яркого света, остановился, едва переступив порог. Комендант подхватил его за рукав и уверенно повел от двери к телевизору как к центру мироздания. Он же центр цивилизации, культуры, пропаганды, про-

свещения и спорта в одной выпуклой мерцающей линзе. На экране беззвучно вращалась огромная спутниковая антенна и, наклонившись в сторону зрителей, замерла на фоне белых букв «Информационная программа ВРЕМЯ».

«Самое время – напрашивалась тривиальная шутка».

Игорь Кириллов появился на экране, бесшумно пошевелил губами и тут же исчез, уступая место череде важных партийных деятелей, восседающих с многозначительными немигающими взглядами вдоль длинного стола.

– Товарищи, – начал комендант, – у нас в гостях товарищ лейтенант, представитель нашего районного отделения милиции. Он расскажет о правонарушениях, которые совершаются в нашем районе. К сожалению, к некоторым из них причастны и проживающие в нашем общежитии студенты. А кто это, мы сейчас узнаем. Прошу вас.

Взгляды присутствующих устремились на милиционера. Комендант быстрыми фиксированными движениями головы из стороны в сторону добился полного внимания зрительного зала, после чего замер возле оробевшего милиционера, сияя, словно зависший латунный маятник кабинетных часов.

– Товарищи, – замямлил лейтенант, – в нашем районе не так давно произошел инцидент... с участием студентов вашего общежития. Двое студентов... из Одессы... – тут он достал листик и зачитал вслух фамилии Шуры и Манюни, – недалеко от общежития, у гастронома на Московском про-

спекте...

Завершить фразу ему не удалось, дверь в Красный уголок открылась и в тёмном проёме, прямо за спиной непривычного к публичным выступлениям лейтенанта, появились Шура и Манюня собственными персонами.

Мы рассчитывали на их эффектное появление, но то, с каким ювелирным расчётом, на полуфразе, аккуратно на самом интересном месте, они открыли дверь и предстали во всей красе, заставило меня снять перед их виртуозностью невидимую шляпу глубокого почтения.

Первым, согласно разработанному плану, отреагировал комендант:

– Вот они, – заголосил он, не обращая внимания на оторопевшего милиционера.

Дверь с шумом захлопнулась – Шура с Манюней исчезли.

– Задержать их, – подбегая к двери, захлёбывался комендант, зазывая аспирантов и студентов-активистов присоединиться к преследованию, – быстро задержать их, – и осёкся, уткнувшись в закрытую створку.

Он толкнул её рукой, подналёг плечом, отступил назад, быстро разбежался и прыгнул на дверь с разбега. Было видно, как ему больно, но его усилия были тщетны, ни миллиметра подвижек, – снаружи обе створки надёжно подпирали могучие чудо-богатыри Шура и Манюня.

Страшный вой и проклятья раскрасневшегося коменданта только подстегнули толпу жаждающих острых впечатлений

студентов и аспирантов, уставших от рутинной скуки дисциплины, скрыто склонных к грубому рукоприкладству и страдающих от ограничений в выплеске внутренней агрессии, ежедневно повинуюсь не устоям этики и морали, а все-сильному страху отчисления. Были и такие, кто сознательно или подсознательно желали свести с нами счёты, а также солидарные с ними товарищи, решившие за компанию размяться. В порыве праведного гнева несколько крепких ребят принялись сосредоточенно выбивать плечами дверь. В запале, наращивая силу ударов, они довели сотрясение стен до уровня первого, предупреждающего, выброса лавы разбуженным Везувием. На шестом ударе их усилия увенчались ложным успехом, и, словно в жанровых фильмах из мира погонь и приключений, первая пара удалых молодцов, распахнув своими телами настежь дверь, мгновенно исчезла в темноте коридора. По нескольким секундам тишины до их падения на пол можно легко убедиться, что им, всё-таки, удалось преодолеть силу гравитации и пролететь в свободном полёте несколько метров, от пяти и выше. Остальные, возбуждённые азартом погони и безнаказанностью активных боевых действий, погнались за нашими ребятами, разбежавшимися в разные стороны. Комендант, потирая ушибленное плечо и почему-то прихрамывая, семенил следом и раздавал команды, всё глуше и тише звучащие из глубины коридора.

Милиционер, а тут ему надо отдать должное, прикрыл за ними дверь и продолжил своё выступление. Негромким спо-

койным голосом он очень старательно описал факт происшествия возле гастронома на Московском проспекте со своим участием и участием наших ребят. Говорил лаконично, чётко, опуская подробности, недопустимо скромно, скучно, без изюминки. Меня аж подмывало соскочить с подоконника, отодвинуть его в сторону и красочно рассказать своими словами и так уже обомлевшей после краткого сообщения милиционера аудитории то, что я лично, конечно же, не видел, но очень зримо себе представлял. Но... Кусая от нетерпения губы и нервно подпрыгивая на месте, я всё-таки удержался – нельзя нарушить заготовленное продолжение праздника мести, тем более, что план по исполнению вендетты мы не только выполняли, но и, как положено передовой советской молодёжи, перевыполняли.

Лейтенант, сводный брат краткости, уложился буквально в одну минуту, завершив своё выступление, по-моему, гениальной фразой, которую сам он выдумать не мог – где-то подслушал, это как пить дать:

– Скромность украшает человека, – назидательно проговорил милиционер и протянул руку в сторону закрытой двери.

9.4. Так что же всё-таки произошло?

Пересказывать краткие мемуары этого молодого офицера, который в силу сложившейся экстремальной ситуации и сам не мог помнить всего того, что с ним произошло, не имеет смысла.

Целиком происшедшее звёздное событие, подобно мозаичному панно, фрагмент за фрагментом, складывалось из воспоминаний Шуры, с одной стороны, видения происходящего Манюней, с другой, и потуг лейтенанта (с которым я накануне встречался в отделении милиции для делового и обстоятельного разговора), с третьей. Лейтенант был самым тяжёлым случаем – помнил мало, смутно, обрывками, постоянно путался. В конце концов, достал протокол задержания и прочитал голые факты.

Всё верно, это произошло в те дни, когда игра в покер определила наши жизненные приоритеты, полностью вытеснив на второй и третий план все события, не входящие в зону игровых интересов. Второстепенное обнулялось. Игра, поправ нравственные законы, с эгоистичным лицемерием завладела нашими неокрепшими душами. Не удивительно, что происшествие с участием наших товарищей полностью нивелировалось на фоне гремучих покерных страстей и прошло мимо, не оставив даже штрихпунктирной линии в черновике воспоминаний.

Недели за две до Нового года Шура и Манюня раньше обычного возвращались из института в общежитие. Шуру ну никак нельзя назвать Сашей, Саней или Шуркой. Только Шурой. Широкоплечий, мощный, спортивный парень. Александр вообще не его имя.

Манюню же с его итоговым двухметровым баскетбольным ростом с раннего детства были противопоказаны имена типа Серёжа, Сергуня, а тем более Серый – Сергей и точка. Солидно, по-взрослому, авторитетно. Манюней его называли с большой любовью только самые-самые-самые близкие люди.

На своей остановке, сминая зазевавшихся пассажиров, они с трудом выдрались из жарко протопленной бескислородной среды переполненного троллейбуса. Осмотрелись по сторонам – мир им показался чарующим и восхитительным. А почему нет? Ярко сияет солнце, искрит свежий снег, голубое небо напоминает лето. Такое мироощущение нельзя пропустить, его хочется обязательно зафиксировать, чтобы ещё несколько часов чувствовать мимолётное волшебное прикосновение морозного солнечного дня. Ну, в самом деле, не писать же лирические стихи на тему «Как хорошо после троллейбуса шагать по грязной мостовой, искрится снег вдали и кажется, что ты слегка бухой». Это не годится. Настоящие мужчины отмечают это состояние мелодичным перезвоном тонкого рюмочного стекла, а настоящие герои закрепляют его глухим сотрясением гранёных стаканов.

Наши рыцари без страха и упрёка, Шура и Манюня, пере-

плюнули и супергероев тоже. Набрал полные лёгкие звенящего, слегка папахивающего литейным производством морозного воздуха Московского проспекта, Шура предложил:

– А не выпить ли нам сока?

Шура любил яблочный сок. Готов был его употреблять в любое время суток в немереных количествах. Своё взросление он отметил тем, что перестал есть первое. Всё многообразие жидкой горячей пищи он заменил соками, особенно яблочным.

Каждый день после практики он обязательно заходил в гастроном, стоически выстаивал очередь и совершал жизненно необходимый ритуал по употреблению вожеленного напитка.

Так было и в этот раз. Душа пела, Шура чувствовал, что минимум пять стаканов сока будет востребовано его молодым растущим организмом для запечатления в памяти незабываемой остроты текущего момента. И он не ошибся. После символического чоканья, стакан за стаканом этого бледного водянистого малопрозрачного сладковатого, но с естественной оскоминой, что напоминало о его природном происхождении, продукта исчезали в их могучих недрах. Манюня спекся и остановился на трёх стаканах, Шура, сосредоточенно допив пятый, решил не обижать товарища и воздержался от продолжения праздника жизни.

Пока Шура безучастно выставлял пустые стаканы в ряд на круглом сером мраморе высокого столика и вяло думал о

смысле жизни, Манюня уже стоял в очереди за колбасой на ужин, прикидывая, сколько нужно её купить, чтобы осталось немного на завтрак, а если повезёт, то ещё разик на ужин. Но безнадежность ситуации, при которой съедалось всё и сразу, переводила эти размышления в разряд недоказуемой теоремы Ферма.

Первым из магазина, потягиваясь от удовольствия, вышел Шура. Всё его существо было обращено к своему внутреннему миру, где в глубине собирался пузырящийся сгусток отрывки, медленно подбиравшийся по пищеводу к горлу. Вот, ещё чуть-чуть и мир огласится оглушительным выхлопом яблочного воспоминания. Но процесс застопорился. Какая-то непреодолимая сила мешала завершению начатого физиологического акта, что-то невнятно неопределённое назойливо и раздражающе чинило невразумительные помехи.

Странное и отвлекающее действие происходило буквально несколькими ступенями ниже: молоденький милиционер, лейтенант, маленький и худенький держал высокого плотного мужчину в мохнатой, надвинутой на самые глаза шапке и просил его предъявить документы. Сам комизм ситуации, когда милиционер, едва достающий до плеча своему визави, с высоко задранной головой, срывающимся пронзительным голосом что-то требует, заслуживал того, чтобы Шура, навсегда распрощавшись с надеждой получить привет из глубины души, переключил свое внимание на внешний мир и с интересом принялся наблюдать за развитием событий у его

ног. Ситуация была патовой: лейтенантик двумя руками держал обе руки мужчины и при этом требовал предъявить паспорт или справку об освобождении. Мужчина что-то в ответ бубнил, стараясь освободиться из цепких рук маленького милиционера.

– Пройдемте в отделение, – воскликнул милиционер и попытался сдвинуть мужчину с места.

Результат был нулевой. Он попробовал ещё раз, сильнее упершись ногами в землю, и с тем же результатом. Тогда, после незначительной паузы, милиционер попытался провести приёмчик и заломить руку мужчины за спину, но она не поддалась ни на йоту.

Мужчине явно не нравилось то повышенное внимание, которое оказывалось его персоне в столь людном месте, и он шаг за шагом удалялся подальше от гастронома. Его перемещение с лейтенантом, намертво вцепившимся в руку, меньше всего напоминало задержание, а больше было похоже на разновидность аргентинского танго, которое танцует однополая неумелая пара.

Лейтенантик упирался ногами в землю, тормозил и, резко откидывая тело, старался тянуть мужчину обратно. После нескольких секунд статической позы милиционер, сорванный с места мощным рывком мужчины, высоко взлетал, мелко перебирал в воздухе ногами, ловко приземлялся и опять тормозил громилу; выразительно откидывал корпус, бесстрашно устремляя центр своей цыплячьей тяжести

по направлению к асфальту, и старательно, упорно, самозабвенно тянул мужика назад.

После нескольких подобных пируэтов мужчина сменил тактику и попытался стряхнуть с руки вцепившегося милиционера. Но не тут-то было. Крепкие пальцы лейтенанта намертво захватили ткань толстого зимнего пальто. Мужчина взмахнул рукой, стараясь сбросить с себя надоевший груз в шинели, но тот, как продолжение рукава, легко взлетел вверх и шумно, потеряв равновесие, плашмя шлепнулся ногами об асфальт. Ещё взмах и ещё один шлепок.

Мужчина несколько раз быстро провернулся вокруг своей оси, привлекая на помощь центробежные силы и центробежное ускорение. Опять неудача. Бравый офицер, ногтями и зубами вцепившись в рукав противника, превозмог дополнительную нагрузку и совершил соответствующее количество оборотов без касания земли ногами. Так, видимо, вращался спутник с космонавтом-собакой Лайкой вокруг Земли – хотелось лаять, а рот был занят сахарной костью (непроверенный факт).

Танцевальные па с полётами и вращениями явно утомили угрюмого плясуна. Он решил разнообразить танец, включая в произвольную программу всё больше новых рискованных элементов.

Мужчина изловчился и, улучив момент, когда растрёпанный милиционер в очередной раз после вращения потеряет равновесие и шлёпнется ногами об асфальт, резко побежал,

стараясь свободной рукой выломать побелевшие от напряжения пальцы лейтенанта. Пригнув голову, он тяжело трусил по большой дуге, а лейтенант длинным подолом грязного свадебного платья тянулся за ним, скользя ботинками по натоптанному снегу.

Примечательно, что освобождаясь от милиционера, мужчина потерял всякую ориентацию в пространстве и уже сам тянул милиционера в нужном для того направлении, но лейтенант ситуацию не контролировал, он продолжал настойчиво, на инстинктивном уровне, тянуть детину в противоположную сторону. Приблизившись к гастроному, мужчина осознал, что вернулся на исходную позицию и, покрутив по сторонам лысым, уже давно без шапки, крупной лепки блестящим черепом, резко ударил несколько раз лейтенанта кулаком в голову. Шапка лейтенанта ещё плотнее села, оттопырив уши, милиционер обмяк и стал медленно опадать, судорожно цепляясь за рукав пальто. Мужчина ударил ещё раз и лейтенант, выронив из руки вырванный лоскут чёрной ткани, упал к его ногам.

Если и была потеря сознания у милиционера, то мгновенной. В следующий момент, лёжа на грязном, в снежных потёках асфальте, он вцепился в ногу преступника, прижался к ней грудью и, извиваясь, тянулся к его второй, свободной ноге, стараясь её заплести или подсечь, переводя единоборство в партер. Преступник явно запаниковал. Несколько сильных ударов ноги сотрясли маленькое туловище лей-

тенанта, но тот упорно держал мужчину за ногу, из молящих глаз безнадёжно обращенных к прохожим текли слезы:

– Помогите, это опасный преступник, его нужно задержать, – повторял он под градом обрушивавшихся на него ударов.

Пока с невероятной быстротой разворачивались эти события, Шура, оценив, что на его глазах совершается настоящее преступление, был уже внизу многоступенчатого марша гастронома и спешил на подмогу лейтенанту.

Милиционер не шевелился, только слабо обняв ногу преступника, всхлипывал и просил помощи. После очередного удара он замолк и обмяк, мужчина высвободил ногу, воровато поднял свою шапку, криво нахлобучил её и боком, втянув голову в широченные плечи, потрусил в сторону троллейбусной остановки.

– Эй, подожди, – быстро приближаясь, окликнул его Шура.

На свою беду, в виде будущего длительного срока заключения, мужчина на мгновение замешкался и оглянулся на голос спешащего Шуры. Больше они ни о чём не говорили.

Шура, стремительно сократив расстояние, согнул ногу, приподнял колено на уровень груди и резким, неуловимым, пружинистым движением, выпрямил нижнюю часть конечности, обрушив всю свою мощь в область живота противника. Тот согнулся, подставив незащищенную голову, в которую тут же последовал короткий удар, как бы указывающий

направление падения. Преступник рухнул рядом с милиционером, уткнувшись в его стёртые об асфальт носки форменных ботинок.

В этот момент из гастронома вышел Манюня и остолбенело уставился на живописную композицию внизу, у подножья ступеней. В центре Шура с раздутыми от возбуждения ноздрями и сжатыми кулаками, у его ног два тела, и одно из них (о, ужас!) в милицейской форме. Неподвижно застывшие скульптуры из плоти и крови красноречиво кричали о криминальной подоплёке инцидента. Толпа зевак росла быстро и целенаправленно со скоростью и суетой железных опилок, стремящиеся к магниту на уроке физики. Шура ещё не успел найти глазами Манюню, как его уже обступили плотным молчаливым кольцом и рассматривали строгими, осуждающими глазами.

Наконец Шура увидел своего друга, возвышающегося над головами ротозеев, и через головы громко пояснил:

– Этот, – указывая на всё ещё неподвижно мужчину, – опасный преступник, – а милиционер, вот этот, просил помочь его задержать.

Комментарий был не лишним – в толпе уже прозвучала робкая рабочая версия, что Шура убил сразу двух милиционеров.

– Кто-то вызовет, наконец, милицию? – грозно спросил Шура у обступившей толпы.

– Райотдел тут рядом, – подсказала женщина, указывая

рукой направление, – в двух шагах.

Манюня попробовал поднять и поставить милиционера. Тот немного пришёл в себя, но ноги не держали, подгибались. Манюня пытался его придержать, но лейтенант безвольно завалился вперед и марионеткой завис, перекинувшись через согнутую руку нашего высокого товарища.

Мужчина очухался и с трудом, не поднимая головы, попластунски пополз прямо перед собой, пока не уткнулся кому-то в ноги.

После безуспешных попыток поставить милиционера Манюня взвалил его себе на плечо, но почувствовав при первых же шагах бессильные удары головы по спине, взял лейтенанта на вытянутые руки и бережно понёс. За ним Шура вёл еле переставляющего ноги преступника, одной рукой крепко ухватив его за ворот пальто, а другой за кисть высоко завернутой за спину руки.

– Что с человеком сделали, изверги, – прозвучала из толпы сердобольная фраза, явно не относящаяся к избитому милиционеру.

Пара шагов до райотдела была пройдена минут за десять. Процессия во главе с тушкой лейтенанта, вызывающей болезненную жалость безвольно свисающими и раскачивающимися в такт ходьбы руками, вступила в отделение милиции.

Задержанного мужчину, всё время молчавшего, со смежённой, перекошенной челюстью передали из рук в руки.

Его тут же увели. Оставшиеся в отделении милиционеры занялись раненым лейтенантом.

Тот, несмотря на все попытки привести его в чувство с помощью нашатырного спирта, реагировал на окружающих неадекватно. Его открытые мутные глаза никак не фокусировались, он мычал, мотал головой, пытался говорить, издавая нечленораздельные звуки. В конце концов его стошнило, и он потерял сознание. Коллеги лейтенанта, не на шутку испугавшись, оперативно по спецсвязи вызвали скорую помощь.

После нескольких формальных слов, подписей под протоколом и записей в книгу регистраций, ребята опять столкнулись с преступником нос к носу. На этот раз он угрюмо смотрел на них с листовки «Их разыскивает милиция».

Шура задержался возле фотографии, внимательно читая краткую аннотацию со списком его примет и заслуг. Ещё раз, пробежавшись глазами по тексту, он многозначительно заметил:

– Если бы мне раньше попалась эта бумажка, я бы в жизни на него не полез.

И пальцем, как первоклассник, провёл по строчкам текста, читая по слогам вслух:

– «Особо опасный преступник. Может быть вооружен». Ты видел?

И добавил восхищенно:

– А лейтенантик-то знал и всё равно пытался его задер-

жать... Орёл.

На выходе из отделения милиции их встретили два бездомных пса, один большой, с лохматой свалявшейся шерстью, радостно завилял при их появлении хвостом, второй поменьше, шумно возил носом пустую коричневую оберточную бумагу, вылизывая остатки запаха.

Манюня проверил карманы куртки и спокойно произнес:

– Нашу колбасу уже съели. Пошли в гастроном.

– По соку? – подхватил Шура, слизывая с костяшек пальцев выступившие капельки крови.

9.5. Сладость холодного мщения

И было это именно в тот день, когда мы катастрофически продулись в карты.

Шура с Манюней, как ни в чём не бывало, вечером вернулись в общежитие. Немного позже обычного, но не на столько, чтобы на это обратить внимание затуманенным покером мозгом. Пришли и пришли, главное, что не опоздали. В силу своей, как оказалось в действительности, природной скромности, они не ознаменовали появление в комнате экстренными и громогласными сообщениями о своих похождениях. Попытались, правда, несколько раз неторопливо начать разговор на тему драки возле гастронома и тут же замолкали, уткнувшись в вату нашего невнимания. Самое интересное в тот момент стремительно развивалось на «ломберном» столе. Потом мы переезжали в другие комнаты, страдали от поражения и безденежья, голодали, ходили на «день варенья», переживали последствия «сына полковника КГБ», уехали в Одессу, встречали Новый год. В общем, информация потеряла свою новизну и актуальность, затёрлась, забылась и чуть было совсем не растворилась в мировом эфире, с каждым днём всё более и более становясь похожей на забытую старую книгу.

Но Провидение решило по-своему повлиять на ход истории и восстановить справедливость.

Героический лейтенант в канун Нового года был выписан из больницы. В сопровождении майора и сержанта, которые своими глазами в райотделе видели и Шуру, и Манюню, и могли их опознать, группой из трёх блюстителей правопорядка в форме с погонами они пришли в общежитие, чтобы, как они выразились, наконец-то познакомиться и пожать друг другу руки. Но опоздали, мы уехали в Одессу. Сразу после Нового года приходил уже один лейтенант, и чтобы коменданта не подвела память, оставил ему для ребят повестку. Шура и Манюня после нашего телефонного разговора прямо с вокзала пришли в знакомое им отделение милиции. Только они представились, как их тут же окружили милиционеры, пожимали руки, похлопывали по спине, приглашали на службу, и оказывали, не скрывая радости, прочие знаки внимания. И неспроста – их райотдел, по своим, только им известным показателям, благодаря предновогоднему задержанию по итогам года вышел на первое место, и весь личный состав с нетерпением ожидает денежную премию. Но бдительного лейтенантика в отделении, к сожалению, не оказалось, застрял где-то по службе.

Как только нами был разработан предварительный план возмездия, я специально на следующее утро, пораньше, пришёл в райотдел, дождался лейтенанта и попросил его по принципу «добро за добро» инициировать собрание в Красном уголке общежития, где наконец-то он и встретится со своими спасителями. И ещё, мне удалось его убедить подго-

товить внештатный, но очень приятный и заслуженный сюрприз для этих двух очень скромных и стеснительных героев. Вот тут он упёрся и со словами «не положено» категорически отказывался меня слушать. Пришлось нажать на самое болезное – напомнить, а кому он, по большому счету, обязан собственной жизнью. Уговорил...

– Скромность украшает человека, – в завершение своего выступления в Красном уголке повторил лейтенант в контексте очевидной застенчивости героев, постеснявшихся присутствовать на собрании, посвященном их же подвигу и попросту сбежавших от повышенного к ним внимания.

Он замолчал, выжидательно посматривая на дверь, из-за которой доносились малопонятные звуки. Над залом повисла тишина вынужденного нетерпения – хотелось поскорее увидеть главных действующих лиц, задержавших опасного преступника. Самые нетерпеливые, вытягивая шеи и приподнимаясь с мест, всматривались в белую филёнчатую поверхность входной двери. Их повышенное внимание было сродни недоумению искушённых театралов – музыкальная прелюдия прозвучала, а оживший закрытый занавес, дёрнувшись, замер и никак не желает открываться. Пауза затягивалась.

Милиционер стоял по стойке смирно и незаметно, нервно, переминался с ноги на ногу. Волнующимися пальцами он то с шумом решительно открывал, то медленно закрывал змейку кожаной папки.

Первым не выдержал кто-то из зала:

– А где сейчас преступник? Он, в самом деле, особо опасный?

Лейтенант с радостью зацепился за вопрос и поспешно снабдил зрительный зал дополнительной информацией.

– А вам не было страшно одному задерживать такого матерого бандита? – спросила девушка, наконец-то увидевшая воочию перед собой настоящего героя нашего времени.

Как бы оправдываясь, милиционер попробовал объяснить:

– Поначалу думал, что похож. Решил только проверить документы. А потом, когда он сказал, что документов нет, пригласил пройти в отделение. Он отказался и тогда...

В коридоре послышался приближающийся гомон голосов, топот ног, шарканье шагов и, наконец в Красный уголок победоносно прошествовал комендант, держась за ушибленное плечо:

– Мы их взяли, – радостно доложил он лейтенанту, – от нас ещё никто не убежал.

Затем появились следующие действующие лица: аспиранты во главе с будущим деканом-садистом, Шура в окружении десятка студентов-активистов, боязливо придерживающих его за джинсовую куртку. Далее вообще смешной кадр из старого мультфильма про Гулливера – Манюня, облепленный, нельзя сказать, что с ног до головы, но точно снизу до пояса, разгорячёнными и взлохмаченными добровольца-

ми-камикадзе в роли лилипутов.

Выглядело всё именно так, как и было нами задумано – добровольная народная дружина в рамках своих обязанностей совершила акт правопорядка на вверенной им территории и с глубоким чувством выполненного долга передавала плоды своего труда в карающие руки Закона в синей фуражке с красным околышем. С той лишь разницей, что милиционер был без головного убора и не являлся представителем судебной системы. Но это уже тонкости юриспруденции.

Комендант торжествующе обернулся к милиционеру, заглядывая в его лицо, словно верный пёс в ожидании награды от доброго хозяина за исполненную команду «аппорт!». Но офицер этой преданности не заметил – он глядел сквозь добровольного помощника, не замечая никого, кроме Шуры и Манюни.

Лейтенант расширенными, удивлёнными глазами, по-девичьи хлопая белёсыми ресницами, остолбенело уставился на вошедших Геракла с Геркулесом, впервые увиденных им вживую, не в силах произнести ни единого звука. Пораженный первым впечатлением от знакомства со своими спасителями, он совсем забыл, о чём я с ним договаривался. Милиционер бросился пожимать им руки. Сперва Шуре, натываясь и обходя некстати крутившихся под ногами студентов, затем Манюне, который протянул ему свою руку вместе с повисшим на ней студентом. Затем он пытался пожать им руки обоим, влюблённо заглядывая в глаза, кивая головой и пы-

таясь что-то сказать.

Разгорячённые бегом по этажам общежития комендант и его помощники не успевали должно отреагировать на происходящее. Всё настолько не укладывалось в рамки прогнозируемой ими ситуации с привлечением к уголовной ответственности наглых одесситов, которым не помогут «ни папа, ни мама, ни волосатая рука», что они тупо смотрели на неподдельные эмоции милиционера, видимо, усматривая в его действиях какой-то тайный ход, который вот-вот раскроется, и справедливость, наконец-то, восторжествует под бдительными, внимательными и строгими взглядами всех членов политбюро, лично товарища Брежнева Л. И. и косящих профилей великих Ленина, Маркса и Энгельса, развешанных на всех четырёх стенах Красного уголка.

Рукопожатия затягивались. Милиционер продолжал самозабвенно трясти кисти ребят, увеличивая амплитуду колебаний до резонансной. В большие тёплые ладони парней переливалась его искренняя радость за то, что он остался жив и здоров, что ему обещана премия и очередное воинское звание. Не исключено, что ещё что-то сугубо личное, на что повлиял геройский поступок отважного лейтенанта.

«Определенно он забыл, – с досадой подумал я, – ведь мы же договаривались... Я же ему всё подготовил... Лопух».

Отвернувшись в сторону окна и глядя сквозь отраженные в стекле наглядные пособия агитации Красного уголка вниз, где медленно проползали красные и белые пары огоньков ма-

шин, я громко и чётко произнес, как гипнотизер на сеансах коллективного оболванивания, только одно ключевое слово:

– Грамоты.

Лейтенант встрепенулся. Спohватившись, он с радостью обнаружил зажатую под мышкой кожаную папку. Отойдя на несколько шагов назад, не переставая улыбаться, взволнованно, в меру суетливо, но с достоинством, он её расстегнул и извлек оттуда два красочных документа.

– Почётная грамота, – произнёс он, засипел и сделал паузу для вынужденного покашливания.

Комендант подался вперед, приобнял за плечи своих ближайших помощников, как бы подбадривая: «Не робейте, ребята, сегодня я заслужил награду, а завтра вы». Он весь, от хохолка редких прилизанных волос до сбитого мозоля на мизинце ноги, обратился в благоговейный трепетный слух.

По мере того как лейтенант читал содержимое почётной грамоты, в которой после всех необходимых в данном случае торжественных «за проявленный героизм и мужество при задержании особо опасного преступника», видимо, по ошибке, досадному недоразумению, была вписана не его, прилежного исполнителя всех приказов и распоряжений, фамилия, облик коменданта менялся. Самое захватывающее и комичное, как в кривом зеркале комнаты смеха, отражалось на его многострадальном лице.

Воспользовавшись музыкальной терминологией, уместно сказать – гамма переживаний отобразилась на его челе. Но

упорядоченный перебор белых клавиш рояля, как в гамме до мажор – последовательное возрастание звука на два тона, полутон, три тона, полутон – никоим образом не соответствовал изменениям его мимики.

На его крысином личике с быстротой пальцев скрипача сменяли друг друга нарастающие дубль-диезы гордости и самодовольства, адажио непонимания и удивления, сосредоточенное легато напряжения, пиццикато растерянности и неверия, беглые форшлаги догадки, мимолётное стаккато радости, каданс разочарования и глубокое глиссандо обиды в басовом ключе. В его бегающих, растерянных глазах промелькнула война не на жизнь, а на смерть между белыми и чёрными клавишами завывающего аккордеона. Если бы сейчас, во всеуслышание, зазвучали флейта, тромбон или ещё какой-нибудь геликон его души, то это была бы не строгая гамма, пусть и расходящаяся си бемоль минор, а какофония диких звуков отчаяния, рвущих в лохмотья барабанные перепонки. «Ша верзолъ мажор с репризой», подсказал бы музыкальный Пит на языке «лабухов».

Кульминация приближалась. Обиженным ребенком с надутыми губами комендант всем своим видом напоминал стацию вселенской скорби. Аспиранты, дабы не уронить свое пошатнувшееся достоинство, отважно спрятались за его спиной, некоторые счастливики успели с облегчением плюхнуться на свои места, а студенты, обступившие Манюню, вопросительно закрутили головами, ловя подсказки из разве-

селившегося зала.

Лейтенант подошёл и торжественно вручил грамоты. Вокруг Шуры и Манюни произошли метаморфозы – на животном уровне, уловив смысл прочитанного милиционером в грамотах, бывшие конвоиры на глазах превратились в почетный караул. Они наперебой норовили пожать руки героям и поздравить их с наградой.

Окончательный удар нанесли наши люди, рассредоточенные в зале. Подчеркивая любовь, симпатию и благожелательное общественное мнение, из разных мест зала почти синхронно ритмично захлопали в ладоши и громко скандировали:

– Мо-ло-дцы! Мо-ло-дцы! Мо-ло-дцы!

Сидя на подоконнике, Профессор, Мурчик и я подхватили аплодисменты.

Зал повёлся. На условно-рефлекторном уровне свидетели торжества справедливости, охваченные заразительным энтузиазмом, вскочили на ноги и оглушительно подхватили:

– Мо-ло-дцы! Мо-ло-дцы! Мо-ло-дцы!

– Красивые грамоты, – перекрикивая овации, на ухо сказал мне Мурчик.

– Ты такую тоже хочешь? Не вопрос, – так же на ухо ответил я ему, – в тумбочке под телевизором ещё шесть штук пустых бланков осталось, всем хватит.

– Профессор, ты хочешь грамоту? – спросил Мурчик у Профессора, прислушивающегося к нашему разговору. – Ты

только скажи, мы мигом нарисуем, – добавил он шёпотом.

– Так что, грамоты не от милиции? – заговорщически тихо спросил Профессор, осматриваясь по сторонам.

– Дождёшься, – со вздохом ответил я, – главное, что добро победило зло, и мы спокойно доживём здесь свой срок на свежих простынях, которые нам непременно завтра утром поменяют, спорим.

– На два пирожка с мясом и стакан бульона, – протянул руку Мурчик.

– А ребята знают, про эти грамоты... Ну, что они фальшивые? – опасливо, почти шепотом спросил Профессор.

– Разбей, – протянули я Профессору спорное рукопожатие. – Вместе их и написали. Понравилось?

– Ещё бы, – заулыбался Профессор, и мы соскочили с подоконника, разминая затекшие ноги.

– Лейтенант только долго упирался, – доверительно тихо продолжил я, – еле его уговорил. Нечестно, говорит, руководство обещало подарить ребятам именные часы. А когда это будет? Ничего. Родина всегда найдёт своих героев, если захочет. Уговорил-таки, и даже вытащил из него фамилию их самого главного начальника, от его имени, кстати, и расписался. Ну, пошли, поздравим ребят.

Оживлённый многоголосый шум не унимался. Шура и Манюня возвышались над головами обступивших их неожиданных поклонников подвига. Протиснувшись через плотное галдящее окружение, мы увидели лейтенанта, он

уже успел выяснить «кто есть кто» и что-то с жаром говорил согнувшемуся чуть ли не пополам Шуру. Шура отвечал ему так же, старался на ухо, но выходило в макушку, успокаивающе придерживал за плечо и похлопывал по погону. Затем милиционер заговорил опять, слов слышно не было, но по прижатым к груди рукам было видно, что он говорит что-то искреннее и сокровенное, затем он подался вперед, ткнулся Шуру в плечо и, смахивая слезу, незаметно протерся глазом по джинсовой куртке.

Шура показал на Манюню, видимо, напоминая, кто донёс его на руках в отделение. Милиционер с жаром набросился на Манюнину ладонь и, высоко задрав голову, так же горячо и искренне продолжал благодарить.

Комендант уже пришёл в себя, обернулся вокруг внутренней оси многоликого человеческого достоинства и тоже потянулся к героям со своим рукопожатием.

«Счастливым человек, – подумал я про него, – отряхнулся и пошёл как ни в чём не бывало. Позавчера мы были самыми родными, и он предложил нам уехать домой, вчера – мы враги народа и по нас скучает лесоповал, сегодня опять герои. А что будет завтра? Опять потеряет страх, перелицует совесть и будет нас доставать своим сумасбродством? Кстати, ещё за бойцов невидимого фронта поквитаться надо».

Подойдя к нему вплотную со спины, опять же тихо, чтобы никто не слышал, я ему прошептал на ухо:

– Просили передать, что вас хотят видеть на Совнарко-

мовской.

Удар молнии не произвёл бы такого впечатления. Его потрянуло, он присел и на полусогнутых ногах развернулся и задрожав, с испугом, побитой собакой, ссутулившись больше обычного, взглянул на меня снизу вверх. В его глазах застыл неподдельный ужас, челюсть отвисла, противно сверкнули стальные коронки, казалось, вот-вот и потечёт слюна.

На Совнаркомовской – это харьковская «шутка», я её выудил у лейтенанта. В Одессе говорят на Бебеля, в Питере – на Литейном, а в Москве – на Лубянке.

При взгляде на коменданта, мне стало противно и стыдно. Чтобы сгладить гадливое чувство, я решил перевести всё в шутку:

– Пока ничего серьёзного, предупредили только, что пора поменять у нас постели, а в Красном уголке портрет Дорогого Леонида Ильича Брежнева.

По лицу коменданта было не понятно, дошла до него шутка или он, как обычно, принял всё за чистую правду. Но беглый взгляд, брошенный на портрет Генсека с двумя звёздами на груди вместо трёх, красноречиво подтвердил длинные руки и всевидящее око всемогущих органов. Он перевёл на меня напряжённые бусинки ненавидящих глаз, в уголках которых наворачивались слезы отчаяния.

– Да не волнуйтесь вы, – брезгливо успокоил я его, – портрет можно и до конца недели поменять. Разрешили. Всё согласовано. А вот постели... Не позже завтрашнего утра.

Возле Шуры стоял аспирант, будущий декан-садист. Бережно возвращая грамоту, он по-дружески балагурил:

– Молодцы. Я уже скоро восемь лет в этом общежитии, но чтобы кто-то за пару недель поставил всех так на уши, не припомню. И грамота с подписью начальника горотдела милиции. Это же надо! Такое надо обязательно обмыть.

– И обмыли бы, – подхватил, как всегда кстати подошедший Мурчик и с серьезным видом продолжил, – только тут у вас горячей воды в душе нет.

– Так у нас в Харькове сауну открыли, – гордо возразил с благоприобретенным харьковским акцентом приезжий аспирант-старожил общежития.

– Говори адрес, – по горячему следу насел на него Мурчик.

– А пошли-ка мы все в баню, – мечтательно проговорил Манюня, услышав заграничное слово «сауна».

– Заодно и помоемся, – добавил Шура старую, затёртую мочалкой до дыр полудетскую шутку.

«Пошли в баню» – душевное название для следующего репортажа из харьковского общежития.